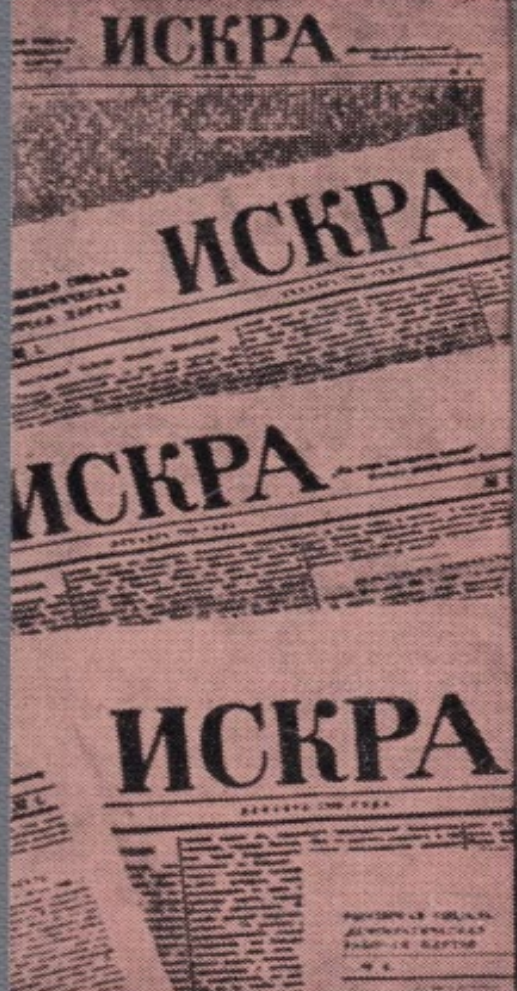

ПЯТНИЦКИЙ

Владимир
Дмитриевский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

«...О. Пятницкий — один из выдающихся знатоков международного рабочего движения и, без сомнения, самый основательный знаток коммунистических партий», — так охарактеризовала своего близкого друга и соратника по работе Бела Кун. О. Пятницкий в течение четырнадцати лет был одним из руководителей Коммунистического Интернационала с 1921 по 1935 год включительно. Учеба профессионального революционера под руководством Ленина сказывается в каждой детали его работы, который, подавляя даже видимость всего личного, всегда с крайней скромностью обслуживает товарищей и организации, которыми он с величайшей осмотрительностью, с учетом всех обстоятельств твердой и уверенной рукой руководит.

[Адаптировано для AIReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Владимир Дмитриевский](#)
    -
    -
    -
    - [В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ](#)
    - [ТАК СЕБЕ ГОРОДОК](#)
    - [ПОЧТИ ПО «ГРАФУ МОНТЕ-КРИСТО»](#)
    - [ОСЕДЛАВШИЙ ГРАНИЦУ](#)
    - [В ОДЕССЕ](#)
    - [ТОРГОВЛЯ СУХИМИ ФРУКТАМИ,](#)
    - [САМЫЕ ТЯЖКИЕ ГОДЫ](#)
    - [К БЕРЕГАМ АНГАРЫ](#)
    - [УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ВЛАСТЬ!](#)
    - [МОСКВА ВЗЯЛАСЬ ЗА ОРУЖИЕ](#)
    - [НУЖЕН ЗЕЛЕНЫЙ](#)

- [БОЛЬШОЕ ХОЗЯЙСТВО](#)
- [БЕЗ ЛЕНИНА — С ЛЕНИНЫМ](#)
- [ШТАБ ВСЕМИРНЫЙ](#)
- [СЕКРЕТАРЬ КОМИНТЕРНА](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

-
-
-
-
-
-

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)

- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 15
(503)

МОСКВА
1971

Владимир Дмитриевский

ПЯТНИЦКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

---

*

© Издательство «Молодая гвардия», 1971 г.

H. Hartman

*Сыновьям товарища Пятницкого — Игорю и
Владимиру — посвящаю*

*Вы видите, что мы боремся не только за победу
социализма для нас, не только за то, чтобы дети наши
вспоминали о капиталистах и помещиках, как
доисторических чудовищах, — мы боремся за то,
чтобы рабочие всего мира победили вместе с нами.*

Ленин

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Утром 30 января 1932 года светлый «бьюик» с брезентовым верхом затормозил возле углового четырехэтажного дома на Моховой.

Часы на Спасской башне отзвонили четверть — было девять часов сорок пять минут.

Из машины не без некоторых усилий выбрался коренастый, полный человек в теплом пальто и высокой каракулевой шапке. Подошел к невзрачной двери, выкрашенной темной охрой, переложил туго набитый портфель-чемодан из правой руки в левую и дернул дверь на себя.

— Позвольте поздравить вас, товарищ Пятницкий, — торжественно и прочувствованно провозгласил вахтер.

— Это с чем же?

— Да ведь же именины... Наслышаны. А потом и в газетах.

Пятницкий досадливо передернул плечами, нахмурился, но тут же заставил себя скупой улыбнуться.

— Спасибо, Матвей Никанорович. Расту, да только уж вниз.

Подошел к лифту, захлопнул за собой дверь и наперекор только что сказанному с грохотом вознесся вверх.

А вахтер вытащил пачку «Пушки» и, разминая толстую папиросу, думал, что вот уже сколько лет можно проверять по товарищу Пятницкому часы. Всегда без четверти десять и обязательно предъявит свое исполкомовское удостоверение. Справедливый человек! Строг, конечно, но и к себе самому без послабления относится. Так и должно быть, дисциплина для всех одна. Да и учреждение-то у нас особое — Ис-пол-ком Ком-му-нис-ти-ческого Ин-тер-на-цио-нала!

Размышления вахтера были прерваны хлопаньем двери. С потоками сизого морозного воздуха один за другим входили сотрудники Коминтерна и КИМа, здоровались, предъявляли пропуска и устремлялись к лифту. Впрочем, многие предпочитали пеший ход и, не дожидаясь мечущейся вверх и вниз кабины лифта, взбегали по старым, заметно стертым ступеням лестницы.

Часы на Спасской башне ударили десять раз, и ледяной голубоватый воздух не сразу растворил в себе гулкое медное эхо.

Рабочий день ИККИ начался.

...Пятницкий, кивнув своему секретарю Фане Вазовской, сразу же прошел в кабинет, разделся, ощущая некоторое неудобство от нового, с

иглочки, синего костюма, протиснул палец между кадыком и накрахмаленным воротничком белой рубахи и, чертыхнувшись, попытался хотя бы немного ослабить тугой узел галстука.

Сел за стол и привычным жестом придвинул к себе кипу уже приготовленных сегодняшних газет.

Зашелестели страницы «Правды». Так и есть! «К 50-летию тов. Пятницкого» занимает несуразно много места. И сколько подписей! Подумаешь, какое важное событие — одному из бойцов большевистской партии стало на один год больше! Наспех пробежал глазами слова дружбы, признания, восхищения и почувствовал, как жаркая краска стыда полыхнула по щекам, залила подбородок, шею... Ну зачем это? Зачем! Я же просил, предупреждал...

Прирожденная скромность, яростное неприятие любого проявления аффектации, позы, комчванства, вообще свойственные натуре Пятницкого, усугублялись еще и тем, что вся его многолетняя деятельность в партии — очень важная, просто необходимая, проходила не на авансцене, а за кулисами. И была известна лишь очень ограниченному кругу лиц. «Мое дело не высокая политика, а хорошо налаженная техника», — частенько говаривал он, без тени зависти восхищаясь блистательным талантом Луначарского, Мануильского, Кржижановского и других признанных ораторов, полемистов и пропагандистов партии. Так было в подполье, так осталось, как он полагал, и теперь, когда он стал одним из секретарей Исполкома Коминтерна.

Что-что, но «технику» он действительно знал назубок и в этом вопросе без ложной скромности считал себя крупным специалистом. Организация транспорта большевистской литературы в Россию, подготовка и посылка людей из-за границы в Россию и из России за границу с бременем тяжелой личной ответственности за их безопасность, создание подпольных типографий, нелегальных явок, подготовка необходимых документов, разоблачение провокаторов — вот она, довольно многогранная «техника» партии, целые десятилетия находившейся в глубоком подполье.

И нет надобности скрывать, кое-что из своего богатого опыта конспиратора он использует и теперь, руководя организационной деятельностью Исполкома. И именно поэтому не было никакой необходимости так превозносить его... «Делаю лишь то, что умею делать, и не вижу смысла трубить в трубы и бить в литавры по случаю того, что мне исполнилось пятьдесят лет». Пришла забавная мысль: по ошибке на аплодисменты публики выволокли не премьера-тенора, а этого... Как их там называют... который поднимает и опускает люк, свергая сатану в

преисподнюю, устраивая ветры и снегопады, да, кажется, машиниста сцены.

Машинист сцены! Сравнение неожиданно понравилось ему самому, и Пятницкий коротко расхохотался. Смех его, резкий и высокий, напоминал тревожный клекот.

И все же, положив руку на сердце, он не мог осудить их, старых боевых своих друзей, подписавших приветствие. Взять того же Белу, или старика Катаяму, или Пика! Не один пуд соли съеден с ними. Привыкли понимать друг друга с полуслова. Спорили, понятно, ругались, но только по принципиальным вопросам и никогда не держали камня за пазухой.

Пятницкий знал их всех: с присущими каждому человеку слабостями, не раскрытыми еще возможностями, неожиданными порывами души... Знал, кто на что способен: кому положено первому идти в лихую кавалерийскую атаку — да, друг мой Бела, это прежде всего относится к тебе! — а кому сидеть в окопах, пусть по пояс в ледяной воде, под жестоким обстрелом, дни и ночи напролет — и все равно не сойдет с места, не дрогнет, выдержит... Знал их всех, пожалуй, так хорошо, как себя самого!

В Коминтерне имели хождение легенды о его исключительной проницательности. Будто бы достаточно Пятницкому поговорить с глазу на глаз с каким-нибудь функционером, и будь тот немцем, французом, ливанцем, хоть самым чертом, а секретарь Коминтерна уже знает, на что он способен, какое поручение в состоянии выполнить, и уже навсегда спрячет случайного собеседника на одну из полочек своей цепкой, натренированной памяти.

Конечно, преувеличение! Некоторый жизненный опыт, двадцать лет партийной работы в подполье, и ничего больше...

Пятницкий хотел было отложить газету, но еще одна заметка привлекла внимание. И светлые ястребиные глаза его затуманились, потемнели... «Привет старому другу, закаленному большевику». Это Надежда Константиновна. Только она может писать так просто и душевно... И сразу же привычная неизбывная печаль сжала сердце.

Восемь лет прошло, а будто вчера это было. Он стоял у гроба того, кто был создателем и вождем III Коммунистического Интернационала, кто привел народы России к тому памятного дню, когда на заседании Петросовета рабочих и солдатских депутатов можно было сказать: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась»^[1]. У гроба... А всего два месяца назад в Горках Владимир Ильич сидел в кресле возле столика, где лежали книги и

газеты, он мог уже вставать и прохаживаться по комнате, опираясь на палку. Думалось: «Ведь победил, победил могучий его мозг смертельную болезнь». А он... Нет, и сейчас думать об этом невыносимо...

Надежда Константиновна пишет: «Пятница был убежденнейший большевик... цельный, у которого никогда слово не расходилось с делом, на которого можно было положиться. Таким его знал Ильич».

Пятница! Никто уже теперь его так не называет. Только Крупская, ну и еще два-три старейших друга. Сколько кличек, сколько псевдонимов, сколько шкур пришлось переменить за годы нелегальщины! Да и сейчас некоторые не подлежащие разглашению указания и директивы Исполкома подписывает он не фамилией, а еще одним псевдонимом — «Михаил». Но «Пятница», «Фрейтаг» сопутствовали ему все дореволюционные годы. Это Бахи, когда он впервые приехал в Берлин, окрестили его Михаилом Давидовичем Фрейтагом, а Смидович перевел слово «Фрейтаг» на русский язык, и получилось — Пятница. Надежде Константиновне всегда нравилось называть его Пятницей. Когда в октябре семнадцатого приехал в Питер для встречи с Ильичем и отправился на Выборгскую сторону, где работала Крупская, она подвилась навстречу с доброй и чуть заговорщицкой улыбкой и негромко сказала: «Он ждет вас, Пятница...» И, оглянувшись, на ухо шепнула адрес. И почти так же было в октябре двадцать третьего, когда приезжал в Горки, чтобы доложить Ленину о главнейших решениях Коминтерна. Тоже улыбнулась, но такой вымученной, едва прочерченной улыбкой и сказала негромко: «Он ждал вас, Пятница». Да, ждал...

...Вот и прошли четверть часа до начала рабочего дня ИККИ, которые Пятницкий предназначал для того, чтобы в полном одиночестве, наедине со своими мыслями, обдумать все, что предстоит сделать за день, подготовиться к назначенным встречам и как следует собраться. Сегодня ни черта не получилось! Слишком уж много думал он о себе самом. Отложив, скорее отбросив кое-как сложенные газеты, Пятницкий потянулся к звонку, чтобы вызвать Казовскую. Но Фаня уже приоткрыла дверь кабинета:

— У телефона товарищ Стасова.

Пятницкий снял трубку. Характерный, твердый, чуть императивный голос председателя ЦК МОПР, этой «железной старухи», как мысленно величал иногда Елену Дмитриевну Пятницкий. Поздравила с «совершеннолетием». Пожелала доброго здоровья, чтобы дожить до всемирной революции.

Он любил и уважал Стасову. Ее прямоту, целенаправленность, несокрушимую логику. Вот уж ей никогда не Цридет в голову при виде

черного назвать его сереньким или только чернеющим. Они оба терпеть не могут алогизм мышления и всяческую крутню вокруг очевидной истины. Искать обходные пути, если перед тобой широко открыты двери, допустимо лишь из тактических соображений, когда имеешь дело с противником, которого во что бы то ни стало надо положить на лопатки... В любом другом случае путь к цели должен быть кратчайшим, а следовательно, прямым.

За десятилетия пребывания в партии было и так, что он выполнял прямые указания «железной старухи», но было и наоборот, когда он указывал, а она выполняла... Во всяком случае, в те годы, когда Стасова работала в Коминтерне... Они были «погодками». У обоих в партийных билетах в графе «Время вступления в партию» стояло: «1898-й». И жизненным принципом их обоих, как, впрочем, и каждого истинного большевика, давно уже стало лаконичное, но всеобъемлющее положение, сформулированное Владимиром Ильичем в одной из его бесед с Кларой Цеткин. «У вас, — сказал тогда, обращаясь к Кларе, Ленин, — нет никакого права, кроме права в тяжелое время служить партии и пролетариату». Вот именно! Нет и не будет ни у меня, ни у Елены другого права. До конца жизни не будет. И точка на этом!

Но так и не поставил точку, потому что мысль, метнувшись через целое десятилетие, вновь привела его на коммунистический вечер, устроенный в честь 50-летия Ленина, когда Владимир Ильич, раздосадованный, явно недовольный, опасно ироничный, появился в конце торжества и пустил среди собравшихся карикатуру художника Каррика, подаренную ему Стасовой, и выразил надежду, что ее рассмотрение авось поможет избавиться впредь от подобных юбилейных празднеств. Карикатура изображала народника Михайловского этаким важным патриархом, которого пришли поздравить маленькие детишки-марксисты... А к ней было приложено письмо Елены Дмитриевны, очень теплое, очень дружеское, в котором она писала, что если в день юбилея Михайловского наша партия была еще в детском возрасте, то теперь она выросла, «и это дело Ваших рук, Вашего ума и таланта». Ну, а Владимир Ильич использовал эту карикатуру по-своему, как аргумент против «юбилейных празднеств», к которым относился более чем скептически.

И, вспоминая об этом, Пятницкий с растущим раздражением подумал о юбилейных речах, которые ему предстоит выслушать сегодня, и о своей беспомощности в этом вопросе — не может же он, в самом деле, директивным порядком отменить вечер...

И опять Казовская попросила его взять трубку. Звонил народный

комиссар иностранных дел Литвинов.

— «Папаша» приветствует и поздравляет тебя, Осип, — сказал Максим Максимович. — И выражает уверенность, что ты и сейчас сможешь перемахнуть через тюремную стену... как тогда... Помнишь, словно кузнечик!

— Брюхо, брюхо не позволит, Максим... Как, впрочем, и тебе. Сидим в кабинетах и отрачиваем. Хоть караул кричи! — Посоветовав друг другу сгонять лишний жир по системе Мюллера, они посетовали, что время мчится на курьерском — вот уже почти старики, а ведь в Лукьяновке встретились совсем мальчишками.

Теперь телефон в кабинете секретаря Исполкома не умолкал ни на минуту. Звонили Сольц, Муранов, Владимирский, Берзин... И под грубоватыми шутками, которыми они обменивались с юбиляром, нарочито ироническими пожеланиями «и к ста годам сохранить свои роскошные кудри» (Пятницкий был совершенно лыс) чувствовалась большая, прошедшая через все испытания дружба или, вернее, даже братство по духу и мысли, отличавшее старую ленинскую гвардию, к которой все они принадлежали с первых дней существования боевой революционной партии пролетариата.

И, говоря по телефону со старыми своими друзьями, Пятницкий как бы перелистывал страницы собственной жизни, и они представлялись ему сейчас самыми значительными, самыми радостными. Но, увы, как все в жизни, неповторимыми. Некоторая раздраженность, внесенная им самим в этот день («вот глупостями какими приходится заниматься»), уступила место чему-то приятному, хотя и не без налета легкой грусти — неужели прожито целых полвека! — и Пятницкий уже без досады думал о вечере, который в его честь устраивают ближайшие друзья и во имя которого напялил он на себя новый, отлично отутюженный синий костюм....

...В кабинет, весь «буря и натиск», ворвался сереброволосый, но с черными, как смоль, густыми и широкими бровями Пик. Тоже при параде — белоснежная рубаха «а ля Шиллер» и лучший серый костюм. Обнял, прижался на секунду щекою к щеке, похлопал по спине, поздравил горячо, а потом вдруг засмеялся, и на его энергичном, подвижном лице резко обозначилось множество поперечных морщинок.

— В качестве именинного подарка я принес тебе подробнейшие материалы Харцбургской встречи. Наци и штальгеймовцы единоклубны. Полная ликвидация веймарского режима. Для них даже Брюнинг непозволительно красноват.

— Я уже кое-что знаю, Вилли. — С губ Пятницкого мгновенно

соскользнула озорная улыбка, лицо словно набрякло тяжелой злой силой, явственнее обозначились темные подглазья. — Получил письмо из западноевропейского бюро. Димитров уже обсуждал с Тедди необходимые контрмеры. Решено создавать по всей стране комитеты единого антифашистского действия... — Помолчал, побарабанил по столу смуглыми короткими пальцами и выжидающе глянул на Пика.

Тот помрачнел, сжал в прямую полоску губы и, засунув руки в карманы брюк, прошелся раз и два по кабинету.

— А потом, — сказал он, — Гитлер произнес тронную речь перед крупными промышленными воротилами... В Дюссельдорфе...

Оба они считали, что достаточно хорошо знают рабочий класс Германии. Его природу, боевой дух, организованность, но вместе с тем и исторически сложившиеся традиции, тягостные, как ножные кандалы. Он был могуч и беспомощен одновременно. Он способен был на мужественные действия, приближавшие, казалось бы, его к окончательной победе над буржуазией и в дни ноябрьской революции, и позже, когда знамя Советов взвивалось над Бременской и Баварской республиками, и потом, в скоротечное торжество красных в Тюрингии и Саксонии, и в великолепной, трагической битве рабочих изолированного, оставшегося в одиночестве Гамбурга, повторивших подвиг парижских коммунаров. Но всякий раз его обманывали и предавали те, кому он привык верить: лидеры социал-демократии, профсоюзные бонзы. Гномы, оплетающие ноги и руки великана тончайшими путами...

На мгновение Пятницкий отчетливо увидел перед собой словно врезанный в стену кабинета герб Мюнхена: ухмыляющийся гном в дурацком колпаке как знамя, как призыв, как обещание вздымает кружку пенящегося баварского пива. Тьфу! Пятницкий неожиданно для себя громко выругался.

— Ты почему так сказал? — изумленно спросил Пик, прерывая свой марш по кабинету.

— А?.. Да вот вспомнил проклятых карликов, — рассеянно сказал Пятницкий и посмотрел на стену — гном с пивной кружкой исчез.

— Карлики?.. — полувопросительно воскликнул Пик. Он никак не мог понять, почему вопрос о создании комитетов антифашистского действия ассоциировался в сознании Пятницкого с какими-то карликами, а Пятницей, в свою очередь, считал, что вернуться по извилистым лабиринтам собственных мыслей к исходной точке и вновь, но уже вместе с Вильгельмом проделать это путешествие — глупая трата времени. Поэтому он небрежно махнул рукой, словно бы отгоняя не слишком назойливую

муху, и сказал Пику, что его особенно встревожило последнее письмо Гюптнера.

— Наци успешно отвоевывают молодежь у социал-демократов. Молодежь нетерпелива. Она не желает десятилетиями ждать обещанных реформ. Она требует действия, действия немедленного и конкретного. И наци на этом играют... и выигрывают. Так, по крайней мере, считает Гюптнер, а ему и книги в руки — бывший кимовец!

— Да, Рихард превосходно знает немецкую молодежь, — согласился Пик и словно под гнетом собственных мыслей тяжело опустился в одно из кресел, стоявших перед столом Пятницкого.

Они посмотрели друг другу в глаза прямо, отважно, и, как всегда, слов не потребовалось. Они думали об одном и том же.

Конечно, в то январское утро 1932 года ни Пятницкий, ни Пик не подозревали, что катастрофа так близка, что уже в этом году коричневые во время очередных выборов в рейхстаг получают голосов больше, чем любая другая партия, и что ровно через год Гинденбург назначит рейхсканцлером Адольфа Гитлера и коричневая лава зальет всю Германию и превратит страну Гёте и Канта, Бетховена и Маркса в страну чадных костров, виселиц и концлагерей. На выборах в рейхстаг в мае 1928 года нацисты получили всего только 810 тысяч голосов и затаились в своих логовах. И вот тут-то в пылу привычных и ожесточенных сражений с достойными выучениками Носке — цергибеллями и зеверингами всех рангов немецкие коммунисты как-то упустили из виду, что враг многоголов. И ровно через год, после расстрела первомайской демонстрации в Берлине и запрещения Союза красных фронтовиков, коричневая клыкастая гадина высунулась из своего логова. И тут выяснилось, что это вовсе не маленькая ядовитая змейка, которую рабочий класс может раздавить своим подбитым железом каблуком. Гадина стремительно выросла и превратилась во врага номер один, особенно опасного своими демагогическими, но вполне конкретными лозунгами. И когда на выборах 1930 года против миллиона новых голосов, завоеванных коммунистами, наци прибавили почти пять миллионов, в Германии ощутимо запахло возможной катастрофой.

А сейчас, если верить прогнозу западноевропейского бюро и докладам, поступающим из окружных комитетов, несмотря на революционный подъем, наци исподволь продолжают набирать силу.

Пик и Пятницкий стали тщательно обсуждать ситуацию в каждой из пятнадцати земель республики, анализируя сложившееся там соотношение сил и намечая пункты, где в первую очередь следовало создать комитеты действия. Перед их мысленным взором развернулась карта Германии, и они

мысленно же как бы вкалывали в нее булавки с красными флажками — будущие опорные пункты обороны и наступления рабочего класса.

Пик был стопроцентным немецким пролетарием. Столяр из Губена, он уже в 1895 году вступил в социал-демократическую партию и одним из первых встал на сторону Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Он действительно отлично знал немецких рабочих, их думы, чаяния и надежды. Но и он поражался, когда Пятницкий безошибочно называл имена функционеров местных отделений социал-демократических партий и давал каждому из них краткие и точные характеристики.

Так они работали около часа, и только Вильгельм Георгиевич Кнорин позволил себе зайти на минуту, чтобы пожелать Пятницкому долгих и хороших лет жизни. А когда Пик ушел, Казовская доложила, что в приемной дожидается товарищ из Восточного секретариата.

— Пусть заходит, — сказал Пятницкий.

— Вот это подарок так подарок! — воскликнул Пятницкий, выслушав взволнованные, сбивчивые слова заместителя заведующего Восточным секретариатом. — Значит, дали японцам по зубам? Ну что за молодцы шанхайцы! Но это точно? Китайские товарищи склонны несколько преувеличивать свои успехи.

— Не беспокойся, товарищ Пятницкий, сведения поступили по нескольким каналам. Позавчера японцы пытались овладеть Шанхаем, но отступили с большими потерями. 19-ю китайскую армию поддерживает вооружившийся шанхайский пролетариат.

— Так, так... — Изменив своей привычке, Пятницкий встал из-за стола и прошелся разок по кабинету. — Событие громадной важности. Ведь это первый случай, когда китайский народ оказал армиям японского империализма серьезное сопротивление. А ведь у японцев-то небось голова закружилась от легкости их маньчжурского похода. Ван Мин уже в курсе?

— Нет, я сразу же пошел к тебе.

Пятницкий схватился за телефонную трубку.

— Можешь сейчас же зайти ко мне?.. Есть большие новости... Да... Жду, жду...

Китай давно уже приковывает к себе внимание Коминтерна. Он — гигантская арена национально-освободительной борьбы. И несмотря на черную измену Чан Кай-ши и поражение революции 1926–1927 годов, несмотря на то, что оппортунист Чень Ду-сю, временно оказавшись у руководства, нанес немалый вред компартии, Китай остается форпостом антиимпериалистической борьбы в Азии. И вот опять свое слово говорит Шанхай.

Почему-то, казалось бы, вовсе не к месту вспомнился случай с товарищем-Подем Руэггом — секретарем Тихоокеанских профсоюзов. Его в прошлом году арестовала англо-французская полиция и выдала маузеристам Чан Кай-ши. Под фамилией Нолане. Вместе с ним была арестована и его жена. Дважды товарища Руэгга чанкайшистский трибунал приговаривал к смертной казни. Но оба раза удавалось отстоять его жизнь — во всем мире поднимали голос протеста революционные пролетарские организации.

Когда во второй раз приговоренный к смертной казни Поль Руэгг сидел закованный в кандалы в нанкинской военно-каторжной тюрьме и с ним в камере круглосуточно находился страж, не спускавший глаз с приговоренного, пришлось — да, конечно, это было не так уж просто! — найти способ проникнуть в его камеру и передать совет: «Михаил рекомендует вам назвать свое настоящее имя». То же было сказано и жене Руэгга Гертруде. Оба точно из гранита. И перед лицом неизбежной смерти не нарушили правил конспирации. Ну, а когда получили рекомендацию, и часа не стали медлить. В тот же день подали заявление, что они в действительности не Нолансы, а швейцарские граждане Поль и Гертруда Руэгги. Так еще раз удалось отсрочить казнь, а затем и добиться замены ее пожизненным заключением. Но кто знает, что будет завтра? Тут Пятницкий ухмыльнулся и крепко провел ладонью по лысине. Двери тюрем не только закрываются, но и открываются. Таков диалектический закон. И кто знает, не распространится ли он на Руэггов. Тем более что мы попробуем помочь им распахнуть тяжелую тюремную дверь...

— Здравствуй, Осип, — сказал Ван Мин, очень старательно выговаривая русские слова, но все же спотыкаясь на совершенно непроизносимом «эр» и заменяя его каким-то горловым «эль». — Я очень хотел зайти и пожелать тебе десять тысяч лет жизни, но откладывал это, самое для меня приятное, на конец дня.

— Есть нечто куда более приятное, друг мой Ван Мин, — возразил Пятницкий. — Вести из Шанхая.

Невысокий, очень изящный человек со смуглым без единой морщинки лицом юноши — хотя за плечами были и годы подпольной революционной работы, и тюрьма, и смерть, не раз проходившая совсем рядом, — представитель Компартии Китая в ИККИ Ван Мин, стоя вытянувшись, как красноармеец на параде, выслушал повторенное работником Восточного секретариата сообщение. Лицо его оставалось неподвижным. Только чуть приподнялись темные верхние веки и в узких черных щелках сверкнуло пламя.

— Весьма отличный признак, — сказал он. — Очень... Но только не следует его переоценивать, видеть в трехголовом драконе уже семиголового.

— Ты имеешь в виду Ли Ли-саня и его братию? — настороженно спросил Пятницкий. — Ох уж этот товарищ Ли Ли-сань!

Придя к руководству, он и его сторонники разработали свой план борьбы с империализмом, положив в основу его особую, да чего там, видите ли, исключительную роль Китая. По Ли Ли-саню выходило, что именно китайская революция будет «главным столбом мировой революции», что за «взрывом» в Китае обязательно последует война Японии против СССР, а из кровавых недр войны, как птица Феникс, возникнет мировая революция. Отсюда самые что ни на есть авантюристические замыслы немедленного завоевания власти в нескольких провинциях и организация вооруженных восстаний во всех крупнейших городах страны. И когда Коминтерн давал свои рекомендации, предлагавшие Китайской компартии отказаться от губительного курса, Ли Ли-сань долгое время утаивал от коммунистов эти важнейшие документы. Правда, в прошлом году как будто бы все же удалось создать в КПК прочную базу для борьбы здоровых сил за ликвидацию лилисановщины — так стал называться левоавантюристический, а по существу, мелкобуржуазно-националистический курс бывшего руководства Китайской компартии. Но ведь Ли Ли-сань-то не один!

Когда Ван Мин и товарищ из Восточного секретариата ушли, Пятницкий посмотрел записи, сделанные им в календаре, довольно громко обозвал себя растяпой и, сказав Фане, чтобы ни с кем больше его не соединяла, позвонил в ОМС — отдел международных связей — и попросил Бричкину зайти.

Софье Борисовне Бричкиной верил Пятницкий беспредельно. Судьба, а точнее, революционная деятельность свела их еще в 1903 году в Швейцарии. Потом был Берлин, где Бричкина состояла в большевистской подгруппе эмигрировавшей из России молодежи; Одесса 1905 года, когда у Пятницкого — организатора Городского района — помощником была Бричкина, и Москва самых тягостных лет реакции, когда Пятницкому пришлось принять на себя ведение всего конспиративного технического аппарата Московской организации, а Бричкина всегда находилась рядом, точная, исполнительная, немногословная, уже опытный конспиратор большевистского подполья. Естественно, что, когда пришлось комплектовать ОМС, Пятницкий потребовал, чтобы Бричкину прислали в его распоряжение.

Когда она вошла в кабинет — невысокая, гладко причесанная, в темном платье, крепко прижимая к боку папку с бумагами, Пятницкий поднялся ей навстречу.

— Ну, здравствуй, Соня! — сказал он, протягивая свою маленькую смуглую руку.

— Поздравляю тебя, Осип. — Она чмокнула его в щеку. — Я желаю тебе... Ну да ты сам знаешь, что я могу тебе пожелать. — И, сразу же переходя на сдержанный, не допускающий ни малейшей фамильярности тон, сказала:

— Приехал Аугусто. Он чуть не погорел в Фигейра-ди-Фош. Салазаровцы устроили настоящую облаву. У него к вам письмо от товарища Гонсалвиша.

— Ты его устроила?

Бричкина кивнула головой.

— Надеюсь, не в «Люксе»?

Она не нашла нужным ответить. С таким же успехом Пятницкий мог спросить, не позволила ли она журналистам взять интервью у Аугусто.

Пятницкий хохотнул.

— Ладно, не обращай внимания.

— Когда вы будете с ним разговаривать?

— Когда угодно. Сейчас. Через десять минут... Через час...

— А может, лучше завтра? Сегодня такой день... для вас...

— Сколько лет ты меня знаешь, Соня?

— Скоро тридцать, товарищ Пятницкий.

— Ну вот... А говоришь так, будто встретились мы вчера.

Он подписал несколько писем, подготовленных ОМСом: «Михаил»... «Михаил»... сильно нажимая на бумагу иридиевым кончиком вечного пера. Потом быстро продиктовал два-три письма. Осведомился о здоровье Абрамова, отложил в сторону толстый черный «паркер», провел ладонью ото лба к макушке без единого волосика, гладкой и смуглой, несколько раз, все сильнее и сильнее, словно стирая какие-то лишние мысли, мешающие ему совершить прыжок из Германии в Португалию, и приказал:

— Приведи Аугусто.

...День шел к концу. Давно уже потемнели стекла окон, и чем гуще становилась прижавшаяся к ним тьма, тем отчетливее проступал морозный узор — белые деревья с длинными конусообразными листьями... И давно уже горела лампа на письменном столе, и в зеленоватый крут света попадала то рука, протянувшаяся за нужной бумагой, то нижняя часть лица с напряженно сжатыми полными губами под небольшими сидящими

усаами и с властным, раздвоенным подбородком. Пятницкий работал, не замечая бегущих часов, совершенно позабыв, что вечером в «Люксе» должны собраться его товарищи и ему — виновнику этого вечера — опаздывать не положено. И только когда он попросил Фаню соединить его с Капсукасом, а Фаня сказала, что Винцас Симанович уже поехал в «Люкс», и осуждающе покачала головой, Пятницкий вспомнил и стал собирать бумаги.

И тут позвонили из дома.

— Слушай, Пятница. Тебе привезли стол, кресло и письменный прибор...

— Какой стол? Какой прибор? Что ты еще придумала, Юлик?

— Не я, а кто-то другой... Вернее, другие... От сотрудников Коминтерна...

— Что за черт! Зачем вся эта ерунда?.. Неужели ты не могла?..

— Нет, Пятница, даже с помощью наших мальчиков я бы не смогла сбросить все эти тяжелые предметы с девятого этажа. — Она засмеялась и положила трубку.

Растерянный и раздосадованный стоял Пятницкий возле стола, все еще сжимая в руке телефонную трубку. Ну, я им покажу! Они у меня узнают! Что я им, шахиншах какой-нибудь... Вот выдумки! Вот глупости! Бросил трубку на вилку и вновь опустился в кресло и стал переключать бумаги с места на место, лишь бы успокоиться и собраться с мыслями. Взгляд, рассеянно блуждавший по зеленому полю стола, вновь наткнулся на «Правду», свернутую так, что письмо Крупской сразу же бросалось в глаза. И он еще раз пробежал письмо, нахмурился, потом улыбнулся нежно и доверчиво и вновь нахмурился, прочитав последние строчки: «Ему 50 лет. Много пережито и много достигнуто. Пожелаем ему дожить до момента, когда поднимется буря мировой революции».

«Много пережито... Да, тут ничего не скажешь! Пережито порядком. Хватит и не на одну жизнь... Много достигнуто. Ну, это как сказать! Много? Гм... нет... Можно было бы достигнуть большего. Гораздо большего... И собственно, что особенное сделал я за свою длинную жизнь, которая проскочила так быстро? Что? Ну что?» Но он так и не мог ответить на этот вопрос потому, что человек, если только он не глупец и не зазнайка, и в самом деле не может сам определить степень добра и пользы, которые вместе с жизнью отданы делу, которому служишь.

ТАК СЕБЕ ГОРОДОК

...Он шел по узкой кривой улочке без тротуаров, где возле одноэтажных домиков, затененных разросшимися кустами сирени и акации, в густой пыли плескались разномастные куры.

Он, как все люди на земле, не видел своего будущего. Не знал, что долгие годы придется идти по самым узким и крутым тропкам и что только по ним выйдет он на широкую и прямую дорогу. Не знал, что встретится с великим революционером, которому будет дано открыть новую эру в истории человечества, что на протяжении всей недолгой жизни этого человека будет всегда с ним — по мыслям и поступкам, не знал, что наступит день, когда он поднимется на самую высокую трибуну, чтобы, обращаясь к лучшим, самым передовым и благородным людям всех рас и национальностей, утверждать всесилие марксистско-ленинского учения.

Он не был тогда ни Пятницким, ни Фрейтагом, ни Пятницей, ни Покемунским, ни князем Санадирадзе, ни Хигриным, ни Михаилом... Только Иосифом Таршисом, шестнадцатилетним подростком, невысоким, предельно худым, с продолговатым хмурым лицом под шапкой густых черных волос, которое освещали большие светлые, пронзительные глаза, и он лишь недавно под влиянием своих старших братьев-столяров встал на путь профессионального революционера и на несколько дней приехал из Ковно в свой родной Вилькомир. Шел 1898 год.

Вилькомир (ныне Укмерге), где 17 (30) января 1882 года в семье столяра-краснодеревца родился Иосиф Аронович Таршис (Осип Пятницкий), уездный город Ковенской губернии, отличался от тысячи других деревянных и грязных городишек с неперменными воскресными базарами и высоченной пожарной каланчой, кое-как расшвырянных по бескрайным просторам государства Российского, разве что только некоторыми зданиями. Развалины старой крепости на холме, костел, по сравнительным масштабам огромнее собора Петра и Павла в Риме, видный со всех городских окраин, господствовал над Вилькомиром. Сложенный из красного кирпича, он отбрасывал огромную тень, сохраняющую какой-то багровый Оттенок.

Все остальное — четырнадцать тысяч жителей: литовцев, евреев, русских и поляков, множество ремесленных микромастерских, малое количество школ, библиотек и других культурно-просветительных учреждений, мелкие предприятия, торжественно именовавшиеся

кожевенными заводами и фабриками по обработке щетины, — создавало привычный колорит богом забытых уголков, где купцы жирели от обжорства и сидячего образа жизни, как каплуны, одиночки-интеллигенты проклинали свою судьбу и спивались от скуки, а беднота едва сводила концы о концами.

Приехав в Вилькомир после очередного увольнения из дамской портняжной мастерской в Ковно — как же: он активный член профсоюза, и «нигилист», и «стачечник», — Иосиф надеялся найти работу в Вильно. Но прежде ему хотелось повидаться с родными и, — что скрывать, тайком от отца выпросить у мамы два-три рубля на дорогу и обзаведение.

Он шел по улицам своего родного городка — угловатый подросток, вчера еще мальчишка, и все здесь было ему близко и знакомо, и все обращалось к нему на языке прошедшего, совсем короткого детства, и он все еще внимал ему.

С крыши, красной, в ржавых растекающихся кляксах, из-под которой выглядывало три подслеповатых оконца, в синее небо рванулась стайка сизых и коричневых, как обожженная глина, голубей. А один из них, снежно-белый, с лихостью циркового акробата перевернулся, сделал смертельную петлю. Турман! У Васьки Жуковицына настоящий турман.

И он поднял руки и хотел подпрыгнуть и побежать вслед голубиной стайке, пущенной в небеса опытной рукой его закадычного дружка. Но раскаленный утюг, тяжелый, как пудовик, который он таскал и ворочал по 15–18 часов в сутки там, в портняжной мастерской в Ковно, удержал его, как грузило, на месте.

— Эй, Иоська! — возбужденно заорал четырнадцатилетний Борька, сын аптекаря и владелец многих интересных книг с роскошными картинками. — Есть «Всадник без головы». Понимаешь... Скачет на мустанге, а го-ловы-то и нет... Идем покажу!

Он мог бы улечься рядом с Борькой на широкий, как ворота, диван, покрытый красно-черным, в плешинах от старости ковром, раскрыть книгу и мчаться на кровном тонконогом скакуне вслед за зловещим всадником, черным силуэтом проскользнувшим на грани ночи и рассвета. Да, мог бы... Но Иосиф тут же услышал голос других книг. Книг, по большей части совсем тоненьких, на плохой бумаге и без картинок. У него была отличная память — он запомнил их названия: «Манифест Коммунистической партии», «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», «Об агитации» и еще одна, на гектографе, — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанная каким-то Ульяновым, молодым русским революционером.

Эти книги читали горячим шепотом либо его брат, либо солидные рабочие-столяры, заходившие к брату, читали при наглухо завешенном окне, при тусклом свете трехлинейной керосиновой лампы с резервуаром из жести. Кто-нибудь выходил из дома и оставался снаружи до тех пор, пока не наступала пора расходиться. После чтения начинался спор, и столяры говорили громко и резко, не стесняясь в выражениях, стуча здоровенными кулачищами по гладко оструганным доскам самодельного стола. Сперва Иосифа попробовали выгонять. «Нечего тут мальчишке делать!» Но он всякий раз ухитрялся пробираться обратно, неслышно, как кошка, и, притаившись в уголке, слушал: «...страшная грязь, смрадный воздух и теснота помещений; связанные с кожевнным промыслом болезни, вроде сибирской язвы, поглотившей множество жертв; истощение сил, спешная работа во время сезона — и безработица, и голод во время перерывов в производстве». Говорят, что написал это «Переплетчик». «А откуда он знает, как живут кожевники, если он сам переплетчик?» — «Дурило! Так это же его кличка, чтобы фараоны не пронюхали, кто он. А ну выдь-ка наружу, покарауль». Он выходил из дома в черную, дремотно шелестящую листьями, пропахшую сиренью ночь, смотрел в оба и думал: кто же он, этот «Переплетчик», который все знает о нашей рабочей жизни, и ему не приходило в голову, что пройдет несколько лет, и «Переплетчик» назовет его Осипом, а он «Переплетчика» — Феликсом.

Пришло наконец время, когда брат перестал его шугать и он стал хоть и самым младшим, но равным среди равных в этом маленьком политическом кружке рабочих-ремесленников. Уж какой теперь «Всадник без головы»! И он с легким вздохом, отрывая от себя еще одну иллюзию детства, ответил сыну аптекаря:

— В другой раз, Борис. Некогда мне сейчас.

Что ждет его в Вильно? Найдет ли он там работу? Примут ли его в свой тесный круг тамошние революционеры? А может, удастся встретиться с этим самым «Переплетчиком»?

Он уже не раз слышал имена хороших, правильных людей, стоявших за интересы рабочих. Их произносили едва слышным шепотом, с восхищением и признательностью. Врач Андрюс Домашевичус, прозывавшийся Теодором и живший в Вильно. Помогает рабочим, ведет кружки, снабжает литературой... А в Ковно — молодой рабочий завода братьев Шмидт Пранас Эйдукиявичюс. Орлом его называют за смелость, бесстрашие. Жаль, что не довелось познакомиться. Потом еще С. Трусевич — он во главе рабочего союза Литвы, и какой-то Лео Йогихес, его еще называют Яном Тышка... Но больше всего было разговоров о бесстрашии и

неуловимости «Переплетчика». Вот бы с ним подружиться! Но не знал Иосиф, что «Переплетчика» нет уже ни в Ковно, ни в Вильно. Молодой Феликс Дзержинский, арестованный 17 июля в Ковно, содержался в тюрьме и ждал ссылки в Вятскую губернию.

И хоть Иосиф Таршис был, что называется, уже допущен в революцию — неплохо проявил себя за время работы в Ковно, стал полноправным членом и участником кружков, массовок, биржи и нелегального профсоюза портных, — ему еще не хватало теоретической подготовки, и представления о характере революционной борьбы пролетариата пока не выплескивались за рамки конкретных задач, стоявших перед рабочими того предприятия, на которое Иосифу удавалось устроиться.

Между тем условия деятельности первых социал-демократических организаций, возникших на территории нынешней Литовской республики, были и очень сложными, специфичными. Ко времени начала рассказа в Ковенской губернии, значительной части Виленской и входившей в Королевство Польское Сувалкской губернии, а также части губерний Курляндской и Гродненской, жило 2,6 миллиона населения. По данным первой всеобщей переписи 1897 года, из этого числа литовцев было 1615300 человек, евреев — 350 700, поляков — 228 900, русских — 140 600, белорусов — 140 300, немцев — 47 тысяч и латышей — 35 200. При такой национальной многоликости, естественно, усложнялась и революционная работа среди трудящихся.

Самой угнетенной, бесправной и задавленной частью населения оказались коренные жители — литовцы. Их давил тройной гнет: царского самодержавия, собственных капиталистов и помещиков и католической церкви, сохранившей свое влияние с тех времен, когда Великое Литовское Княжество входило составной частью в Речь Посполитую.

После кровавого подавления национально-освободительного восстания 1864 года царским правительством была запрещена литовская печать с исторически сложившейся литовской письменностью. Не разрешалось обучение детей на родном языке. Литовцы не допускались к должностям в государственных учреждениях, а литовский язык — в делопроизводство. Были введены определенные ограничения для литовских и польских крестьян при покупке земли.

Несладко жилось и евреям. Дело в том, что Литва принадлежала к району «черты оседлости», в котором царская власть разрешала жить евреям. Но так как им запрещено было селиться в деревнях и заниматься земледелием, то в городах и местечках сконцентрировалась и еврейская буржуазия, и масса бедноты, лишенной элементарных гражданских прав,

— мелкие торговцы, ремесленники и рабочие.

Нельзя забывать еще и о том, что крупных промышленных предприятий в Литве почти не было (крупнейшее — завод акционерного общества «Вестфалия», бывший братьев Шмидт в Ковно, где занято было 1010 рабочих). Огромное большинство пролетариата расплылось на множестве карликовых предприятий и во всякого рода ремесленных мастерских. Вот почему, как писал виднейший организатор и руководитель Коммунистической партии Литвы В. Мицкявичюс — Капсукас: «Ремесленные рабочие долгое время играли главную роль в с.-д. движении Литвы, и это наложило на него свой отпечаток».

В конце 90-х годов среди литовских социал-демократов существовало два направления, ведущих между собой весьма ожесточенную борьбу. Программа руководимой А. Домашьявичюсом и А. Моравским Литовской социал-демократической организации, ставшей в мае 1896 года Литовской социал-демократической партией, сохранила отчетливо сепаратистскую тенденцию. Речь в этой программе шла о создании федеративной республики без России, и принцип пролетарского интернационализма подменялся узконациональными интересами Литвы. Правда, в рядах ЛСДП с первых дней ее образования были революционеры, несшие идеи непримиримости классовых интересов эксплуатируемых и эксплуататоров, идеи братства и солидарности с революционным пролетариатом России. Но таких было меньшинство.

На иных принципах основывалась другая социал-демократическая организация — РСЛ, то есть Рабочий союз Литвы, возглавляемый С. Трусевичем. Находясь на Позициях пролетарского интернационализма, РСЛ отстаивал единство политической борьбы многонационального российского пролетариата. «Ведя борьбу совместно с рабочими всей России, — говорилось в его программе, — мы добьемся необходимой нам конституции, которая явится одним из этапов на пути к социалистическому строю». На разработку программы РСЛ несомненное влияние оказали политические установки группы «Освобождение труда» и социал-демократии Королевства Польского.

Уже на II съезде ЛСДП, созванном в начале февраля 1897 года в Вильно, программа партии претерпела существенные изменения. Благодаря энергичному вмешательству Феликса Дзержинского и его сторонников, подвергших резкой критике содержащиеся в ней сепаратистские положения, идеи пролетарского интернационализма приобрели более отчетливое звучание. В одной из статей, напечатанных в газете «Работник литовски» (№ 2) после II съезда ЛСДП, прямо говорилось, что «интересы

пролетариата едины и самая тесная солидарность всех социал-демократических организаций, как представителей этого пролетариата, — их первая обязанность».

Но все это относилось, так сказать, к «высшей математике» революционной борьбы. Портняжному подмас-терью еще предстояло постигнуть и осмыслить все эти теоретические споры, чтобы определить свое место в революции.

Пока же Иосиф успешно изучал и применял на практике только «арифметические правила». Он был активным участником развернувшегося в Литве забастовочного движения, в котором, по неполным данным, в 1897 году участвовало 3542 фабричных и ремесленных рабочих, причем более двух третей всех забастовок были выиграны рабочими. Он состоял уже членом нелегального профсоюза и стачечной кассы, получившей название «касса борьбы», посещал политические кружки и, невзирая на молодость, пользовался авторитетом среди товарищей.

Итак, значит, Вильно. Попрощавшись с родными и получив от матери несколько рублей, Иосиф впервые приехал в этот старинный и по сравнению с Вилькомиром очень большой город. Сразу же установил связи с нужными людьми, воспользовавшись адресами, полученными в Ковно. Нашел работу по специальности за 5 рублей в неделю, тут же вступил в нелегальный профсоюз дамских портных и неожиданно для себя был избран его секретарем и кассиром.

При 11-12-часовом рабочем дне в мастерской, беготне по профсоюзным делам из одного конца города в другой, посещении кружков по политическому образованию на сон оставалось совсем немного времени. Но со щедростью юности Иосиф брал в безвозвратный заем из часов, остающихся на отдых, добрую половину для чтения. Покупать книги он, понятно, не мог, свои библиотеки еще только создавались, и потому находка хорошей книги считалась огромной удачей. От кого-то из товарищей он получил «Андрея Кожухова» Степняка-Кравчинского и прочел ее за несколько бессонных ночей.

Пришел час, когда Иосифу пришлось выступить со своей первой политической речью. В апреле 1899 года по призыву ЛСДП началась подготовка к празднованию 1 Мая. Каждый союз должен был собрать своих членов и обсудить с ними вопрос о проведении демонстрации. Собрал дамских портных и Иосиф. Ждали докладчика из интеллигентов. Ждали долго, но он так и не появился. Что оставалось делать организатору собрания? Только одно — выступить самому. Невероятно волнуясь, с

дрождью в ногах и с противным ощущением, что язык одеревенел и не слушается, семнадцатилетний Иосиф обратился со словом к товарищам по союзу, среди которых был он самым молодым. И ничего, обошлось. Рассказал о значении 1 Мая, объяснил, почему вместо обычной маевки где-нибудь в лесу на этот раз нужно демонстрировать на улицах.

А потом и первое боевое крещение. Вывел своих портных на главную улицу города, там они соединились с другими рабочими и ремесленниками, запели «Вихри враждебные веют над нами», где-то впереди демонстрантов взметнулся красный флаг. Захлопали ставни магазинных окон, с лязгом закрывались запоры. Улица притаилась. Появились полицейские и казаки. Засвистели нагайки. Лошади сбивали демонстрантов с ног. На камнях мостовой заалели пятна крови.

В Вильно появился «Переплетчик». Теперь Иосиф знал, что это молодой отважный революционер Феликс Дзержинский, совершивший побег из ссылки. Он принялся налаживать прерванные связи, искать замену арестованным и сосланным товарищам. Уехал в Варшаву, но в декабре этого же, 1899 года вновь приехал в Вильно, чтобы попытаться найти почву для объединения социал-демократов Королевства Польского, РСЛ и интернационалистов из ЛСДП. На совместном совещании избрали временный центр. Во главе его встал Дзержинский.

А Иосиф медленно, но неуклонно, ступень за ступенью овладевал профессией революционера.

Когда в одной из слободок Вильно — Новом Городе — по доносу полицейские арестовали трех товарищей, рабочие слободки и присоединившиеся к ним, те, что находились на бирже, штурмом взяли полицейский участок и освободили арестованных. В первых рядах штурмующих шел и Иосиф. Кое-кого ранили и многих арестовали. Иосифу удалось прорваться сквозь оцепление и, таким образом, избежать малоприятного знакомства с полицией.

Недели две спустя ему поручили сопровождать до границы одну, потом вторую работницу из тех, кого арестовали во время атаки полицейского участка. «Ты отвечаешь и за их безопасность, и за благополучный переход границы», — сказали ему. Он отлично выполнил нелегкое поручение, и это, пожалуй, определило его будущую судьбу как одного из самых ловких и энергичных агентов «Искры». Приехавший из Парижа в Вильно член группы «Освобождение труда» под кличкой Файвчик встретился с Иосифом и посвятил его в задачи, которые ставила перед собой группа. Найдя в молодом портном горячего сторонника

политической программы «Освобождения труда», восхищенный живым умом и удивительно цепкой памятью парня, этот самый Файвчик познакомил Иосифа с Сергеем Цедербаумом (Ежовым), братом Мартова. Сергей приехал в Вильно в качестве уполномоченного группы товарищей, подготовлявших издание газеты «Искра». Он предложил Иосифу принять участие в нелегком и полном опасностей деле: наладить транспорт литературы из-за границы в Россию и отправку людей за границу. Молодой революционер с восторгом согласился. Наконец-то он сможет делать что-то приближающееся к удивительным подвигам «Переплетчика». Но это произошло в 1901 году, а пока же лето 1900 года было явно немилостивым к Иосифу.

Воспользовавшись его частыми отлучками, хозяин мастерской вышвырнул Иосифа с работы. Устроиться куда-нибудь в другое место не удавалось. Пришлось отказаться и от обедов — их заменил ломоть круто посоленного хлеба, — и от квартиры, за которую нужно было платить. Ночевал то у одного, то у другого из своих товарищей. А тут еще один случай, который мог бы стать украшением какого-нибудь водевиля, но для Иосифа вырос в целую драму. Нескольким бундовцам взбрело в голову отметить то ли день рождения Гутенберга, то ли годовщину изобретения им печатного станка. Сама по себе идея неплохая, так как давала повод собраться, поговорить, ближе узнать друг друга. Но... впрочем, об этом «но» несколько позже... Поехали по Либаво-Ровенской железной дороге в прелестную дачную местность, захватив с собой продукты и несколько бутылок пива для пикника. Ночевали на даче. Настроение было самое радужное. Решили встать пораньше и идти в лес, на заранее облюбованную полянку. Проснулись действительно очень рано — горизонт только что зацвел полосками зари, — но не смогли двинуться с места. Воспользовавшись богатырским сном утомленных молодых людей воры-домушники забрали всю одежду — от обуви до шляп.

Утро застало поклонников Гутенберга в одном белье, хмурыми и растерянными. Что делать? К кому обращаться за помощью? В полицию? Но у них же прокламации, запрещенная литература... У Иосифа, кроме одежды, украли паспорт и последние пятьдесят копеек, взятые в долг. Просидели целый день на даче, шлепая босыми ногами по пыльному полу, и с тоскливой надеждой — авось подойдет кто-нибудь из своих — лепились у окон. Пришла одна опоздавшая работница, всплеснула руками, ахнула и отправилась в обход соседних дач, выпрашивать какую-нибудь рухлядь для «погорельцев». Принесла целый ворох чудовищного тряпья. При распределении Иосифу достались довольно приличный черный

сюртук до коленей, болтавшийся на его сухопарой фигуре как на вешалке, рваные, заляпанные краской штаны маляра и экстравагантные ботинки — один мужской, другой женский. Типичное огородное пугало! Утешало, что и другие выглядели не менее оригинально. Кое-как добрались до города, вызывая своим видом веселое оживление встречных, гогот и улюлюканье мальчишек. Одежда, пригодная для костюмированного вечера, мало отвечала правилам конспирации. Пришлось залезать в долги.

В начале 1901 года по инициативе Ленина во многих городах страны созданы были группы содействия «Искре». Редакция новой газеты сплотила вокруг себя самоотверженных и преданных делу рабочего класса революционеров-профессионалов, которые назывались тогда агентами «Искры». И. В. Бабушкин, Н. Э. Бауман, Ц. С. Бобровская, О. А. Варенцова, И. Ф. Дубровинский, Р. С. Землячка, М. И. Калинин, В. З. Кецховели, Л. Б. Красин, Кржижановские, М. М. Литвинов, В. П. Ногин, О. А. Пятницкий, М. А. Сильвин, Е. Д. Стасова, А. Д. Цюрупа — можно продолжить этот ряд имен. На агентов «Искры» ложилась вся практическая работа по организации, доставке и распространению газеты, по идейному и организационному сплочению социал-демократов на местах. Ленин вел с ними постоянную переписку. Таким путем указания и советы Ленина доходили до местных организаций.

Центральной фигурой искровского дела стал один из ближайших сподвижников Ленина — Глеб Максимилианович Кржижановский.

Искровцы в Вильно широко развертывали свою деятельность. Вильно, как и Архангельск, Петербург, Житомир, Кишинев, Одесса, Батум, Баку, стал важнейшим пунктом переправы «Искры» в Россию, а путь через Литву сыграл значительную роль в доставке газеты.

В декабре 1901 года, направляя письмо «Искровским организациям в России» по вопросу борьбы с «экономистами», Владимир Ильич адресовал его в Вильно.

В письме от 5 июня 1901 года в Берлин группе содействия «Искре» Ленин указывал, что в Паланге должен специально поселиться человек, который, пользуясь пограничным пропуском, мог бы регулярно тайно переносить «Искру» со склада, находившегося по ту сторону границы, в район Мемеля (ныне Клайпеда). 26 июня в письме Н. Э. Бауману Ленин указывал на необходимость регулярно доставлять искровскую литературу в Псков, Смоленск, Вильно, Полтаву.

В Петербург «Искра» приходила через Финляндию. Из Швейцарии багажи с литературой отправляли в Стокгольм в адрес Народного дома. Отсюда ее пересылали в Гельсингфорс на пароходах, прятали среди угля.

Из Гельсингфорса литература шла в Выборг. Самая большая сложность заключалась в переброске «Искры» через русско-финляндскую границу. В Петербурге приемом литературы занималась Стасова, руководил всем транспортом Буренин. Хорошо помогали искровцам финские железнодорожники. Буренин пользовался как перевалочным пунктом именем своей матери Кириасалы, находившимся у самой границы с Финляндией.

Путь транспортировки «Искры» от западной границы шел через пограничные литовские города и местечки: Юрбаркас, Кибартай, Вирбалис и другие. «Искра» отправлялась на крестьянских подводах в Ковно, отсюда через Ионаву и Вилькомир в Вильно. Затем литературу направляли в Петербург, Псков, Полтаву и другие города. «Искру» переносили нелегально через границу также местные рабочие-щетинщики, переходившие границу по пропускам. Другой путь, так называемый «путь латышей», шел через литовское приморье, по маршруту Мемель — Либава. Третий маршрут шел через Таурагский уезд в Шяуляй, в механическую мастерскую и имение Губерния. Здесь сочувствующие социал-демократам рабочие хранили «Искру» и другую нелегальную литературу, передавали ее для чтения в город, а также отправляли в Двинск. «Искра» пересылалась и по почте в специальных конвертах, ее привозили из-за границы в чемоданах с двойным дном, в особых жилетах-панцирях.

Первыми искровцами в Вильно стали офицеры гарнизона, социал-демократы — военный врач Ф. Гусаров и капитан И. Клопов, студент Петербургского университета А. Сольц, приезжавший на каникулы в свой родной город, и девятнадцатилетний дамский портной Иосиф Таршис.

Иосиф был ловок, предприимчив и отважен. Не до безрассудства, что было бы естественным для пылкого юноши, но сочетая смелость с расчетом. Теперь он уже не был Иосифом Таршисом, уроженцем Вилькомира. В кармане его пиджака лежала довольно хорошо сработанная «липа» — паспорт на имя Хигрина. Первая конспиративная кличка! Иосиф Таршис таинственно исчезал из Вильно, тут же, конечно, теряя работу, а где-нибудь в Двинске, Мариамполе и в пограничных местечках появлялся Хигрин, как две капли воды похожий на молодого дамского портного.

Жизнь искровского агента напоминала балансирование канатоходца. Следовало рассчитать каждый свой шаг, не делать лишних движений и ни в коем случае не суетиться.

Уже с первым транспортом искровской литературы (более трех пудов), который Иосиф получил в местечке Кибарты — на самой границе с Германией, — здорово не повезло. Везти груз по железной дороге значило

бы самому лезть в зубы к тигру: на пограничных станциях вещи тщательно проверялись таможенниками и жандармами. Иосиф решил воспользоваться наемной каретой — они курсировали между Кибартами, Мариамполем и Ковно. Возница оказался парень не промах! Почуя, что груз особый, скорей всего контрабандная мануфактура или чай, он заломил несусветную цену. Но и этого ему показалось мало. Каждые несколько верст он останавливался и нахально повышал плату за проезд, угрожая «выкинуть» подозрительных пассажиров на дороге. И обобрал Иосифа и его товарища до нитки. У Иосифа остался лишь один золотой пятирублевик на самый-пресамый крайний случай. И этот случай наступил.

Добрались до Ковно. Густая ветреная ночь. Ни зги не видно. Мост. Авось проскочим! Как бы не так! Таможенный чиновник приказал остановиться:

— Кто такие? Куда направляетесь? Что везете?

Иосиф вытащил корзину с литературой, и, как было условлено, карета с товарищем поехала в Ковно, а он остался один выяснять отношения.

Чиновник запустил руки в корзину, полагая, что там обычная контрабанда и он получит привычную мзду. Под пальцами зашуршала бумага. Таможенник извлек кипу газет и какую-то брошюру. Это была «Классовая борьба во Франции» Карла Маркса.

— Что за книжечка?

Иосиф молчал.

Таможенник стал чиркать спичку за спичкой, надеясь прочитать название. Сильный ветер с Немана мгновенно тушил их.

— Придется вам задержаться до утра. Проверим вашу корзину, ну и с богом. — А сам все глубже и глубже запускал руку в нутро корзины, надеясь обнаружить «настоящую» контрабанду.

Что оставалось делать? Иосиф перешел в наступление.

— Вот что, господин чиновник, — сказал он резко. — Если вы меня немедленно не пропустите, то отвечать за причиненный мне убыток придется вам. Ведь эти газеты должны уже рано утром поступить в Ковно для продажи в киосках. И вам это обойдется в копеечку. Ну, а за причиненное беспокойство извольте получить. — И он сунул в ладонь чиновника маленькую тяжелую монетку — заветный золотой. Таможенник не стал пробовать монетку на зуб. По весу, по особо гладкой поверхности кружочка уже знал, что это не двугривенный.

— Проходите, сударь. Но только брошюру эту и экземплярчик газеты прошу мне оставить!

— Газета обыкновенная, вы ее завтра в местном киоске купите. А

брошюру, что ж, возьмите.

Чиновник, кряхтя, поднял тяжелую корзину и взвалил ее на худые плечи Иосифа.

Иосиф шел по мосту, пошатываясь. Груз почти превышал его собственный вес. На набережной упал, ушибся. Уже рассветало. Вновь взвалить корзину на спину он не смог. Стал перекачивать ее с боку на бок, двигаясь вперед со скоростью черепахи. Но когда, совершенно обессилев, рухнул на мостовую, из-под подкладки пиджака выкатилась, звякая по камням, какая-то монета. Оказалось, пятиалтынный. Как раз на извозчика! Дождался, сидя на корзине, первого извозчика, взгромоздил на пролетку корзину и, тщательно осмотревшись по сторонам, отправился на условленную квартиру. Там Иосифа ждал товарищ, уехавший в карете. Оба были так возбуждены, что, как Ни устали, заснуть не смогли. И вдруг — стук в дверь, громкий, настойчивый. Выследили. Провал. Арест. Куда Ясе деть литературу? В дверь стучали без перерыва. Послышались шаги разбуженного хозяина.

Оказалось, пришли поденщики убирать квартиру перед праздником. Пронесло! Иосиф стиснул товарища в объятиях. Теперь-то, пожалуй, можно и поспать два-три часа.

Остаться в Ковно Иосиф не хотел. Черт знает что взбредет в голову таможеннику, когда он прочтет название взятой им брошюры. Доложит по начальству, а начальство — в полицию. И опять карета, и опять корзина в ногах. Путь в родной Вилькомир. Там, взяв в долг рублевку, расплатился с владельцем кареты и, передохнув денек, отправился в Вильно, на этот раз без всяких приключений, откуда первая партия «Искры» и литература разослана была по всей России.

На какие средства он в это время жил? Трудно представить, поскольку знаешь, что Иосиф почти всегда находился в пути. Видимо, из заработанных грошей, урезывая себя абсолютно во всем, скапливал несколько рублей и существовал, или, вернее, голодал на них, в дни, когда выполнял тайные поручения.

Так случилось и на этот раз. Едва поступив на работу в Вильно, Иосиф получил новое задание: поехать вместе с Ежовым в Ковно и подготовить там квартиру для приема большого транспорта литературы. И отправиться на границу. Приехал в Ковно, подготовил квартиру. Наконец и крестьянские сани. «Ну, пора отправляться, — сказал Ежов. — Буду ждать тебя в гостинице».

На дворе стоял вьюжный, холодный декабрь. Закутанный во что только возможно, Иосиф лежал в розвальнях под соломой. Ехали несколько дней

— монотонно скрипели полозья, выл и свистел белый, мохнатый ветер. На ночевки останавливались в деревнях, в душных, пропахших навозом избах. Наступила наконец последняя ночь пути. Иосиф заночевал в местечке у самой немецко-русской границы — Юрбурге. На рассвете погрузили тюки с литературой и тронулись в обратный путь... Казалось, все в порядке. Вот и Ковно. Перенесли литературу в приготовленную квартиру, и Иосиф побежал в гостиницу, где жил Ежов, сообщить о прибытии и взять деньги для расплаты с крестьянами. Но едва лишь подошел к гостинице, как был остановлен сдавленным криком поджидавшего его возле дверей знакомого полового. Отведя Иосифа в сторону, тот шепнул, что Ежов арестован, а в его номере — полицейская засада. На этот раз обошлось. Но Иосиф не имел ни малейшего представления о размерах провала. Не знал, что, кроме Ежова, арестован и Сольц, и еще кое-кто из искровцев. Не было денег. Не было связей. Предстояло самому принять решение и самому же его выполнить. Иосиф твердо знал одно: литература должна попасть туда, куда она предназначена. Он взял займы денег и расплатился с крестьянами. Потом нашел двух верных людей, своих земляков, и поручил им перевезти тюки с литературой в село Яново, а оттуда в Вилькомир, на квартиру его родителей.

Сам Иосиф остался на несколько дней в Ковно, чтобы попытаться укрепить цепочку связи, порванную арестом Ежова.

Казалось, что все продумано и предусмотрено. Все, за исключением... колокольчика.

Произошло вот что: выехав в воскресенье поутру в Вилькомир, земляки Иосифа нарвались на исправника, выходявшего из церкви. Им и невдомек было, что большой колокольчик, позванивавший всю дорогу, следовало подвязать. Не знали они, что его высокоблагородие господин исправник строжайше изволили приказать: с колокольчиком по Вилькомиру могут ездить только пожарные и он сам.

— Эй, остановись! Па-ачему с колокольчиком? Кто такие? Что за кладь?

Один из них пустился в объяснения, стал заговаривать исправнику зубы, а другой, схватив первый попавшийся тюк, давай бог ноги...

Невразумительные объяснения задержанного вызвали подозрения у начальства. Его вместе с извозчиком и оставшейся кладью отправили в полицейский участок. Вскрыли один тюк — «Искра»... А-а-а! Крамола! Революция! Откуда? Куда?

В это время в участок пришел Рогут и попытался подкупить городского. Но был тут же задержан. Его били шомполами, пинали

сапогами, голым выводили на мороз. Затем полуживого отправили в Ковно. Но он и там молчал, а через месяц, согласно полицейской версии, повесился у себя в камере.

Вот и наступил час первого страшного экзамена для Иосифа. На крепость его духа. Узнав в Ковно об аресте Рогута и о жестоких пытках, которым подвергли его полицейские, Иосиф был потрясен. «Ведь это я послал его в Вилькомир. Послал, выходит, на мучения и гибель. Я должен был доставить литературу, и, значит, не ему, а мне предназначался удар. А раз так, то иди в полицию и возьми вину на себя. Не сделаешь этого — и всю жизнь останешься для себя самого трусом. Ну иди же, иди!»

Так приказывала ему совесть. Но разум восставал: «Тебя возьмут, а его не выпустят. Неужели ты веришь в благородство жандармов? Тебя возьмут. Кому же на пользу пойдет твое признание?..»

Он решил посоветоваться с товарищами. Встретился с пепеэсовцами. Они очень красиво говорили о духовной чистоте, честности и товарищеском долге. Иди и прими вину на себя!

Он скрипнул зубами, стиснул кулаки. Нет, не возьмут его так просто. Буду работать! А за Рогута, за него отдам жизнь, да только не полиции, а революции.

Но уже и к Иосифу подбиралась опасность. Он приехал в Вилькомир, чтобы выяснить подробности ареста Рогута. Привез оставшийся тюк литературы. Почва в родном городке оказалась взрыхленной, ведь там впервые совершился политический арест, причем жертвой его стал знакомый всем и каждому свой вилькомирский парень.

Прежде всего Иосиф решил выпустить листовку. Не так-то просто оказалось осуществить это намерение. В Вилькомире нельзя было достать ни химических составов для гектографа, ни нужных особых чернил. Пришлось на помощь вызвать из Ковно пепеэсовку Блюму. Иосиф вместе с несколькими товарищами засел за составление текста. И вот на окна домов, у входов в синагогу, на кирпичной стене, оберегающей благолепие и покой костела, на базарных постройках и даже на двери полицейского участка появилась листовка, не только рассказывающая об аресте и издевательствах, которым подвергнут был Рогут, но и объясняющая первопричину случившегося: самовластие царизма и несправную горькую судьбу рабочих и крестьян.

Кажется, это была первая в Вилькомире листовка. Она потрясла маленький городок. Бесхитростным глаголом своим она жгла сердца людей. Судьба литейщика Рогута могла ведь стать судьбой и любого другого рабочего Вилькомира.

Оставаться в родном городе Иосиф не мог. Стало известно, что полиция и местные жандармы проявляют повышенный интерес к его особе. Он не ночевал дома и только поэтому избежал ареста — домой приходили околоточный и жандарм. И он уехал в Вильно, даже не попрощавшись с матерью. Но и в этом относительно большом городе не чувствовал себя в безопасности. Заметил за собой слежку. Имея некоторый опыт заметать следы и «обрубать хвосты», он на какое-то время освободился от слежки. Но, понимая, что уже стал опасным для товарищей и, следовательно, бесполезным для дела, потребовал от товарищей, с которыми познакомился через Сергея Цедербаума, чтобы прислали, и как можно скорее, заместителя, ему он должен передать свои связи.

В первых числах марта 1902 года появился заместитель под кличкой Маркс. Как значительно позднее узнал Пятницкий, это был Василий Петрович Арцыбушев.

Через несколько дней они с превеликими предосторожностями пошли на вокзал, чтобы ехать в Ковно, а оттуда на границу, там Иосиф намеревался лично передать прибывшему товарищу все свои «контрабандистские» связи... Сели в один вагон, но на разные скамейки. Перед третьим ударом станционного колокола в вагон вошли человек в партикулярной одежде и усатый жандарм.

Иосиф мгновенно узнал штатского. То был шпик, которого Иосифу частенько удавалось оставлять в дураках. И шпик, конечно, узнал Иосифа, так как кивком головы указал на него жандарму.

— Ваш билет и паспорт.

Иосиф старался вспомнить, нет ли в карманах какой-нибудь компрометирующей его бумажки. Нет, кажется, все в порядке. Приехавший для подмены Иосифа человек сидел на другой скамье, погруженный в чтение газеты.

— Ваши вещи... Какие?

— У меня нет вещей.

— Так вот, господин... господин Хигрин, извольте следовать за мной.

Привели в одну из комнат на вокзале.

— Ну вот и попалась птичка-невеличка в злодейку западню, — весело сказал ротмистр, обшаривая выпуклыми, точно стеклянные шарики на елке, голубыми глазами (Иосифу показалось, что они пустотело позванивают) сверху донизу фигуру стоявшего перед ним худого, невысокого юноши с желтовато-бледным лицом. — Садитесь-ка на этот вот стульчик. Ваша фамилия?

Иосиф не стал садиться.

— Паспорт у вас в руках.

— Таршис, Иосиф Аронов, год рождения 1882-й, уроженец города Вилькомира. Так?

— Моя фамилия Хигрин. Вероятно, какая-то ошибка...

— Память у вас со страха отшибло, молодой человек, — все так же весело констатировал ротмистр. — Я вам напомню. — И он назвал местожительство родителей Иосифа, имена отца, матери, братьев.

— Моя фамилия Хигрин, — повторил Иосиф. — Больше на ваши вопросы отвечать не намерен.

В губернском жандармском управлении, куда доставили Иосифа, знали буквально все: и связь Иосифа с Сергеем Цедербаумом и Сольцем, и чуть ли не каждый его шаг в Вильно, Ковно и Вилькомире.

Далее придерживаться легенды было бы бессмысленно. Иосиф назвал свое настоящее имя. Все же кое-что ему удалось сделать. Более тринадцати пудов литературы получено и распределено... Многих товарищей переправил через границу. А пункты связи и маршруты контрабандных тропок господам жандармам неизвестны. И заменивший его товарищ, к счастью, на свободе.

Иосифа заключили в виленскую крепость, а через несколько дней в сопровождении двух жандармов посадили в тюремный вагон и куда-то отправили. Иосиф думал, что в Петропавловскую крепость. Оказалось, доставили его в Киев, в знаменитую Лукьяновскую тюрьму.

Кончился для Иосифа начальный курс обучения. Он поступал теперь в «университет».

ПОЧТИ ПО «ГРАФУ МОНТЕ-КРИСТО»

Ленин с Надеждой Константиновной и ее матерью жили в Лондоне, на Холфорд-сквер, в маленькой двухкомнатной квартирке.

Перебраться в Лондон пришлось потому, что печатать «Искру» в Мюнхене стало невозможно: усилилась полицейская слежка, и владелец типографии не желал больше рисковать. Куда же перебраться? Большинство членов редакции при обсуждении этого вопроса высказались не за Швейцарию, как предлагали Плеханов и Аксельрод, а за Англию, Лондон.

Среди огромного количества обязанностей и дел, которые принял на себя Владимир Ильич, была и постоянная его связь с агентами «Искры» в России. Ленин видел в группах искровцев пропагандистов революционного марксистского учения, начальные организации будущей партии нового типа.

Именно искровцы в июне — июле 1901 года создали группу РСДРП в Вильно. Редакция «Искры» горячо поддерживала образование группы. В письме в Полтаву в 1902 году Крупская писала: «Фекла просит как можно скорее связать ее с Поликарпом... Очень рада желанию Поликарпа сблизиться и всячески пойдет ему навстречу».

«Фекла» — это конспиративное название «Искры», а «Поликарп» — группа РСДРП в Вильно, созданная для работы среди военных.

Виленские искровцы не только провели огромную работу, распространяя «Искру» и марксистскую литературу в Литве, но и много сделали для объединения настоящих революционеро-интернационалистов, состоявших в рядах организации социал-демократов Польши и Литвы. Им удалось установить связь с революционно настроенными солдатами и офицерами. Написанная Клоповым и Гусаровым и напечатанная на гектографе прокламация призывала их не участвовать в подавлении стачек, не заставлять своих солдат стрелять в бастующих рабочих и не выполнять гнусной «роли палача в руках полиции». Впервые подписанная: «Виленская социал-демократическая группа», прокламация эта произвела огромное впечатление на офицеров. 175 экземпляров ее были доставлены в конвертах офицерам четырех пехотных полков, шести казачьих сотен, многим офицерам-артиллеристам и даже штабным. В ноябре 1901 года выпущена была еще одна прокламация за подписью Виленской социал-демократической группы

РСДРП «Ответ на речь фон Валя», Виленского губернатора, который заявил, что всякая мысль о смягчении режима в крае относится к области бессмысленных мечтаний.

Примерно так же действовали и другие группы искровцев в России. В Самаре (у Сони) — Кржижановские (Грызуны) и Мария Ильинична (Медвежонок). В Астрахани — Лидия Михайловна Книпович (Дяденька). В Пскове — Лепешинский (Лапоть) и Любовь Николаевна Радченко (Паша). В Москве (у Старухи) — Бауман (он же Виктор, Дерево, Грач) и тесно связанный с ним Иван Васильевич Бабушкин (он же Богдан).

И вот в редакцию пришла тревожная весть о крупном провале группы искровцев. В лапы охраны попали Грач, Бродяга (М. А. Сильвин), Папаша (М. М. Литвинов) и многие другие. Все они были заключены в знаменитый Лукьяновский централ.

Предыстория этого провала была такова: после совещания искровцев в Киеве в январе 1902 года, на котором обсуждались ленинский план организации «Искры» в России и план создания районной искровской организации, выработанный Н. Б. Басовским, В. Н. Крохмалем и Л. Н. Радченко, — это совещание так ничем и не кончилось, — решено было собраться еще раз, в феврале. Но в дело вмешался киевский жандармский генерал Новицкий. Он готовил грандиозный процесс искровцев.

И еще одна весть дошла до Лондона: будто бы идет усиленная подготовка организации массового побега искровцев из тюрьмы. Из Лукьяновки?

Призвали знаменитого спеца по побегам Л. Г. Дейча (он и лекции на эту тему читывал), старого члена группы «Освобождение труда», только что бежавшего с царской каторги. Так, мол, и так, готовится побег из Лукьяновской тюрьмы. Есть шансы на удачу?

Чистейшая фантазмагория! Так ответил Дейч.

И все-таки наступил день, когда, расшифровав одно из писем, полученных из России, Надежда Константиновна радостно ахнула: 18 августа из Лукьяновской тюрьмы ушли Басовский, Бауман, Блюменфельд, Гальперин, Гурский, Крохаль, Мальцман, Бобровский, Литвинов, Плесский и еще какой-то Тарсис, то ли Тарсик... Не повезло одному Бродяге, он задерживал надзирателя и не успел...

Об этом беспрецедентном, блестяще организованном побеге искровцев довольно пространно писали и женеvские газеты.

Странное впечатление произвела на Иосифа тюрьма, в которую его доставили из полутемного вонючего подвала в помещении киевского

жандармского управления.

Проходя неизбежные формальности в тюремной конторе, он едва слышал вопросы, задаваемые ему канцеляристом. Где-то совсем рядом десятки молодых здоровенных глоток пели революционные песни, что-то орало... На пол конторы плюхались комья грязи. Тюремщики опасливо поглядывали на распахнутые окна. Вид у стражи был скорее уstraшенный, нежели уstraшающий.

Едва окончив формальности, в сопровождении надзирателя по политической части Сайганова Иосиф вошел во двор тюрьмы, как многочисленная толпа молодежи оттерла его от надзирателя, окружила, стиснула горячим братским объятием и повлекла куда-то за собой. Посыпались вопросы: кто? Откуда? За что взят? На минуту совершенно ошалевшему от такой встречи Иосифу показалось, что он вовсе и не в тюремном дворе, а на главной площади в Вильно, среди своих друзей. Пожав десятки рук и кое-как ответив на град вопросов, Иосиф, в свою очередь, недоуменно спросил: «Да вы-то сами кто?» Оказалось, студенты.

2 и 3 мая 1902 года в Киеве прошли массовые студенческие и рабочие демонстрации. Студентов хватали десятками и отвозили в тюрьму. Но что с ними делать? Некоторые получили от губернатора от одного до трех месяцев административного ареста за «уличные беспорядки», другие еще ждали решения своей участи, а пока продолжали демонстрации во дворе тюрьмы и в коридорах третьего этажа уголовного корпуса, куда их набили словно сельдей в бочку. Вели они себя в Лукьяновне как запорожская вольница: галдели, валялись во дворе, загорая под жаркими лучами весеннего солнышка, занимались гимнастикой, играли в шумные игры. Весь прославленный тюремный режим полетел к чертовой бабушке. А когда новый начальник тюрьмы попытался навести в своей вотчине порядок и стал закручивать гайки — прежде всего по отношению к уголовным, — студенты и политические устроили шумную обструкцию.

Тогдашний киевский губернатор Трепов, по докладу начальника тюрьмы, только страдальчески возвел очи к небу и отменил строгости, как несвоевременные.

Иосифа поместили в 5-ю камеру уголовного корпуса вместе со студентами. Не было у него ни вещей, ни денег, ни знакомых, кто мог бы приносить ему передачи. От тюремной баланды подводило и без того впалый живот. Он голодал, но неизменно сохранял отличное настроение.

Случайно оказавшись на лекции о российском самодержавии, которую студент Книжник читал для немногочисленных рабочих, Иосиф с изумлением услышал, как лектор в качестве «главного аргумента» против

самодержавия использовал арест его, Иосифа.

— Вот сидит юноша, да нет, мальчик, — с пафосом восклицал Книжник, тыкая пальцем в сторону Иосифа. — Он поехал искать заработка. Его вытащили из поезда, таскали, таскали по всей России и наконец привезли в Киев, за тридевять земель от дома. И здесь он никогда не был и нет у него никого!

«А ведь неплохая легенда, — думал Иосиф, приглядываясь к возбужденному, раскрасневшемуся оратору. — Жаль только, что у полиции иная точка зрения на мое дело».

Вообще, этот самый Книжник стал всячески покровительствовать Иосифу. «Мальчика надо устроить получше». «Хочешь, я напишу от твоего имени жалобу прокурору». «Садись с нами и бери ложку, ты же не получаешь передач».

Однажды, когда студенты заскучили и в какой уже раз потребовали прокурора, в 5-ю камеру прибыл Корсаков — товарищ прокурора киевской судебной палаты. Корсаков обладал феноменальной памятью, спрашивал только фамилию, после чего подробно говорил о деле каждого и о том, что кому предстоит получить. Дошел черед и до Иосифа. Он никаких вопросов не задавал — все было и так ясно. Но вот с видом Цицерона, произносящего свою знаменитую обвинительную речь против Катилины, с нар поднялся Книжник.

— Вот вы, представитель правосудия, кичащийся, по-видимому, своей беспристрастностью... Ответьте же нам, на основании каких законов вы осмеливаетесь держать здесь, в тюрьме, этого мальчика, который столь робок и беззащитен, что даже не решается подойти и поговорить с вами?!

— Ваша фамилия? — спросил Иосифа товарищ прокурора.

— Таршис, — поспешил ответить за него Книжник.

И тогда бесстрастное лицо Корсакова приняло изумленное выражение. Едва заметная улыбка тронула его губы.

— Этот мальчик, — сказал он негромко, обращаясь к тому же Книжнику, — будет сидеть несравненно дольше, нежели вы, господин студент. Он обвиняется в принадлежности к организации, именующей себя «Искра», о которой, льщу себя надеждой, вы даже не слышали. Этому мальчику инкриминируется организация транспорта людей и литературы по заданию «Искры», создание подпольных типографий, распространение им же составленных прокламаций и кое-что еще...

Камера только ахнула. И лишь Корсаков вышел, Книжник набросился на Иосифа.

— Неужели это правда?

— Ну что ты, — сказал Иосиф. — Я даже не понял, о чем это вам говорил господин прокурор.

— Я так и думал, что он наврал, — облегченно сказал Книжник.

Что касается самого Иосифа, то слова прокурора заставили его глубоко задуматься. Теперь уже не оставалось сомнений, что его арест на виленском вокзале не случайный эпизод в жизни подпольщика, а одно из звеньев длинной, неизвестной ему цепи слежек и облав.

Как-то вечером в тюрьму привезли еще одного арестованного. На расспросы отвечал он довольно охотно. Арестован на границе. В чемодане с двойным дном, который он вез, обнаружены экземпляры «Искры». Только и всего.

Иосиф подошел к нему и тихо спросил:

— У меня тоже нашли «Искру». Но откуда достали ее вы?

— Прежде чем ответить, я хочу спросить тебя — ты откуда?

— Из Вильно.

— И твое имя?

— Иосиф Таршис.

Новичок смешно подергал себя за кончик носа.

— Гм... гм... Может, есть и другое?

— Было. Хигрин.

— Тогда все. Я о тебе слышал. Из виленской группы. Ну, а я наборщик из типографии «Искры» Иосиф Блюменфельд. Иначе — Карл Готшалк. А сцапали меня, дружище, на станции Радзивиллов с битком набитым чемоданом — и прямехонько сюда.

Иосифу была известна кличка Блюменфельда. Можно не таиться. И главное, узнать у старшего товарища — «Иосифу большому» было лет тридцать пять, — что произошло, как держаться на допросах, на кого ориентироваться и кого опасаться в тюрьме.

Прежде всего Блюменфельд добился немедленного перевода Иосифа в политический корпус. Студенты народ разномастный, есть среди них всякие... Не очень-то надежное окружение для подпольщика. Ну, а в политическом он среди своих. Очень много искровцев, и среди них крупные революционеры, такие, как Бауман, Литвинов, Сильвин, да и сам новый знакомый.

Как всегда, корпус политических жил полнокровной напряженной жизнью. Такие опытные пропагандисты, как Бауман, Литвинов, староста политических Гурский, немало посидевшие в тюрьмах, следили за настроением своих товарищей. Быть занятым. Разумно распределить время между работой и отдыхом. Постараться исключить возможность для

размышлений в одиночестве. И уж во всяком случае, как можно эффективнее воспользоваться той относительной свободой, которую предоставлял давший глубокую трещину тюремный режим.

В сравнительно небольшом здании политического корпуса сидели преимущественно искровцы и социалисты-революционеры. Камеры были открыты с утра до ночи. В любое время можно выйти и во двор. Собирались в камерах, делали доклады, устраивали совместные читки нелегальной литературы — «Искры», «Революционной России», эти газеты словно ласточки перелетали через высокие тюремные стены.

Иосифом всерьез занялся Блюменфельд. Ему было ясно, что щупленький паренек из далекого Вильно — уже опытный конспиратор, ловко организовывавший переброску людей и литературы через границу, — в вопросах революционной теории пока еще слабоват. И Блюменфельд начал преподавать ему основы марксизма, следя за тем, чтобы Иосиф хватался не за первую попавшуюся книгу, но последовательно переходил от более легкой к более сложной, учился критически осмыслять прочитанное и делать сжатые конспекты.

Иосиф учился жадно, самозабвенно, и время в тюрьме летело незаметно. Серьезные долгие беседы с Бауманом, Литвиновым и другими помогали ему пополнить теоретический багаж, получаемый от Блюменфельда.

Но когда в один из летних дней 1902 года политический корпус посетил все тот же товарищ прокурора Корсаков и предупредил искровцев, что они могут устраиваться поудобнее на зиму, так как готовится большой процесс, у самых нетерпеливых, привыкших к активному действию, возникла мысль о побеге. Раньше всего, сохраняя возможную в тюремных условиях осторожность, стали выяснять, кто хочет принять участие в побеге. Речь шла об одних искровцах. Составили список. Набралось 11 человек, в том числе и Иосиф.

Слишком большие знатоки русских тюрем оказались в этом списке (исключение составлял все тот же Иосиф), чтобы отнестись к подготовке побега хоть бы с малой долей легкомыслия. Все понимали, что предстоит длительная, упорная и кропотливая работа, успех которой прежде всего зависит от того, что любая, самая незначительная мелочь не выпадет из поля зрения.

Долго разрабатывался план. Определив, что побег должен осуществиться через одну из стен той клетки двора, куда политических выводили на прогулку, попробовали прикинуть, из каких составных сложится сумма успеха.

Нужно достать одиннадцать чистых паспортов и деньги, примерно по сто рублей на человека; найти надежные квартиры в Киеве, где можно было бы укрыться на первое время; достать вино и сильнодействующее снотворное — это для надзирателей; веревки для лестницы, якорь с острыми лапами, чтобы закрепить лестницу...

Стали распределять обязанности. Кто что должен делать. Кто как должен вести себя во время побега.

Где достать чистые бланки паспортов? Нелегко, находясь в тюрьме, похитить одиннадцать паспортов в полиции. И тут наступил час Иосифа.

— Паспорта есть, — сказал он робко. — В Вильно. Я дам связь.

Круглолицый, розовощекий заведующий цейхгаузом Папаша, «опытный сиделец», с некоторым сомнением посмотрел на Иосифа.

— Ты уверен, что они там есть?

— Уверен. Мы их приберегали для тех, кого переводили через границу.

Из тюрьмы по неведомым каналам на волю стали поступать заказы: деньги, веревки...

А в тюрьме надзиратели политического корпуса не могли нарадоваться на своих «подопечных». Во-первых, перестали митинговать и устраивать обструкции. Все больше во дворе, и ничего недозволенного... Словно детишки, развлекаются всякими играми: делают акробатические пирамиды, и ловко так, будто не политики, а цирковые акробаты. Шумят, конечно... Собираются в хоровод, господин Бауман в середине изо всех сил лупит палкой в дно жестяной банки. Ну, а те, что в кругу, ногами притопывают, в ладоши хлопают и кричат все враз. Но и к нам с полным уважением... У кого, значит, день ангела или рождения, обязательно приглашают и водочкой потчуют. Оно конечно, нарушение, но ведь если к тебе по-людски, то и ты соответствуешь. И все шито-крыто. Скандалов ни-ни!

Надзиратели не знали только, что пирамида, которую так ловко составляли политики, вершиной своей как раз достигала железного покрытия стены... Что жестяная банка, в которую неистово колотил Николай Бауман, имитировала звуки шагов по листовому железу... Что никто никаких именин не справлял, а просто приучали волка брать пищу из рук — впрок поили надзирателей водкой...

Пришли из Вильно 15 чистых паспортных книжек. Получены и распределены были деньги. Тщательно обследован пустырь перед тюрьмой. Установили условный знак, который должен был быть дан из одного окна верхнего этажа на пустырь: «Мы готовы. Свободен ли путь?»

На одном из свиданий знакомая девушка преподнесла Гурскому невероятный по размерам и красоте букет цветов.

В букете был ловко спрятан небольшой якорек.

Сильвин, словно знаменитый борец Иван Поддубный, швырял на пол по очереди каждого из своих товарищей по побегу. Потом затыкал ему рот кляпом и скручивал простыней. Так он учил связывать часового.

Литвинов, располозовав грубый холст, выдаваемый заключенным на простыни, скручивал веревки для лестницы, привязывал к ним короткие прочные палки.

Кто-то из специалистов по изготовлению «липы» заполнял книжки паспортов и ставил непонятные, с замысловатыми завитушками подписи.

Провели несколько репетиций. Иосиф являлся во двор с подушкой под мышкой. В наволочке лежала лестница, на которой он теперь спал. Пирамида строилась мгновенно. Бауман извлекал из жестянки прямо-таки адские звуки. В железных объятиях Сильвина безмолвно задышалась очередная жертва. Каждый знал свое место. Пора было начинать и сам спектакль. Гуще становилась чернота августовских южных вечеров. Это, конечно, благоприятствовало замыслу, но и вызывало беспокойство — тюремная администрация могла взяться за ум и сократить время нахождения заключенных в прогулочном дворе. Тревожило и поведение одного надзирателя, старика Измайлова — бывшего жандарма. Он единственный отказывался пить водку, предлагаемую заключенными. Что-то подозревал — принимался, присматривался. Узнали, что Измайлов настаивает на обыске во всем корпусе политических. Обыск был бы равносильен катастрофе. Ведь у каждого на руках фальшивый паспорт и крупная сумма денег. А куда припрятать якорь и лестницу? Приняли решение: в случае обыска оказать сопротивление для того, чтобы успеть уничтожить паспорта и деньги.

Медленно поползли тревожные, безвозвратно потерянные дни. Их ход нарушил крик на рассвете: «Обыск, товарищи!» Все повскакали с нар, бледные, перепуганные. Еще минута — паспорта, деньги, разорванные в клочья, побросали бы в параша. Но тревога, к счастью, оказалась ложной.

Привезли нового арестованного — Ванина, взятого на границе. Почему-то его посадили в одиночную камеру, постоянно закрытую на замок. Странной симпатией воспытал к нему помощник начальника тюрьмы и заведующий политическим корпусом Сулима. Приходил к Банину каждый день и по несколько часов сражался с ним в шахматы. Еще одно осложнение! Сулима не мужичок-надзиратель. Ему не предложишь стаканчик винца, сдобренного снотворным. Но уже и времени раздумывать не оставалось. Вот-вот польют осенние дожди, вечера станут холоднее. Да и напряжение ожидания — выше человеческих сил. Побег назначается на

вечер 18 августа.

Кажется, все готово, все предусмотрено. Сюрприз устраивают социалисты-революционеры. «Вы должны взять с собой одного нашего товарища — Плесского» То есть как это взять? А паспорт? А деньги? Но так как без помощи группы украинских эсеров побег нельзя было осуществить, пришлось согласиться. Чистый бланк паспорта нашелся. Деньги тоже собрали — с каждого участника побега по десять рублей. Беглецов стало двенадцать.

Вечер. Отпраздновали очередной день рождения. Надзиратели хватили по стаканчику, на этот раз с лошадиной дозой снотворного, и спят сном праведников. Как на службу, в камеру к Банину заявился Сулима. Дверь камеры тихонько закрыли на замок.

Дан сигнал из окна. Далеко с пустыря, прорезая сгущающийся сумрак, трижды мелькнул красный огонь фонарика. Путь свободен...

Бауман загрохотал в жестянку. К стене взлетела пирамида. На вершине ее оказался Гурский. Иосиф подал лестницу. Глухо лязгнул якорь, вцепившись лапами в карниз с внешней стороны стены.

Первым — он самый легкий — на стену взобрался Иосиф и по веревке, безжалостно сдирая кожу на ладонях, спустился вниз. Помог Басовскому. Тем временем съезжали вниз третий, четвертый, пятый... Стало совсем темно. С разбегу, кувыркнувшись в воздухе, Иосиф полетел в глубокий ров. На мгновение отшибло память. Пришел в себя, пополз по дну рва в поисках шляпы. Кто-то негромко постанывал. Оказалось, Басовский. Тоже угодил в ров и тоже потерял шляпу. К счастью, не повредил больную ногу.

Иосиф протянул руку и вытащил Басовского из рва. Перебежав пустырь, с трудом уговорили первого попавшегося извозчика отвезти их в направлении той квартиры, что была для них подготовлена. Извозчик долго кобенился: смущало, что оба господина без шляп — видно, пропили! Заплатили вперед. Вылезли, не доезжая до Обсерваторного переулка. Басовский тихо стонал от боли. «Теперь скоро, уже совсем рядом, отдохнем, выспимся», — утешал его Иосиф.

Вот и Обсерваторный. Нужен дом № 10. Прошли по переулку туда и обратно. Хоть смейся, хоть плачь, а нет в переулке дома под десятым номером. Пошли на огромный риск: постучали в двери дома № 8, им, собственно, и кончался весь переулок. Сказали пароль, то есть назвали фамилию человека, который должен был их принять. «Нет у нас такого и никогда не было!» Дверь захлопнулась перед носом. Не очень-то большое доверие, должно быть, втушал вид двух мужчин в растерзанной одежде,

без головных уборов.

Пошел мелкий назойливый дождь.

— Не могу больше, — тихо сказал Басовский и опустился на тумбу.

Кто-то быстро проскользнул к дому № 8. Кажется, Гурский. Иосиф тихо позвал... так и есть, Гурский. Его тоже постигла неудача: на квартире, куда он был направлен, хозяев не оказалось. Зная явку Иосифа и Басовского, он решил попытать счастья.

Нет, как выяснилось позже, в отличие от тюрьмы, сработавшей первоклассно, «воля» явно подкачала. Адреса явок были неточны, лошадей и лодки в обусловленном месте не оказалось, и т. д. и т. п.

Оставалось рассчитывать только на самих себя. Увидев, что Басовский и Иосиф без шапок, Гурский предупредил: «Сейчас приду», и скрылся на довольно продолжительное время. Вернулся чрезвычайно довольный — достал цилиндр, и он оказался по голове Басовскому.

На извозчике отправились в Мокрую Слободку.

Поляк, дальний родственник Гурского, принял беглецов очень гостеприимно. Выставил на стол бутылку водки, сало, огурцы, помидоры. Шутил по поводу цилиндра Басовского: «Пан из похоронного бюро?» Потом сказал: «А теперь, други, уносите ноги. Сосед мой — жандармский вахмистр, и, пся крев, нюх у него как у легаша». Наградил Иосифа широкополой соломенной шляпой и выставил за порог.

— Поедем к моим знакомым. У них и переночуем, — предложил Басовский, уже не жалевший после водки и сала, что не остался в тюрьме.

Опять извозчик. Но знакомых не оказалось дома — уехали на дачу. Пришлось кататься всю ночь по Киеву, меняя извозчиков и выдумывая планы один фантастичнее другого.

Ранним утром разошлись в разные стороны, чтобы не попасться всем вместе. Иосифа выручила память. Одно время с ним в камере сидел молодой заготовщик, связанный с социал-демократами. Они не дружили, но иногда болтали о том о сем. Заготовщика скоро выпустили, а Иосиф запомнил название улицы, на которой находилось дело его отца. Добравшись до Андреевского спуска, Иосиф, к великой своей радости, нашел там дом с маленькой вывеской заготовщика. Его приняли как родного.

Опасаясь, однако, открываться малознакомому человеку, Иосиф сказал, что его выпустили из тюрьмы, взяв подписку о немедленном выезде из Киева. И вот-де ему надо связаться с кем-нибудь из членов комитета РСДРП, чтобы решить вопрос, куда ехать.

Сокамерник пообещал, что он мигом все устроит, завел Иосифа в свою

комнату и уложил спать.

Беглецу казалось, что он только лишь заснул, когда его разбудил заготовщик.

— Что случилось? — спросил Иосиф, садясь, но все еще не разлепляя глаз.

— Что случилось... Что случилось... Вся тюрьма разбежалась этой ночью... Было целое сражение... — По городу рыскают жандармы и городовые. Ищут. Начались повальные обыски... Здесь тебе опасно оставаться. Я нашел подходящую квартиру. Лишь стемнеет, отведу туда.

Еще одно убежище. Пришел знакомый по Лукьяновке студент, оказавшийся представителем комитета. От него Иосиф узнал, что бежало не двенадцать, а только одиннадцать человек. Неудача постигла Сильвина. Набросившись на часового сзади и мгновенно скрутив его, Бродяга услышал какой-то шум, принятый им за тревогу. Он побежал в камеру, уничтожил паспорт, запрятал в тайник деньги и вернулся во двор. Выяснил, что никакой тревоги не было, заключенные продолжают прогулку, а надзиратели сотрясают своим храпом стены политического корпуса. Но время безвозвратно потеряно, паспорт уничтожен, да и как одному совершить побег, когда нет ни лестницы, ни сильной руки товарища...

Много позднее, закончив, вероятно, партию с Баниным, помощник начальника тюрьмы Сулима постучал в двери, недоумевая, почему его заперли. Так как никто не спешил открыть камеру, Сулима почуял недоброе и начал палить из своего огромного револьвера в окошко. Пальба привлекла внимание тюремщиков других корпусов. Сулиму наконец выпустили, и только тогда обнаружен был побег одиннадцати смельчаков. Естественно, что киевские власти, начиная от губернатора Трепова и жандарма Новицкого и кончая начальником тюрьмы, были охвачены паникой. Киев оказался как бы на осадном положении. Беглецов, несмотря на все меры властей, обнаружить так и не удалось.

Иосиф отсиживался в квартире за днепровским мостом, уже на территории Черниговской губернии. Изображал экстерна, готовившегося к экзаменам. Лишь спустя неделю его переправили в Житомир, где он оказался на явке бундовцев. Ждал, пока для него добудут связи для перехода границы и явки к искровцам в Берлине.

Только чудом удалось Иосифу удрать от одного из надзирателей Лукьяновки — Войтова, усыпленного в день побега. Иосиф столкнулся с ним нос к носу на базаре в Житомире, где предполагал приобрести подходящий для заграницы костюм.

Наконец произошла долгожданная встреча с искровцем Гальпериным.

От него Иосиф получил нужные явки и уехал в Каменец-Подольск, а оттуда в пограничную деревушку — ждать удобного случая для перехода австрийской границы.

К тому времени уже все девять искровцев, совершивших побег, находились за границей. Именно тогда в своих письмах в Киев Крупская с тревогой осведомлялась о судьбе «Тарсика», которого все нет как нет.

Не повезло только присоединившемуся к искровцам в самый последний момент эсеру Плесскому. Его задержали в Кременчуге, когда он отдавал в гостинице свой паспорт для прописки. Подвела собственная оплошность: паспорт для него заполнялся в страшной спешке, и фальшивая подпись старосты сделана была карандашом — Плесскому нужно было обвести ее химическими чернилами, а он забыл.

Еще одна, полная тревог и опасностей ночь. Переход через границу. По пояс в очень холодной воде — пришлось переходить реку вброд, так как на мосту находился пост австрийских жандармов. Ползли на животе, таясь за кустами, когда невдалеке слышался шум шагов. Но вот все, кажется, кончилось благополучно — Иосиф на австрийской территории. Еще один рывок, и он уже житель гигантского незнакомого города — столицы империи Гогенцоллернов Берлина.

Именно Берлин был назначен редакцией «Искры» местом пребывания Гальперина и Иосифа. На них возлагалась организация транспорта литературы и людей в Россию.

В последних числах февраля 1903 года к ничем не примечательному четырехэтажному дому на одной из улиц Лондона подошли два человека. Один из них — член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. А. Носков (Глебов, он же Борис Николаевич), другой — совсем еще молодой человек с паспортом на имя Петра Гермогеновича Смидовича.

Носков позвонил. Дверь открыла пожилая женщина.

— Мы к Владимиру Ильичу, — сказал Носков.

— Пожалуйста, проходите, он дома.

В небольшой, довольно уютной комнате навстречу им поднялась со стула молодая, в темном платье, гладко причесанная женщина. Мягкие черты ее круглого лица, широко расставленные глаза под длинными, бегущими к вискам бровями разительно напоминали ту, что открывала двери.

— Здравствуйте, Надя, — сказал Носков. — Привел к вам этого молодого человека. Познакомьтесь. Иосиф Таршис. Он же Фрейтаг. Надежда Крупская.

— Ну наконец-то! Мы очень тревожились за вас. — Легко улыбаясь, она оглядывала Иосифа. — Так вот вы какой, Тарсик! Володя, Володя! — позвала она. — Иди скорее. Знаешь, кого привел Носков?

Из другой комнаты вышел Ленин.

— Смотри, Володя, наш знаменитый Монте-Кристо действительно совсем еще мальчик. Да сколько же вам лет?

— Уже двадцать один, — пробормотал Иосиф.

Пожав руку Иосифу, Ленин расспросил его о деталях побега из Лукьяновки, о том, где и как он устроился, потом перешел к делу. Речь шла об использовании молодого революционера для организации постоянного транспортного пункта, чтобы доставлять «Искру» и нелегальную марксистскую литературу в Россию.

Делу этому Владимир Ильич придавал огромное значение. Транспортный пункт предполагалось создать в Берлине.

Иосиф с понятным волнением принимал это поручение от Ленина. Да, он был неплохим агентом «Искры», но достаточно ли этого, чтобы вести теперь самостоятельную работу еще и в условиях чужой страны, почти не зная немецкого языка? «Должен справиться, должен», — мысленно убеждал себя Иосиф, а Владимиру Ильичу только сказал:

— Постараюсь. Думаю, что сделаю все как надо.

ОСЕДЛАВШИЙ ГРАНИЦУ

Один из крупнейших городов Европы, Берлин ошеломил и подавил юношу из Вилькомира — ему Вильно, а тем более Киев казались гигантскими городами. Совершенно не зная языка, всем чужой, бродил он по Кайзер-вильгельмштрассе и Фридрихштрассе — широким, бесконечно длинным улицам, обрушивавшим на него грохот движения: громкие раскаты подземки, вдруг вырывающейся из недр земли, вой клаксонов, визг тормозов, шуршание шин и топот, топот, равномерный топот множества ног, массирующих тротуары.

Его поражали тяжеловесность зданий, словно вырубленных из целых скал, необозримость площадей, монументальность памятников... Позже зимний Лондон, прокопченный и задымленный до густой черноты, видный всегда лишь сквозь мелкую сетку дождя, падающего с низкого, беспросветного неба, показался ему еще огромнее и страшнее Берлина. Пока же он вышагивал по Берлину, старался привыкнуть к громоздким его масштабам и преодолеть в себе страх перед ним. Ведь здесь же предстояло ему не только жить неизвестно сколько времени, но и наладить работу, по существу еще не начатую по-настоящему.

Поразил Пятницкого и внешний облик немецких рабочих. Когда вместе с Гальпериным он зашел в одну пивную — излюбленное место встреч членов социал-демократической партии — и увидел солидных людей, одетых в добротные тройки, безмятежно попивающих пиво из высоких стеклянных кружек, он решил, что это ошибка, что здесь собрались и балуются черным баварским пивом самые доподлинные буржуи.

Островком, к которому он, как утомленный, задыхающийся пловец, наконец-то подплыл, была берлинская группа искровцев: Михаил Георгиевич Вечеслов, Петр Гермогенович Смидович, мать и дочь Бах. У Бахов собирались и русские эмигранты, и берлинские студенты.

Поездка в Лондон, о которой уже упоминалось, помогла Осипу, теперь уже Пятнице, представить характер своей работы в транспортном пункте и вообще ориентироваться в обстановке, сложившейся к тому времени в кругах русской революционной эмиграции. Ведь в Лондоне жил его политический наставник и тезка Блюменфельд. Он снова набирал «Искру», а жил в одном доме с Мартовым, Засулич и Дейчем. Все они показались Пятнице людьми необыкновенного ума, большой чуткости и доброты.

Почти все время, проведенное в Лондоне, Пятницкий пробыл в их обществе, только раз посетил Ленина, да еще два или три раза обедал вместе с ним и Надеждой Константиновной, с Мартыновым, Носковым, Засулич.

Познакомившийся и сблизившийся с создателями «Искры» Осип вернулся в Берлин, чтобы вместе с Гальпериным наладить транспорт литературы, прием и отправку людей. Трудное это было дело, и легло оно на плечи всего двух человек...

Но скоро Осип остался и вовсе один — здоровье Гальперина оказалось настолько подорванным, что ему не под силу стало делить с Осипом тяготы работы, требующей постоянных разъездов, сугубой осторожности и огромной находчивости.

В конце 1903 года, точнее 26 октября, Гальперин писал Пятницкому в Берлин: «Обращаюсь к вам от имени ЦК с просьбой взять на себя обязанность представлять его интересы в Берлине, установить сношения с группой, организовать распространение литературы, устанавливать связи и вообще взять в свои руки ведение местной работы в Берлине и по всем делам сноситься по известному вам адресу... От имени ЦК и попросите местную группу обращаться по всем нуждам к вам...» Вот уж истинно и швец, и жнец, и на дуде игрец!

Остается только поражаться, как быстро и почти безошибочно научился ориентироваться в заграничной обстановке недавний портновский подмастерье из заштатного уездного городишка! Еще до посещения Лондона он уже побывал в ряде пунктов германо-русской границы, «прорубил» проходы через нее, восстановил связи со старыми своими друзьями-контрабандистами, а попутно чрезвычайно удачно переправил в Россию питомца Ленина, питерского рабочего Ивана Васильевича Бабушкина, незадолго до того совершившего побег из екатеринославской тюрьмы.

Вернувшись из Лондона, Пятница сразу же помчался на границу: предстояла отправка большого транспорта литературы в Россию. Кроме того, следовало перебросить на родину Повара (Федора Ивановича Щеколдина). Подкупив пограничную стражу, уверенный, что все предусмотрено, Осип со спокойным сердцем наблюдал из окна дома, как Повар «крадет» границу. Вот он уже на русской стороне, вот дошел до кладбища и хладнокровно прошел мимо солдата, пристально смотревшего совсем в другую сторону. Вот и все! И тут грянул винтовочный выстрел. Солдат поднял тревогу. Что за дьявольщина, он же получил свою пятерку? Вмешался тот случай, который просто невозможно предусмотреть.

Оказывается, господину офицеру вздумалось прогуляться именно среди живописных могил кладбища и именно в ту минуту, когда через кладбище неторопливо шествовал Повар. Что оставалось делать солдату? Конечно, Повара задержали, и не миновать бы ему тюрьмы, если бы не конспиративные связи Пятницкого, проникшие далеко в глубь территории государства Российского. Дана команда, заплачены деньги, и Повар «незаметно» садится в карету и едет в ней до ближайшей железнодорожной станции, а Пятницкий в графу непредвиденных расходов вносит еще пятнадцать рублей. Дороговато, но что поделаешь!

Зато без всяких хлопот удалось «принять» искровку Костю (Розалию Самсоновну Гальберштадт) — члена организационного комитета по созыву II съезда партии.

Берлин — Тильзит... Тильзит — Берлин... Берлин — Нейштадт... Нейштадт — Берлин... А в Берлине Фрейтаг все еще на птичьих правах. Живет, прописанный по паспорту американского гражданина, причем паспорта-то уже нет — возвращен владельцу, уезжающему в Америку.

Вернулся из Тильзита — и нате вам... Хозяйка квартиры взволнована. — Вас вызывают в полицию, герр Дулитл. Простите за беспокойство, но они уже приходили несколько раз... Какое-то недоразумение... Появился еще один герр Дулитл.

Проклятый американец вместо того, чтобы переплыть океан, как ни в чем не бывало прописался в Берлине по тому же паспорту. Пришлось Пятницкому спешно расстаться с хорошей, комфортабельной комнатой и перейти на «вы» с берлинскими блюстителем порядка. Но все это были привычные для конспиратора неурядицы, и на работе они, понятно, не отражались.

Изыскивая все новые и новые каналы для транспортировки литературы, Пятницкий в одну из своих поездок в Тильзит напал на след крупной литовской организации, перевозившей через границу книги религиозного содержания на литовском языке. Вот чудеснейшее прикрытие! Немедленно встретился с земляками за кружкой пива, повздыхал о давно покинутых родных местах: «Ах, Неман, ах, леса и перелески, ах, древняя башня Гедимины», — и окрутил почтенных ксендзов-торговцев вокруг пальца. За небольшую мзду согласились они помочь земляку. И пошла писать губерния... Десятками и сотнями пудов стала поступать в Россию «Искра», журнал «Заря», брошюры Маркса, Плеханова, Ленина через посредство сговорчивых литовских попов. А в Вильно на прием встал старый соратник из военной организации ЛСДП — Гусаров.

Одно было плохо. Литература по этому каналу шла несколько месяцев: из Берлина в Ригу, из Риги в Вильно, из Вильно в Петроград. Ксендзы не торопились. Но ведь «Искра» — это же боевой орган, злободневный, мгновенно откликающийся на события и дающий указания социал-демократическим организациям.

Об этом размышлял Осип, с утра и до позднего вечера проводя в сыром подвальном помещении газеты «Форвертс», предоставленном для склада искровской литературы. Тут он осваивал новую для себя профессию упаковщика. Причем самой высокой квалификации! Прежде всего пакеты с литературой должны выглядеть как близнецы. Их надо делать небольшими и очень аккуратными: в каждом одинаковое количество «Искры» и одни и те же брошюры. Затем их следует соединить в большой тюк. Расчет простой: тюк открывают и маленькие пакетики без лишних хлопот рассылают по всей России. И естественно, формат и вес пакетов нужно точно подгонять под упаковку литовской религиозной литературы. Такой утомительный труд отнимал у Пятницкого 8—10 часов в день. Но редакция «Искры» постоянно требовала сократить сроки прохождения литературы от Берлина до России. Пришлось пойти на хитрости. Чемоданы с двойным дном. Отличная, уже проверенная штука! По заказу Осипа их в немалом количестве изготавливала одна небольшая берлинская фабрика. Но ее продукция обратила на себя внимание таможенных чиновников. Чемоданы-то были совершенно одинаковы! Произошло несколько досадных провалов. Тогда стали вделывать второе дно в обыкновенные, разных фасонов чемоданы. В тайнике умещалось 100–150 экземпляров тоненьких свежих номеров «Искры». Вес чемодана не вызывал подозрений — дополнительный груз был нетяжел. Владельцы чемоданов — все товарищи, которые легально и нелегально уезжали в Россию, и студенты, сочувствующие социал-демократам, — шли на неизбежный риск охотно и отважно. Широко применялись и знаменитые жилеты-панцири для мужчин, и панцири-корсеты для женщин. В них умещалось от 200 до 300 экземпляров «Искры». Ни таможенники, ни жандармы не обращали внимания на студентов, здорово отъевшихся на заграничных хлебах, и на дам, быть может излишне полных, но с отличными фигурами. Такая отправка литературы шла под кодом «экспресс».

Но, помимо транспортировки литературы, Пятницкому приходилось все чаще организовывать переходы людей через границы. А тут еще переписка с Россией, частично ведущаяся через Берлин. Осип собирал письма, ночами занимался их расшифровкой и отправлял по нужным адресам. «Сравнивая работу, которую я делал тогда, — признавался в своих

воспоминаниях Пятницкий, — с диалогичной работой в наших условиях, я прихожу к выводу, что теперь для такой работы понадобились бы: заведующий, заместитель заведующего, шифротдел, конторщики, машинистки, секретари и т. д. Тогда же никому и в голову не приходило привлекать для этой работы еще постоянных работников».

Но ведь, кроме «техники», была и политика. В Берлине, как и в других городах Германии, Франции, Англии и Швейцарии, существовала группа содействия «Искре». В нее входили Смидович, Вечеслов, Никитин (при Керенском — московский градоначальник, потом министр почт и телеграфов), Санин, Окулова, Рубинштейн, Шергов, Гальперин, Лядов, Лядова, Н. Бах, Житомирский (оказавшийся крупным провокатором). Состоял в группе и товарищ Фрейтаг. Устраивали лекции и дискуссии на актуальные политические темы, собирали деньги для партийных нужд и т. д.

И еще надо было уделять время для изучения немецкого языка. Пятницкого интересовало, как поставлена работа в организациях немецких социал-демократов, как действуют профсоюзы, что представляет собой кооперативное движение. Без встреч с немецкими товарищами, без чтения немецких газет он ничего бы не узнал.

Лето 1903 года шло к зениту. Наступили дни долгожданного II съезда партии.

Радостное настроение охватило всех искровцев, живущих в эмиграции. Съезд, казалось, должен был увенчать их многолетние усилия, должна быть создана боевая социал-демократическая партия в России. Да, так казалось... Съезд открывался в Брюсселе. По предварительной прикидке, не менее 43 делегатов, имевших 51 решающий голос, и 14 с совещательным примут в нем участие. И только 8 из них (3 «экономиста» и 5 бундовцев) принадлежали к открытым противникам «Искры». А ведь на I съезде, где приняты были название партии и манифест об ее образовании, делегатов набралось только девять...

Многие делегаты съезда ехали из России через Берлин. Для Пятницкого наступили горячие дни, полные забот и тревог. Он встречал делегатов на границе, провожал их до Берлина, помогал устроиться и отправлял дальше. Каждый проезжавший через Берлин рассказывал о значительных успехах революционного движения в России и возлагал большие надежды на с таким невероятным трудом подготовленный съезд.

Приняв и переправив делегатов в Берлин, Пятницкий продолжал заниматься своей «техникой» и с нетерпением ждал вестей о работе съезда.

Не знал он еще о блестящей, полной огня речи Георгия Валентиновича, произнесенной при открытии съезда в громадном мучном складе. Каким многообещающим представлялось единство взглядов двух крупнейших лидеров партии — Плеханова и Ленина!

Не знал Пятницкий и того, что по важнейшему вопросу — принятие Программы партии — Владимир Ильич и его сторонники, которых называли «твердыми искровцами», дали жестокий бой оппортунистам и блистательно его выиграли.

В Программу был включен пункт о диктатуре пролетариата, и борьба за нее становилась важнейшей задачей партии.

А вот при обсуждении Устава, особенно его первого параграфа (о членстве в партии), Мартов возражал Ленину, считал возможным широко открыть двери партии и для колеблющихся непролетарских элементов. И без обязательного оформления и работы в одной из организаций партии. Будто бы в партии можно только числиться.

В этом вопросе Мартова поддержали и его союзники — неустойчивые искровцы, и центр, и «экономисты», и бундовцы. Он собрал 28 голосов, и, таким образом, параграф 1-й Устава был принят в формулировке Мартова.

Позже, когда делегаты Бунда, прихватив с собой двух «экономистов», демонстративно покинули съезд, соотношение сил решительно изменилось в пользу ленинцев.

В ЦК выбрали не Крохалю и не Розалию Гальберштадт, а Глебова (Носкова), Клэра (Кржижановского) и Курца (Ленгника), а в редакцию ЦО (опять же против предложения Мартова об избрании шести старых редакторов) — Плеханова, Ленина и Мартова.

«Обиженные» воздержались от голосования... Таким образом, отчетливо обозначилась трещина между большинством, идущим за Лениным, и меньшинством, которое в организационных вопросах оставалось на старых оппортунистских позициях, — большевики и меньшевики.

В России была создана революционная марксистская партия, партия большевиков — таков основной итог II съезда РСДРП.

Но уже стали возвращаться в Берлин делегаты съезда. Среди них были представители большинства и меньшинства, и, следовательно, сообщения о съезде, которые они делали в Берлине, носили прямо противоположный характер. Те, кто представлял меньшинство, с нескрываемым озлоблением отзывались о Ленине и Плеханове, обвиняя их во всех смертных грехах. Как могли они отторгнуть от руководства ЦО партии таких заслуженных, таких авторитетных товарищей, как Засулич, Потресов, Аксельрод? Это же

они, Плеханов и Ленин, и только они, виновны в расколе и в том, что едва сложившаяся партия уже оказалась на грани катастрофы.

Пятницкий переживал трудные дни. Еще свежи были у него воспоминания о лондонских встречах с Засулич, Мартовым, Дейчем. Он искренне их полюбил, и вот выясняется, что все они оказались в лагере меньшинства, и вместе с ними учитель Пятницкого — Блюменфельд. Трудно было молодому человеку идти наперекор своим чувствам и симпатиям. Но разум неустанно твердил, что в вопросе организационной структуры партии правы не они, а Ленин, которого он, Пятницкий, знал не так близко, как лидеров меньшинства. Его терзали противоречия... Это легко понять, если вспомнить, что в теоретических вопросах Пятницкий в ту пору был еще не очень сведущ. И безоговорочное признание им правоты большинства, единомышленников Ленина — Плеханова, пришло не через глубокое понимание сущности теоретических разногласий — скорее чутьем, во время бесед со своими вчерашними друзьями, резко осуждавшими Ленина.

Встреча с Костровым (Жордания). Он яростен и непримирим по отношению к большинству. Как же так? Ведь всего несколько дней назад, будучи в Берлине по пути в Брюссель, тот же Жордания распинался в своем единомыслии с Лениным и Плехановым. Теперь же он поносит их как смертельных своих врагов. Причины? Оказывается, смена вех у Жордания произошла из-за того, что съезд (его большинство) принял решение закрыть все местные, кустарные органы печати, дабы не расплыть силы и еще более укрепить «Искру». А Жордания редактировал газету, выходившую в Грузии. И этой мелкой, сугубо не принципиальной причины оказалось достаточно для того, чтобы Жордания стал сегодня проклинать тех, кого еще вчера восхвалял. Что же это? Не мелкая ли обида человека, чьему самолюбию нанесен укол? А если так, то можно ли всерьез относиться к его информации о характере расхождений на съезде?

Пятницкий не имеет времени, чтобы засесть за изучение материалов съезда и самому решить, кто прав и кто виноват. Он продолжает свою каждодневную черновую работу, переправляя делегатов съезда в Россию. Провел через границу Розалию Самойловну Землячку. Она как была, так и осталась большевичкой. Побывал на других участках границы, где были им пробиты проходы, и продолжал отправку делегатов. Каждый из отправляемых товарищей успевал изложить Пятницкому свою точку зрения, и он чувствовал себя в незавидной роли человека, заблудившегося в трех соснах.

В октябре 1903 года Гальперина (большевика), Вече-слова (стал

меньшевиком) и Пятницкого вызвали в Женеву как членов Заграничной лиги русской революционной социал-демократии.

Оказавшись в меньшинстве на съезде, их стали называть теперь меньшевиками, лидеры партии Мартов, Засулич, Потресов и Аксельрод вознамерились дать бой большевикам на съезде Заграничной лиги, и, лишь только Пятницкий оказался в Женеве, ему опять пришлось натолкнуться на факты, относящиеся, так сказать, к морально-этическим категориям. Николай Бауман, с которым Пятницкий сошелся еще в Лукьяновской тюрьме, показал ему протест в бюро Лиги по поводу того, что сторонники большинства умышленно не приглашены на предстоящий съезд. Протест подкреплялся неопровержимыми данными, и Пятницкий охотно поставил свою подпись рядом с подписями Баумана, Воровского, Гальперина и других. Пятницкому казалось, что обе стороны кровно заинтересованы в выяснении точки зрения Заграничной лиги на суть разногласий на съезде. Подтасовка, странная «забывчивость» организаторов съезда очень напомнила Пятницкому шулерство в карточной игре. А он не терпел фальши ни в чем.

И тут на него, словно коршуны на цыпленка, набросились его друзья Дан и Блюменфельд.

— Как ты мог подписать этот гнусный документ! — кричал на него Блюменфельд. — Тебя обработали и окрутили вокруг пальца, как мальчишку. Но не все потеряно. Пойдем погуляем, и я все тебе разьясню.

Они, долго прохаживались по берегу Женевского озера. Блюменфельд говорил, говорил, говорил... А Пятницкий молчал. С каждым шагом на душе его становилось все тяжелее. Ведь рядом шел его старший товарищ, тот самый Блюменфельд, который помог ему правильно понять могучую революционную мысль Маркса, Плеханова, Ленина. А теперь Блюменфельд толкал Пятницкого на путь беспринципности, требуя, чтобы тот либо голосовал на съезде Лиги с меньшевиками, либо вообще отказался от участия в съезде.

— Но почему ты хочешь, чтобы я устранился от участия в съезде? — удивленно спросил Пятницкий.

Оказывается, получилось так, что на съезд Лиги приехало равное количество большевиков и меньшевиков.

И тут Осипу все стало ясным. Нет, его друзья не искали в нем единомышленника. Подумаешь, какая невидаль — малограмотный парнишка, двух слов связать не может! Нужен лишь его голос. Пусть поднимет за нас руку, а там... там посмотрим.

— Ты ничего не понимаешь в том, что происходит, — горячился

Блюменфельд. — Но поверь мне на слово: Ленин и Плеханов погубят партию. Мы просим тебя только поднять руку за наши предложения. Придет время, и ты станешь гордиться, что в трудную минуту поддержал своих друзей.

— Но ты сам убеждал меня, что решать что-то можно лишь тогда, когда определится собственная ясная и четкая позиция, — задумчиво сказал Осип. — Вспомни, именно так учил ты меня. Так почему же сейчас ты взялся меня переучивать? Хочешь, чтобы я поднял руку за то, в чем еще не разобрался...

— Упрямец, — раздраженно воскликнул Блюменфельд. — Нет, ты оказался неблагодарным и упрямым мальчишкой... И я вижу единственный для тебя выход — уезжай в Америку, мы поможем тебе с деньгами на переезд, и сиди там спокойно, пока не разберешься в наших разногласиях. И уж конечно, не приходи на съезд.

— Я не поеду в Америку, Иосиф, — спокойно сказал Пятницкий. — Ия приду завтра на съезд и буду голосовать только за то, что сам найду правильным.

Съезд Заграничной лиги открылся 26 октября 1903 года. В зале по одну сторону сидели большевики, а по другую меньшевики.

Пятницкий сел с большевиками и голосовал с ними.

Когда же после возмутительных выпадов Мартова против Ленина большевики в знак протеста покинули съезд и собрались в кафе Ландольта, Пятницкий, как бы проверяя себя, остался еще некоторое время на съезде. Но вот выступил Троцкий. Полная ядовитой и гнусной клеветы на Ленина и его сторонников речь эта стала для Пятницкого последней каплей...

Он встал со своего места и, нарочито громко стуча башмаками, ушел — на этот раз навсегда — от бывших своих друзей!

В кафе Ландольта он слушал искрящуюся остроумием речь Георгия Валентиновича Плеханова, намечавшего план решительной борьбы с меньшевиками. Это было просто великолепно! Крупнейший теоретик партии, отбросив как шелуху личные приязни и неприязни, остался с большинством навсегда. Навсегда? Увы, через два дня Плеханов, бросив крылатую, но маловразумительную фразу: «Нет, не могу стрелять по своим!» — как будто бы те, кто еще вчера слушал его в кафе Ландольта, были чужаками, — перекинулся к меньшевикам и кооптировал прежних редакторов «Искры». Ленин тотчас же вышел из редакции.

Жордания, Блюменфельд и вот... сам Плеханов. Нет, такие мгновенные политические вольты и превращения были не только непонятны, но и глубоко чужды прямой и цельной натуре молодого

Пятницкого. Он вернулся в Берлин опечаленным и мрачным. Хотя формально после II съезда все социал-демократы слились в единую организацию, единства в ней не было.

С отъездом Гальперина в Россию во главе берлинского, а точнее, германского транспортного пункта остался один Пятницкий. Он, как и прежде, по лишь ему известным каналам отправлял в Россию «Искру», понимая, однако, что она стала совсем иной — не грозным набатом, зовущим к неустанной борьбе, не собирательницей всех революционных элементов под знаменем РСДРП, а чисто оппортунистической газетой, старательно обходящей острые углы и крутые повороты, призывавшей к примиренчеству и компромиссам.

Примиренческая позиция, занятая русским ЦК, привела к тому, что в один прекрасный день на складе, где работал Пятницкий, появился какой-то товарищ с запиской Носкова. Оказывается, Пятницкому прислали помощника. На этого помощника возлагалась задача контролировать действия «твердокаменного» большевика Пятницкого, постепенно забрать у него все нити пограничных связей и заменить его на посту заведующего пунктом.

Осип довольно быстро разобрался в сложившейся ситуации, никаких связей не передал, и «помощник» вынужден был покинуть пункт, так ничего и не добившись.

Провалился с одним из транспортов литературы верный и умный помощник Пятницкого, немецкий социал-демократ сапожник Мартенс. На его имя в Тильзит из Берлина поступали ящики с литературой под видом сапожного товара. Прусская полиция, вероятно кем-то предупрежденная, вскрыла один из ящиков и, естественно, не обнаружила в них ни мягких блестящих шкурок шевро, ни тяжелых квадратов кожи для спиртовой подошвы. Только литературу! Мартенс с группой товарищей были тотчас же арестованы и предстали перед суровым прусским судом. Их защищал Карл Либкнехт. Защищал умело и страстно, так что суд хотя покарал обвиняемых, но очень мягко, приговорив к нескольким месяцам тюремного заключения.

В отличие от твердой и смелой позиции, занятой на суде Мартенсом, администрация «Форвертса» повела себя чрезвычайно трусливо и потребовала, чтобы Пятницкий немедленно убрался со всей своей литературой из здания газеты. А куда? «Ну, это уже ваше частное дело, господин Фрейтаг, мы вам ничем больше помочь не можем».

Помог Карл Либкнехт. Он дал Пятницкому письмо к одному своему другу социал-демократу, имевшему собственный дом. Тот сдал квартиру за

небольшую плату, и транспортный пункт обрел наконец полную независимость. Поехав в Тильзит и опять же с помощью вышедшего из тюрьмы Мартенса встретившись с одним из административных работников крупной тильзитской типографии, Осип договорился, что будет посылать литературу из Берлина на его адрес уже совершенно открыто.

Попутно перед Пятницким встала еще одна задача. Так как большинство искровцев за границей оказалось на стороне меньшевиков, в берлинской группе, разделявшей взгляды большевиков, остался один Пятницкий. А чтобы сохранить группу, в ней надо было иметь хотя бы трех человек. И вот Пятницкий разыскал в Берлине Шаумяна и одного болгарина Аврамова, выразивших согласие войти в группу. А потом к ней присоединился провокатор Житомирский.

Надо сказать, что Житомирский очень долго колебался, в какую группу содействия ему войти: в большевистскую или куда более многочисленную меньшевистскую. Предполагалось, что Житомирский «ищет правду», и все искренне обрадовались, когда он сделал выбор и примкнул к большевикам. Но ларчик-то открывался совсем просто: когда охранка поняла, что большевики куда опаснее для самодержавия, нежели меньшевики, она приказала своему тайному агенту быть с большевиками.

Скоро берлинская большевистская группа окрепла. В нее, кроме Пятницкого, входили Горин, Шаумян, Аврамов, Лядов, Лядова, Познер, Анна Неженцева, Квятковский, Тарасов, Левинсон, Галина, Лемберг и... Житомирский. При группе создали нечто вроде подгруппы из сочувствующей молодежи. В нее в числе других вошла и Бричкина, в дальнейшем прошедшая весь свой революционный путь рука об руку с Пятницким.

Осенью 1904 года Пятницкий получил письмо от Надежды Константиновны Крупской из Женевы. От имени Ленина она просила приехать в Женеву, чтобы посоветоваться по очень важным вопросам.

«В Женеве, куда мы вернулись со съезда, — вспоминала Крупская, — началась тяжелая канитель. Прежде всего хлынула в Женеву эмигрантская публика из других заграничных колоний. Приезжали члены Лиги и спрашивали: «Что случилось на съезде? Из-за чего был спор? Из-за чего раскололись?»

Из маленького двухэтажного домика в рабочем поселке Сешерон, с большой кухней, занимавшей весь первый этаж, которую Красиков в шутку назвал «притоном контрабандистов», Ульяновы уже перебрались в Женеву. Ленин целые дни проводил в библиотеке, где даже получил отдельный кабинет для работы.

Владимир Ильич был расстроен, но не растерян. Выглядел он неважно. По сравнению с днями съезда Заграничной лиги похудел, под глазами залегли коричневые тени. Но физическое недомогание ничуть не отражалось на его боевом духе.

Пятницкий, сумрачный и подавленный всем происходящим в партии, считал, что трещины на ее теле уже никогда не закроются.

От Владимира Ильича Пятницкий узнал, что вопрос об издании новой газеты решен. Во всяком случае, для самого Ленина. И Осип имел возможность в этом убедиться, когда через несколько дней после его приезда в Женеву там было созвано собрание большевиков и Ленин сделал доклад о положении дел в партии и о нарастании массового революционного движения в России. Тут же приняли решение об издании новой газеты, большевистского органа «Вперед». Началась энергичная работа по подготовке первого номера.

«В Женеве, — вспоминает Крупская, — большевистский центр гнезвился на углу знаменитой, населенной русскими эмигрантами Каружки (Rue de Carouge) и набережной реки Арви. Тут помещались редакция «Вперед», экспедиция, большевистская столовка Лепешинских, тут жили Бонч-Бруевичи, Лядовы (Мандельштамы), Ильины. У Бонч-Бруевичей бывали постоянно Орловский, Ольминский и др. Богданов, вернувшись в Россию, сговорился с Луначарским, который приехал в Женеву и вступил в редакцию «Вперед».

Бюро комитетов большинства (БКБ), созданное для подготовки III съезда партии, в составе Гусева, Богданова, Землячки, Литвинова и Лядова, не только вело агитацию за созыв съезда, но фактически руководило практической работой большевистских организаций в России.

Пятницкий вернулся в Берлин окрыленным. Он понимал: под руками великого мастера возникали новые формы той партии, которой предстояло через тринадцать лет взять в свои руки власть в государстве Российском.

Еще до выхода первого номера газеты «Вперед» Пятницкий отправил в Россию большой транспорт литературы, в который вошла серия брошюр о разногласиях с меньшевиками: Н. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», Шахова (Малинина) — «Борьба за съезд», Орловского (Воровского) — «Совет против партии», Галерки (Ольминского) — «Долой бонапартизм». Эти брошюры неплохо нейтрализовали влияние новой «Искры», которую Осип все еще вынужден был транспортировать. Но ему это уже до черта надоело, и, лишь только в Берлине оказался первый номер новой газеты, Пятницкий прекратил отправку постылой «Искры».

В рижском транспортном пункте, которым ведал Папаша (Литвинов), в

тюках с литературой также не нашлось места для «Искры», и, таким образом, меньшевики остались у разбитого корыта.

Но вот до Берлина дошла весть о расстреле питерских рабочих 9 января. Весть эта потрясла революционную эмиграцию и побудила ее к активным действиям, Начался сбор средств на русскую революцию и отправка людей в Россию для участия в разворачивающихся событиях. Меньше чем за месяц Пятницкий переправил через границу 67 человек.

В эти же январские дни 1905 года произошла знаменательная встреча молодого русского большевика с прославленным лидером немецких социал-демократов Карлом Каутским. Тогда он еще не был тем жалким злобствующим стариком, который потратил остаток своей жизни на «разоблачение» большевизма и проклятия в адрес Ленина и первого в мире социалистического государства. Нет, в дни встречи с ним Пятницкого Карл Каутский еще не расстался с ореолом лучшего знатока Маркса. Книга Каутского против Бернштейна, учинившего ревизию марксизма, была оценена Лениным. Он даже перевел ее вместе с Крупской на русский язык для товарищей по ссылке.

Так вот в январе Каутский пригласил к себе представителей всех социал-демократических групп, находившихся в эмиграции в Берлине: большевиков, меньшевиков, бундовцев и СДНП и А и латышей. Большевистская группа направила для встречи с Каутским Пятницкого и Аврамова, а меньшевики — Сюртука (Коппа).

До начала совещания Фрейтаг был удостоен личной, так сказать, конфиденциальной беседы с одним из крупнейших лидеров германской социал-демократии и II Интернационала.

Каутскому в ту пору шел пятьдесят первый год. Он лично был знаком с Марксом и Энгельсом, написал немало теоретических книг, в том числе и такие, как «Экономическое учение Карла Маркса» и «Аграрный вопрос».

Он сидел за тяжелым, из мореного дуба письменным столом на львиных лапах, в просторном, если не роскошном, то весьма комфортабельном кабинете. Он считался одним из лучших ораторов II Интернационала, умеющим на память цитировать целые куски из самых сложных экономических работ Карла Маркса. А на кресле возле стола сидел двадцатипятилетний молодой человек с худым, изможденным лицом, совсем неважно говоривший по-немецки. «Да, небогато у этих большевиков с людьми, если они прислали ко мне этого мальчишку», — подумал Каутский и тут же обрушил на голову «мальчишки» груды округлых и, как ему представлялось, неотразимых доводов. Руководство — немецкий партейфорштанд — глубоко обеспокоено несогласиями среди

русских товарищей. И оно считает своим революционным долгом сделать все зависящее для того, чтобы вновь объединить все группы русских социал-демократов. Для этой цели оно готово назначить суперарбитра — им согласен стать товарищ Август Бебель, который разберет все споры и разногласия. Конечно, меньшинству следует подчиниться большинству, а Ленину, этому неистовому фанатику, непримиримому и нелояльному господину, следует пойти на некоторые компромиссы.

— Прошу меня простить, товарищ Каутский, — непочтительно перебил Пятницкий, — но почему вы говорите только о Ленине, когда его взгляды разделяет громадное большинство местных партийных организаций в России! И при чем здесь какой-то третейский суд, пусть даже во главе с уважаемым товарищем Августом Бебелем, когда русские социал-демократы уже готовятся к своему новому съезду?!

Каутский жестом иронической защиты поднял руку с раскрытой ладонью.

— О, съезд, бесспорно, высший форум партии. Но стоит ли отказываться от нашего посредничества только потому, что этот съезд когда-нибудь будет созван? Подумайте, мой юный друг — кажется, товарищ Фрейтаг? — сколько времени окажется потерянным. А ведь именно сейчас вам, русским, нужны дружба и единство. Неужели вы настолько загипнотизированы Лениным, что не можете правильно оценить добрую волю партейфорштанда?

Но поскольку упрямый мальчишка так и не оценил благородного порыва руководства немецкой социал-демократии, Каутский, встав из-за стола, дал понять, что разговор окончен.

Совещание, начавшееся сразу же после беседы Каутского с Пятницким, ничего не дало. Разногласия были так велики, что объединение на основе третейского решения стало бы чистой формальностью.

Осипу Пятницкому пришлось выступить на этом совещании. Он заявил, что без постановления соответствующего партийного центра ни о каком объединении в Берлине не может быть и речи. Чутье подсказывало ему, что руководству немецких социал-демократов меньшевики гораздо ближе большевиков. Возможно, что суперарбитр и потребовал бы от меньшинства формального подчинения большинству, но в вопросах стратегии и тактики оставался бы на стороне меньшинства, что только помешало бы строительству партии нового типа.

Владимир Ильич горячо одобрил позицию, занятую Пятницким на этом совещании. Он написал удостоверение следующего содержания:

«Настоящим мы назначаем уполномоченным Центрального Комитета

Российской социал-демократической партии т. *Фрейтага* и просим другие организации и партии оказывать ему всяческое содействие.

От имени Центрального Комитета Российской социал-демократической партии

Н. Ленин (Вл. Ульянов)».

Но это было уже после III съезда партии, а пока Пятницкому вместе с приехавшими в Берлин представителями Организационного комитета по созыву съезда приходилось днем и ночью готовить все, что обеспечило бы спокойную и успешную работу съезда. Явки для перехода через границу делегатов съезда. Временное местопребывание в Берлине. Все это получилось совсем неплохо, если бы не повышенный интерес, проявленный берлинской полицией к особе Пятницкою. Первое время ему удавалось ловко отделяться от шпииков. Отлично изучив Берлин, он умело пользовался его внутренними дворами и закоулками. Да и шпииков он научился безошибочно отличать по бегавшему взгляду, нарочито беспечной походке фланера и лихо сдвинутому на затылок котелку.

Но чем ближе к съезду, тем настойчивее и беспокойнее становилась прусская полиция. Пятницкого уже несколько раз вызывали в ревир и интересовались, что, собственно, он делает в Берлине и на какие средства живет. Пришлось попросить у одного дантиста — социал-демократа официальную справку о том, что господин Фрейтаг помогает ему по части зуботехнического искусства. Но однажды коса нашла на камень. К Пятницкому приставили супершпиика. Необыкновенно длинного малого с нахально улыбающимся лицом. И как раз тогда, когда Пятницкий начал приготовления для отправки делегатов III съезда в Россию. Уже первая его встреча с новым «ангелом-хранителем» не сулила ничего доброго. Осип получил записочку от Папаши, в которой последний назначил ему свидание в два часа дня в одном не слишком роскошном ресторане. Начав заранее путать следы, Пятницкий зашел к одному приятелю и вместе с ним отправился в национальную картинную галерею. Выходя оттуда, он впервые увидел длинного детину, прятавшегося за деревом. Мгновенно сработала интуиция. Пятницкий повел шпиика по Унтер-ден-Линден и затем внезапным отработанным прыжком очутился на подножке стремительно несущегося трамвая. Но прыжок шпиика был столь же быстрым и безошибочным. Осип, выбрав подходящий момент, опять же на полном ходу соскочил с трамвая. Но шпиик тоже не задержался и пошел рядом с Пятницким, поглядывая на него сверху вниз и хохоча во все горло. «Ты у меня сейчас похочешь», — злорадно подумал Пятницкий и скользнул в подворотню, ведущую в известный ему проходной двор. Он все еще

надеялся на превосходное знание «топографии местности» и на свои молодые, быстрые ноги. Но шпик, делая один шаг на два Пятницкого, не отставал. Конечно, свидание с Папашей на этот раз *не состоялось*. Обессилевший Пятницкий вынужден был, в конце концов, привести шпика с собой к зубному врачу. Только оттуда, воспользовавшись выходом в соседний двор, удалось Осипу уйти от слежки.

Уйти-то ушел, но понял, что положение для него сложилось просто аховое. Ясно, что он попал на мушку прусской полиции. За себя Осип не стал бы очень беспокоиться. Но на этот раз он отвечал за безопасность многих товарищей, приехавших из России на съезд партии. И в этом случае он не имел права на риск, даже минимальный.

На свою квартиру он уже не пошел. Ночевал у товарищей. А встретившись с Папашей, узнал, что на один из его явочных адресов в Берлине из Питера поступила крупная сумма денег для организации съезда. Получив деньги, Осип по совету Папаши уехал в Женеву и уже там организовал пункт по приему делегатов.

В Женеве он пробыл почти до окончания съезда, оттуда поехал в Лейпциг и без особых осложнений стал переправлять делегатов съезда обратно в Россию.

Пришло время подумать и о себе. Как и многие другие члены заграничных групп содействия РСДРП, Пятницкий страстно хотел вернуться в Россию, чтобы участвовать в нараставших там революционных событиях. Новый большевистский Центральный Комитет, избранный на III съезде, решил направить его в Одессу. Но прежде чем распрощаться с опостылевшей ему границей, Пятницкий должен был передать германский транспортный пункт. Для этого из Лейпцига он приехал в Берлин. И тут произошел странный случай. Никитич (Л. Б. Красин), которому ЦК поручил руководство всеми техническими делами партии в России, предложил передать транспортировку литературы группе большевиков-примиренцев во главе с недавним меньшевиком Сюртуком (Коппом). Пятницкий решительно опротестовал этот проект перед ЦК — ведь надо было передать и все годами налаживаемые, сугубо конспиративные связи. А Сюртук был меньшевиком. ЦК аннулировал этот проект и предложил Иосифу передать все дела Рецову и... Житомирскому. Ведь тогда Житомирский пользовался полным доверием партии, да и Пятницкий считал его верным и энергичным товарищем.

И даже когда во время передачи пункта Житомирскому Осип, отдернув штору окна, к великому своему ужасу, увидел на улице все того же длинноногого шпика, ему и в голову не пришло, что это дело рук

Житомирского — единственного человека в Берлине, знавшего адрес временной квартиры Пятницкого. Тогда он подумал, что шпик наделен просто какой-то дьявольской интуицией, и решил все эти дни не выходить на улицу.

И даже когда накануне отъезда Осипа в Россию Житомирский в нарушение всех правил конспирации привел к нему Лядова, Пятницкий лишь поругал Житомирского за неосторожность. Не знал Осип, что этот провокатор был, что называется, крупным специалистом в грязном и подлом своем деле.

Ночь. Удалось незаметно выскользнуть из дома. Прощай, Берлин! Прощай, Германия! Ночной переход через границу на Остроленко. Осуществляет его на этот раз тот, кто так надолго и так прочно оседлал границу.

В Россию возвращался уже не подросток, принимавший посильное участие в мелких забастовках мастеровых Паневежиса и Ковно, не юный агент «Искры», а опытный конспиратор, революционер ленинской выучки. И в подкладке его пиджака зашито удостоверение, подписанное Владимиром Ильичем.

В ОДЕССЕ

Выдержка из письма. Из Женевы в Одессу. От Надежды Константиновны С. И. Гусеву.

«Вы просите прислать людей, а из легальных газет узнаем, что явка ваша не действует. Думаем послать к вам Пятницу и Спицу^[2], очень хороший комитетчик, будет жить на свои деньги».

Выдержка из письма С. И. Гусева, лично для Ленина. Из Одессы в Женеву. «Какой великолепный организатор и агитатор Фрейтаг. Вот идеальный работник, вот партийный человек до мозга костей. Прямо не посмотрюсь на него. *Нация*».

И еще одна. Тоже из письма Гусева лично Владимиру Ильичу.

«Состав комитета подобрался прекрасный. Берга^[3] и Фрейтага нечего Вам рекомендовать — великолепные работники...»

...Пятницкий приехал в Одессу уже после восстания на броненосце «Потемкин». Но большой веселый южный город, от центра с его несколько чопорной Дерибасовской и до лачуг Молдаванки, все еще жил событиями недавних дней. Ведь матросы «Потемкина» своим беспримерным революционным подвигом наглядно доказали, что армия и флот царской России уже не представляют собой надежной защиты самодержавия.

Конечно, и в армии и во флоте было немало революционеров, ведущих постоянную работу среди солдат и матросов. Но никогда еще доселе, подчиняясь воле восставших матросов, грозные жерла орудий не направлялись в грудь самодержавию, как это случилось с «Потемкиным». И Одесса ликовала, ненавидела, радовалась и содрогалась от страха.

Прямо с явки Пятницкий попал на заседание Одесского комитета партии. Предупрежденный письмом Надежды Константиновны секретарь комитета Гусев радостно встретил прибывшее подкрепление.

— Мы кооптировали тебя, Осип, в состав нашего комитета и назначили организатором Городского района, — сказал Гусев, прервав на минуту начавшееся заседание.

До октябрьских событий 1905 года Одесская большевистская организация разделялась на три района: Пересыпский — его организатором был Кирилл Правдин, Дальницкий — Даниил Шотман и Городской. В Дальницком районе существовали еще и подрайоны — Фонтанский и Вокзальный.

Организация в Одессе, как, впрочем, и по всей России, снизу доверху

строилась не на основе выборов, а по принципу кооптации. А выглядело это примерно так. Социал-демократы большевики, работавшие на заводах, фабриках и в мастерских, приглядывались к рабочим и приглашали лучших, наиболее сознательных принять участие в революционной работе. Так создавалась ячейка. Самые активные члены ячейки кооптировались в бюро. Лучшие из членов бюро — в подрайонные комитеты, и т. д. и т. д. Не надо забывать, что партия продолжала находиться на нелегальном положении и система открытых выборов могла нанести ей ущерб. В Одессе было множество явок в кафе и на частных квартирах сочувствующей интеллигенции. На явках секретарь Одесского комитета Гусев встречался с приезжающими или вызванными им по делу товарищами. Каждый день в определенные часы. Комитет заседал не реже одного раза в неделю. На его заседаниях обсуждались директивы ЦК, разрабатывались планы проведения политических кампаний и вопросы профессионального движения. Уже на одном из ближайших заседаний комитета, посвященном вопросам работы профессиональных союзов, выступил Пятницкий.

— Я согласен с формулировкой товарища С.^[4], — говорил он. — Нужно идти во все профессиональные союзы. Это лучшая из всех существующий трибун для нашей агитации, даже для агитации за вооруженное восстание. Никто не говорит о том, что, беря руководство профессиональными союзами, мы должны подчиняться «узкопрофессиональным» тенденциям, сузить себя до профессионализма. Наоборот, в своей агитации мы должны постоянно подчеркивать неотделимость профессионального движения от политической организации, от широкого политического движения.

Теперь его звали Яков. Он обладал «железным» паспортом на имя Покемунского, по которому и был прописан в Одессе. Для партийной организации на это время он перестал быть товарищем Фрейтагом.

Научившийся превосходно ориентироваться в таком громадном городе, как Берлин, он в несколько дней изучил весь свой Городской район и теперь с утра до ночи носился по мастерским, артелям, типографиям, конторам и магазинам. Неутомимым помощником организатора Городского района стала Софья Бричкина из берлинской молодежной подгруппы.

Главными объектами своего района Пятницкий считал табачную фабрику Попова и чаеразвесочную Высоцкого. Здесь он бывал почти каждый день, собирал рабочих, разговаривал с ними, делал короткие доклады на политические и экономические темы. Летние месяцы в Одессе показались Пятницкому легкими. Работа налаживалась, крепились организационные связи, отлично действовала крупная нелегальная

типография ЦК, печатая в сотнях экземпляров большевистские листовки.

Затаилась полиция. Незаметно вели себя филеры. Об арестах ничего не было слышно.

Продолжалась, конечно, внутренняя борьба между различными социал-демократическими группировками за влияние на одесский пролетариат. Ведь, кроме большевистского комитета, в городе существовали еще комитеты меньшевиков, бунда, эсеров и дашнаков. Делались, правда, попытки выработать какую-то платформу общих действий — на этом особенно настаивало руководство бунда, но, хотя такой согласительный комитет и был создан (от большевиков в него вошли товарищи С., Я. и А, то есть Гусев, Пятницкий и Готлобер) и даже провел одно заседание, дело ни на йоту не сдвинулось. Разногласия с меньшевиками захватывали не только вопрос стратегии и тактики, но и теории, и через образовавшуюся пропасть не удалось, несмотря на все старания бундовцев, перекинуть даже утлого мостика. Бундовцы, хотя и считали себя частью РСДРП, продолжали создавать свои сепаратные организации в Киеве, Одессе, Екатеринославе и некоторых других городах России параллельно существовавшим там социал-демократическим организациям. И мотивировали это тем, что в этих городах есть рабочие-евреи, не знающие русского языка.

Пятницкий с присущей ему едкой иронией и резкостью высмеивал эту «из пальца высосанную» мотивировку. «Как будто бы местные комитеты РСДРП, в которых немало евреев, не смогут работать среди рабочих, говорящих на еврейском языке», — говорил он на заседании согласительного комитета и в качестве иллюстрации рассказывал, как на одном митинге оратор-бундовец потребовал права изъясняться на своем родном языке, а получив это право, произнес речь, процентов на шестьдесят состоящую из русских слов.

В конце сентября начались митинги в Одесском университете. И хотя организаторами их были студенты, в числе выступивших ораторов встречались представители всех партий и политических группировок.

Все чаще на крупных и мелких предприятиях Одессы возникали забастовки, причем не только экономического, но и политического характера. И так во многих городах России.

Наступало время решительных действий. Одесский большевистский комитет на своем заседании 12 октября единогласно принял решение призвать пролетариат к политической забастовке под лозунгом «Долой самодержавие! За созыв Учредительного собрания!» и провести в первое же воскресенье после начала забастовки массовую демонстрацию по

центральным улицам Одессы. Руководителем будущей демонстрации комитет назначил Пятницкого. И опять меньшевики и бундовцы, якобы выразив согласие на совместные действия, выступили со множеством всякого рода оговорок о сроках начала всеобщей забастовки, а участвовать в демонстрации вообще отказались.

Наконец началась забастовка. Началась она довольно организованно и захватила основные отрасли производства. Поэтому, как и было условлено на заседании комитета, демонстрацию назначили на воскресенье, 16 октября.

Вероятно, впервые за всю историю города в это воскресенье центр его захватили жители окраин. Все больше рабочих собиралось на углу Дерибасовской и Преображенской улиц. Когда их набралось несколько сотен, Пятницкий крикнул: «Начинаем. Вперед, товарищи!» Демонстранты, сомкнув четверки, выкрикивая революционные лозунги, двинулись по направлению к Херсонской, где к ним собирались присоединиться митингующие студенты. Все шло довольно гладко, казалось, власти решили на этот раз закрыть глаза на все происходящее.

Как бы не так! Лишь только вся Херсонская улица заполнилась демонстрантами, навстречу вымахала сотня казаков и с гиканьем, хлеща по головам и плечам рабочих и студентов нагайками, погнала их в боковые улицы. Спасаясь от казаков, участники демонстрации стали валить трамвайные вагоны, разбирать чугунные решетки, устраивать нечто вроде примитивных баррикад. И все же демонстрация продолжалась. Группы рабочих рассыпались по всему городу и призывали всех присоединиться к демонстрантам. Так продолжалось несколько часов. И когда Пятницкий отправился на явку к Гусеву, чтобы доложить ему о ходе демонстрации, на улицах, в красноватом свете закатного солнца, все еще было шумно. Одесситы, взволнованные, обсуждали события дня. Куда-то испарились казаки. Не видно было полицейских. И вдруг в районе Молдаванки из переулка выскочило несколько конных городских с огромными «смит-вессонами» в руках. Без всякого повода городские стали палить из револьверов в прохожих. Несколько человек упали. Пятницкий прижался к стене дома. Опорожнив барабаны своих револьверов, городские тут же ускакали обратно. Как выяснилось позже, такие налеты, бандитские, ничем не мотивированные, явно провокационные, совершены были в разных районах города.

На экстренном заседании Одесского комитета было принято короткое воззвание, написанное Гусевым. Оно призывало рабочих продолжать забастовку, вооружаться кто чем может, ибо наступают дни решающих боев

с до зубов вооруженными защитниками самодержавия. Кроме того, комитет решил превратить похороны погибших от полицейских пуль в новую политическую демонстрацию одесского пролетариата.

Невесело было на душе у Пятницкого, когда утром 31 октября он возвращался из больницы на Молдаванке, где в морге лежали убитые (чтобы полиция не выкрала тела своих жертв, в больнице находился вооруженный патруль из представителей всех революционных организаций, и Пятницкий ходил проверить, как прошла ночь). Он думал о том, что вот, кажется, наступила пора, когда рабочим придется драться за власть. А где же боевые пролетарские дружины? Откуда достать оружие? Что понимают Гусев, Шотман или он в тактике уличных боев? Построить баррикады... Допустим. А чем отбиваться? И опять все упиралось в отсутствие единства в мыслях и действиях различных социал-демократических течений. Меньшевики, бунд... Попробуй-ка договориться с ними. Лебедь, щука и рак... Вот ведь что у нас получается! И намеченная демонстрация-похороны может превратиться в бойню.

Так, глубоко задумавшись, не обращая внимания на окружающее, неторопливо добирался он до центра. И сразу, точно горный обвал, обрушился на него многоголосый ликующий гам. Крики «ура», «Марсельеза»... Обнимаются, целуются, подбрасывают вверх шапки, размахивают лоскутами алого кумача... Вот оно что! Царский манифест — «Мы, милостью божию...». Ага! Мелькнула мысль: струсил Николашка. И сразу же сам себя одернул: тактическое отступление, и ничего больше. А рядом поздравляли друг друга со свободой, троекратно лобызались... Даже плакали от радости. Все-таки любопытно, какая свобода нужна этому пьяному, превосходно одетому господинчику в котелке и в очках в золотой оправе. И этот огромный рыжий мужчина в поддевке и скрипучих хромовых сапогах с блеском, раздирая толстогубый рот, тоже ревет словно бык, приветствуя и славя «слободу». А ему-то чем не угодило его императорское?.. Но появились уже красные стяги. Куда идти раньше — к тюрьме, чтобы распахнуть двери, или к думе, чтобы водрузить на ней алый флаг?

Разделились на две части: одни двинулись к тюрьме, другие, во главе с Осипом, к думе. Кто-то всунул ему в руку древко знамени. Тяжелое, оно вдавливалось в плечо, но сейчас Осип даже не почувствовал его тяжести. Знамя раздувалось, плескалось над ним, как крыло неведомой красноперой птицы, и несло, несло за собой.

Вся Дерibasовская словно бы разрумянилась от радости. На балконах домов висели тяжелые текинские ковры и бархатные занавеси

всевозможных красных оттенков. Где-то при распахнутых окнах на рояле играли «Марсельезу», и идущие по улице нестройно подхватывали мотив.

Офицеров заставляли отдавать честь или снимать фуражки перед знаменами революции.

Подошли к зданию городской думы. Над ней взвился красный флаг. Открылся митинг. Председательствовал Пятницкий. Тысячи людей стояли, тесно прижавшись друг к другу, жадно ловя слова ораторов. Ораторы, успев уже нацепить на грудь пышные красные банты, велеречиво славил свободу. Вдруг появился небольшой отряд казаков, и участников митинга словно смыло набежавшей волной. Пятницкий остался один на один со своим колокольчиком.

После митинга он зашел в думу. В одной из комнат лежал расплосованный крест-накрест портрет царя в тяжелой золоченой раме. В другой заседало несколько членов городской управы. Решался исключительно важный вопрос: какой формы и каких цветов должен быть значок для будущих милиционеров, которым надлежит заменить ненавистных фараонов.

Пятницкий спросил «отцов города»: откуда они намерены брать людей для милиции, есть ли у думы оружие, чтобы вооружить этих самых милиционеров.

Почтеннейшие отцы охотно разъяснили, что милиционеров выделяют из своей среды домовладельцы и что оружия им никакого не понадобится, так как был манифест. А вот значок милицейский нужен непременно.

— И над чем вы только голову ломаете, господа! — искренне удивился Пятницкий. — Значок для милиционеров!.. Никто еще не отменил ни полиции, ни казаков. И если мы теперь же не вооружим рабочих через их революционные организации, то можем оказаться в великом проигрыше.

Кто-то поддержал Пятницкого. Но «отцы города» и слышать ничего не желали.

Поняв, что здесь ничего не добьешься, Пятницкий пошел на явку к Гусеву, чтобы обсудить создавшееся положение. Там-то он и узнал, что начался еврейский погром. По поручению комитета Пятницкий помчался на Молдаванку. Быстро сориентировавшись, он организовал небольшой отряд самозащиты и повел его против громил.

Было ясно, что погромщики действуют с полного согласия военных властей.

Погром, еще невиданный по масштабам, продолжался трое суток. В эти страшные для Одессы дни на улицах города все время происходили схватки между отрядами самообороны, созданными Федеративным

комитетом всех революционных организаций, и охранявшей погромщиков полицией, казаками, драгунами и пехотинцами. Силы оказались явно неравными. Несмотря на мужество и отвагу, отряды самообороны вынуждены были отступить, неся весьма ощутительные потери. Ночью, на второй день погрома, Федеративный комитет дал указание прекратить вооруженную борьбу — насчитывались уже сотни убитых и раненых, а силы следовало беречь.

В конце третьего дня погрома администрация университета получила ультиматум от военных властей — немедленно очистить его помещение от находящихся там революционных организаций.

Ультиматум пришлось принять. Ведь в противном случае в здание университета были бы введены войска и могла бы произойти кровавая расправа. Все оружие, которым располагали революционные организации, удалось благополучно вынести.

Погром окончился, но патрули солдат под руководством полиции продолжали бесчинства: задерживали, обыскивали и под сурдинку прямо грабили жителей Одессы.

Несколько раз Пятницкий просто чудом избежал крупных неприятностей. Как-то он зашел к своим друзьям, живущим в доме на углу Екатерининской и Успенской улиц. Сидели, разговаривали о происшедших событиях, как вдруг зазвенели стекла окон. С улицы стреляли по дому. Пули провертели дырки в противоположной стене, к счастью высоко, почти под самым потолком. Через несколько минут дом был оцеплен солдатами и городовыми, и напротив него даже установили легкое орудие. Ворвавшиеся в квартиру офицеры и полицейские утверждали, что именно из нее было сделано несколько выстрелов по патрулю солдат, проходившему по Успенской. И хотя в конце концов удалось доказать, что окна уже замазаны на зиму, а стреляя из форточки, можно попасть только в окна третьего этажа дома, находившегося напротив, обыск «на всякий случай», больше похожий на погром, а затем и допрос с пристрастием всех живущих в доме продолжался до позднего вечера. И Пятницкий, в этом доме не живший, да еще вооруженный револьвером, мог стать жертвой банды карателей. Ему удалось спрятаться за распахнутой дверью и неподвижно, сдерживая дыхание, долго простоять за ней. Он чувствовал себя словно в мышеловке. А между тем страшная тревога за судьбу товарищей, работавших в нелегальной типографии ЦК, которая находилась в задней комнате ящичной мастерской в первом этаже этого же дома, сжимала сердце. Предупредить товарищей... Ведь если каратели обнаружат типографию, всех, кого там застанут, они перестреляют на месте. Как же быть? Но

выскочить из-за двери он не мог. Комната и коридор буквально битком набиты городскими и солдатами. Чуть успокаивало, что после первого залпа по окнам выстрелов больше не слышалось. И все же что там происходит?

Только утром Пятницкий смог выйти на улицу и заглянуть в мастерскую. Оказывается, полный порядок. В ящичную мастерскую даже не заглянули, так как под подозрение попали только второй и третий этажи.

На первом после погрома расширенном собрании Одесского комитета партии обсуждались важнейшие организационные вопросы. Наступала пора, когда следовало перейти к построению всей организации на выборных началах.

Пятницкий подробно рассказал собравшимся о том, как построены местные организации германской социал-демократической партии. Начался оживленный обмен мнениями. Германский опыт вряд ли можно использовать. Большевики не верили в свободы, обещанные царским манифестом, и твердо решили официально не легализовать свою организацию. Встал на повестку дня и еще один вопрос первостепенной важности. Из Питера приехал уполномоченный ЦК Лева (Владимиров). Он при полной поддержке прибывшего в Одессу еще до погрома большевика Барона (Эдуарда Эссена) категорически поставил вопрос о необходимости немедленного объединения с меньшевиками. Оба эти товарища требовали от одесских большевиков осуществить такое объединение, не дожидаясь директивы ЦК. И надо признать, что предложение их получило самую горячую поддержку среди большинства членов партии, как большевиков, так и меньшевиков. И это понятно! Кипучие события 1905 года как бы преподали наглядный урок, раскрыв первопричину слабости революционного движения в России. Оно ведь представляло собой многочисленные ручейки, иногда сливавшиеся, но чаще бегущие в разных направлениях. А нужно было, чтобы ручейки эти соединились в единый полноводный поток... Руководители Одесского комитета большевиков Гусев, Шотман, Пятницкий оказались в очень сложном двойственном положении. С одной стороны, они были решительно против самостоятельного объединения, без ведома и согласия ЦК. С другой стороны, отлично зная настроения низов, они понимали, что при решении вопроса неотвратимо окажутся в меньшинстве и, следовательно, могут быть отброшены на обочину событий... Вот и пришлось им помимо собственного желания заняться выработкой условий объединения. Иначе инициатива могла бы оказаться в руках у руководства меньшевиков.

В конце концов условия были разработаны. Основными пунктами их

стали следующие:

«1. Избирается паритетный комитет из 10 членов; из них 5 избираются общим собранием членов партии большевиков и 5 членов — общим собранием членов партии меньшевиков. Этот комитет проводит уже фактическое объединение всей организации, после чего общее собрание членов обеих организаций избирает уже постоянный комитет.

2. Одесский паритетный комитет поддерживает связь с ЦК большевиков и с ОК меньшевиков.

3. Одесская объединенная социал-демократическая организация посылает своих представителей от обоих течений на съезды и конференции большевиков и меньшевиков до их объединения».

Несмотря на явные недомолвки и зияющие трещины в этой объединительной платформе, временное слияние большевиков и меньшевиков в единую организацию помогло — успешнее провести в Одессе декабрьскую всеобщую политическую забастовку.

Слухи о баррикадах на Пресне, о бесстрашии бойцов рабочих дружин в Москве доходили и до Одессы. И декабрьская стачка, проведенная революционными организациями и Советом, действительно стала всеобщей и могла бы, как и в Москве, превратиться в вооруженное восстание, если бы руководство партийной организации и Одесский Совет рабочих депутатов бросили призыв: «К оружию!»

И все же всеобщая стачка прошла на диво организованно. Она остановила жизнь большого южного города. Пренебрегая тут же объявленным военным положением, не устрасась карами, которыми грозили власти всем участвующим в «беспорядках», забастовщики в течение нескольких дней были подлинными хозяевами Одессы и прекратили стачку лишь после поражения московского восстания.

Известно, что большевики придавали огромное значение обобщению исторического опыта октябрьских и декабрьских боев российского пролетариата. По определению Ленина, декабрьское вооруженное восстание явилось самым великим пролетарским движением после Коммуны, высшей точкой первой русской революции. Владимир Ильич призывал изучать и усваивать уроки великих дней первой российской революции...

Спустя две недели после окончания забастовки, 15 января 1906 года, Пятницкий был арестован.

Шло заседание партийного комитета Городского района. Собралось десять человек. Четыре большевика и шесть меньшевиков. Присутствовало еще два члена Одесского комитета, причем один из них — меньшевик

Шавдия — был председателем Совета рабочих депутатов. Видимо, именно он и стал приманкой для полиции, решившей одним ударом расправиться с ненавистным Советом. Короче говоря, вся Госпитальная улица на Молдаванке была занята войсками. Ворвавшиеся в комнату жандармы и шпики, задержав собравшихся, ринулись осматривать остальные комнаты, полагая, что в них тоже происходят заседания Совета. Все задержанные, понимая, что выкрутиться им на этот раз, пожалуй, не удастся, занялись уничтожением наиболее опасных улик. Преспокойно в присутствии солдат вынимали из карманов компрометирующие документы и тут же рвали их на мельчайшие клочки. Весь пол комнаты побелел и шуршал под ногами. Жандармский офицер устроил солдатам страшнейший разнос за допущенное и приказал собрать бумажные клочки в корзину.

К утру арестованных доставили в одесскую тюрьму. Кого только в ней не было! Очевидно, стремясь расквитаться за освобождение заключенных по амнистии в недавние октябрьские дни, жандармы и полицейские хватили теперь кого попало. В битком набитых камерах находились и политические, представлявшие все группы и течения вплоть до явно сионистской Поалей-Цион, знаменитые налетчики — «черные вороны», выдававшие себя за анархистов, и анархисты, совершавшие под шум революционной волны «эксы» с мастерством настоящих грабителей, и студенты, и желторотые гимназистки, даже почтенные обыватели, нацепившие на себя красный бантик. Тюрьма едва не лопалась из-за невероятного перенаселения...

На первом же допросе Пятницкий назвал себя Покемунским, согласно «железному» паспорту, по которому был прописан. Конечно, он шел на известный риск. Ведь его квартира могла подвергнуться обыску, а там, увы, улик было больше чем достаточно. Но Осип верил в ловкость и расторопность своих товарищей. Узнав о провале партийного комитета Городского района, они, конечно же, примут все необходимые меры, чтобы замести следы... Поэтому-то он так смело назвался Покемунским и дал свой адрес. Охранник, допрашивавший его, сказал, что располагает всей документацией, изобличающей арестованных как членов исполкома Совета.

Пятницкий ответил, что ни о каком исполкоме не имеет ни малейшего представления.

— А собрались мы, господин капитан, потолковать о том, как помочь безработным, — нудно рассказывал он. — Ну, может, подписной лист пустить или там лотерею какую устроить. Но ведь так ничего и не решили...

Капитан не скрывал своего раздражения.

— Ты что же, Покемунский, или как тебя там, хочешь меня уверить, что и Шавдию не знаешь? Председателя Совета ваших собачьих депутатов, а?

Нет, Покемунский не знал человека с трудно произносимой фамилией. Покемунский вообще ничего не знал, кроме того, что ни на подписные листы, ни на лотереи запрета пока никто не накладывал. Видимо, товарищи позаботились о том, чтобы на квартире мещанина Покемунского не осталось ничего говорящего или просто намекающего на деятельность товарища Якова. После первого допроса жандармы не беспокоили Пятницкого больше пяти месяцев. Но отдых в тюремном «санатории», несмотря на сравнительно сносный режим, как-то не получился... Не давали покоя мысли о том, что делается за стенами тюрьмы. Газеты всех направлений продолжали вещать о предстоящей амнистии, а военные суды в Одессе выносили один за другим суровейшие каторжные приговоры по самому незначительному поводу. Воля и свобода, якобы полученные народом из рук батюшки-царя, превращались в опасную психологическую ловушку для многих прогрессивно настроенных интеллигентов и рабочих, не имевших еще опыта революционной борьбы.

Шла широкая подготовка к IV (Объединительному) съезду партии. Политические заключенные обсуждали статьи и тезисы как большевиков, так и меньшевиков, страстно спорили по вопросу бойкота I Государственной думы и проклинали свое вынужденное бездействие.

А тут еще целиком провалился Одесский комитет партии и собрание, созванное для выбора делегатов на предстоящий Всероссийский съезд.

Было от чего прийти в бешенство! Ведь совершенно ясно, что никакими материалами, уличающими арестованных, за исключением Шавдии и Мовшовича, охранка не располагает. Держат так, на всякий случай, без предъявления обвинений и без допросов. Решили принять самые эффективные меры. Каждый в отдельности написал прокурору заявление, требуя либо вручить обвинительный акт и назначить день суда, либо же освободить из тюрьмы. В противном случае угрожали объявить голодовку. Даже определили день, когда начнут голодать, и уже отказались от продуктовых передач во время свиданий. Теперь всем готовившимся к голодовке приносили только цветы.

Прокурор дрогнул и распорядился выпустить всех, захваченных на собрании Городского районного комитета (кроме тех же Шавдии и Мовшовича), под надзор до суда.

Еще раз к Пятницкому пришло ни с чем не сравнимое ощущение

свободы. Выйдя из тюрьмы, он избегал всю Одессу. Просто так. Все казалось ему внове: и море, бесконечно меняющее краски, и теплый ветер, пахнувший йодом, смолой и рыбой, и помпезная величавость Одесского оперного театра, и даже памятник Ришелье.

Но бездумной радости хватило ровно на один день. А уже на следующий Осип попытался включиться в работу Одесской партийной организации. Действовать приходилось очень осторожно — ведь он был «под надзором», и любой опрометчивый шаг мог привести его обратно в тюрьму, которая порядком ему надоела. В Одесском комитете заправляли «заядлые» меньшевики А. А. Шнеерсон (Фридрих) и Л. Н. Радченко. Что касается членов комитета — большевиков, то они либо находились в тюрьме, либо вынуждены были скрываться. Тем не менее Осип через рабочих-табачников кое-кого разыскал и договорился о проведении собрания членов партии — большевиков. Нашли подходящую квартиру. Собрание состоялось и стало первым этапом объединения большевиков после массовых арестов и репрессий начала 1906 года.

Что касается самого Пятницкого, то он довольно долго раздумывал, как ему быть. Остаться в Одессе и явиться на суд? Он почти не сомневался, что рано или поздно следствие докопается до его настоящего имени, и тогда несколько лет каторги обеспечено. Уехать? Но ведь для группы большевиков, оставшихся в Одессе, дорог каждый человек. Он написал шифрованное письмо Надежде Константиновне Крупской в Петербург с просьбой определить его судьбу. Ответ пришел уже из Москвы, от Гусева. Он предлагал Пятницкому приехать и начать работу в Московском комитете. Правда, еще не было ни московских явок, ни денег, ни даже приличной одежды. Между тем его уже вызвали в военный суд. Остаться в Одессе и переходить на нелегальное положение не имело смысла. Пятницкий занял несколько рублей, быстро собрался и поехал в свой родной Вилькомир.

Четыре года пролетело с того дня, когда Осип последний раз ночевал в домике на Банной, где умер отец и где все еще жили мать и старшие сестры. Каким же крошечным показался ему теперь Вилькомир после Берлина, Лондона, Лейпцига, Одессы...

Вот и холм с развалинами старинной крепости на плоской вершине. В декабрьские дни прошлого года над руинами взвился красный флаг. Тюрьма, костел, монастырь, базарная площадь, городской сквер — место прогулок и флиртов гимназистов и гимназисток. Все словно бы сместилось, сдвинулось друг к другу, стало ниже, уже, меньше.

Все в Вилькомире осталось по-старому... Все ли? Ведь тогда, в 1902

году, когда Осип прожил несколько дней в семье, ему казалось, что ничто не сможет поколебать устои размеренного и привычного, как родимое пятно, безрадостного, состоявшего из каждодневной борьбы с нуждой бытия уездного городишка. И вот поди ж ты, мощная волна революционного подъема обрушилась в прошлом году и на Вилькомир. Пятницкому рассказывали о дружине вооруженных крестьян человек в 50–60, которая, скрываясь в дремучих лесах Вилькомирского уезда, вела вооруженную борьбу с царскими властями в семи волостях уезда.

В самом Вилькомире, кроме вездесущего бунда, создалась довольно крепкая организация РСДРП, с которой Пятницкий тотчас же установил связь.

В этот свой приезд на родину он услышал имя Винцаса Мицкявичюса-Капсукаса, еще совсем молодого человека, основавшего в 1904 году прогрессивный журнал для молодежи «Драугас» («Товарищ»), издававшийся за границей. Винцас сразу же после вступления в Литовскую социал-демократическую партию начал борьбу против господствующего в ней оппортунизма. А весной 1905 года из социал-демократической группы «Драугас» была образована Литовская социал-демократическая рабочая партия (ЛСДРП), признанным лидером которой стал Винцас Капсукас.

Правда, по некоторым важным программным вопросам — национальному и крестьянскому, руководители этой молодой революционной партии не стояли еще на последовательных марксистских позициях... Они не разделяли ленинскую идею революционной диктатуры пролетариата и крестьянства, а в национальном вопросе были сторонниками федерации. Но сам Капсукас отстаивал и пропагандировал пролетарский интернационализм.

Будучи в Вилькомире, Пятницкий подробно узнал о первом съезде ЛСДРП, состоявшемся в августе 1905 года. Опять-таки благодаря тому, что Капсукас за совершенно правильную позицию по вопросу о вооруженном восстании, съезд единогласно принял резолюцию О вооруженной борьбе против царизма.

Незадолго до декабрьских событий Винцас Капсукас сам ездил за оружием в Германию и по контрабандистским тропам доставил через границу закупленные револьверы новейших систем и боеприпасы. Капсукаса схватили 15 декабря 1905 года на крестьянском митинге в деревне Нартас, недалеко от Мариамполя. Однако в марте 1906 года ему удалось совершить побег из сувалкской тюрьмы и энергично включиться в революционную деятельность, на этот раз уже в рядах СДПЛ.

Мог ли предполагать тогда Осип Пятницкий, что через пятнадцать лет

он вместе с Винцасом Мицкявичюсом-Капсукасом окажется в штабе международного коммунистического движения и Капсукас станет его другом и ближайшим соратником по работе в Исполкоме Коминтерна!

Незадолго до приезда Пятницкого в Вилькомир в социал-демократическую партию Литвы вступил и студент Варшавского ветеринарного института Зигмас Алекса-Ангаретис, очень скоро проявивший себе активным борцом против оппортунизма и национализма в рядах СДПЛ.

И ему так же, как и Винцасу, предстояло через полтора десятка лет представлять Коммунистическую партию Литвы в Коминтерне.

Уже звучал молодой голос студента-медика Дерптского университета Каролиса Пожелы, в будущем одного из основателей Компартии Литвы, а во дворе дома, что на углу Ковенской улицы, бегал босоногий рыжеволосый и голубоглазый мальчуган, племянник Пятницкого, которому предстояло еще пройти недолгий, но славный путь от рядового комсомольца до секретаря Компартии Литвы и погибнуть от пуль фашистских оккупантов...

Я имею в виду Иосифа Мескупаса-Адамаса — блестящего конспиратора, как бы принявшего эстафету мужества и умения вести подпольную деятельность из рук своего дяди, секретаря Коминтерна — товарища Пятницкого. Но все это: и возмужание, и героическая гибель руководителя подполья Старика — К. Пожелы, запечатленная навеки в печальных и гневных строфах Саломеи Перис, и первые шаги в революции, сделанные Иосифом-младшим, — дело пока еще далекого и непредугадываемого будущего.

Пока же, вот сейчас, в этот сентябрьский вечер 1906 года, Осип Пятницкий, только что вернувшийся домой с явки, где получил московские адреса и деньги на дорогу, прощается с матерью. Нет, он не может сказать, когда они вновь увидятся. Ведь это зависит не только от его желания. Но, конечно, он еще приедет. И, может быть, тогда над развалинами крепости на холме будет снова развеваться красный флаг и уже никто не посмеет сорвать его оттуда. Ведь вот и наш маленький Вилькомир широко шагнул в революцию.

ТОРГОВЛЯ СУХИМИ ФРУКТАМИ, ИЛИ ЧТО ЗНАЧИТ «ВСЯ ТЕХНИКА»

Виктор (Таратута) сказал:

— Так вот, Осип, по решению МК в твое ведение передается вся техника. У тебя нет возражений?

Пятницкий несколько раздраженно передернул плечами.

— Странный вопрос. Я выполняю любую работу, если она полезна для партии.

И он взялся за «технику».

Но что же скрывалось под понятием «техника»?

В своей книге «Памятные годы» один из известнейших «техников» большевистской партии, Николай Евгеньевич Буренин, писал:

«Наши товарищи возили запалы на себе в особых самодельных лифчиках-патронташах, куда входили три ряда запалов по пятьдесят штук. Еще труднее было с бикфордовым шнуром. Резать его было нельзя, так как могла возникнуть необходимость в длинном куске шнура. Поэтому наши транспортеры наматывали бикфордов шнур на ноги. Нечего говорить, что все это было сопряжено с большой опасностью. Человек превращался в хорошо снаряженную бомбу. Ехать было очень трудно. Всю дорогу от Парижа до Гельсингфорса надо было бодрствовать, сидеть в вагоне, не прикасаясь к спинке скамьи, во избежание толчков, которые могли привести к взрыву».

«Люди-бомбы» — одна из составных понятия «вся техника».

Чемоданы с двойным дном и «панцири», содержащие прокладку из искусно заложеной литературы, разработка шифров, зашифровка и расшифровка корреспонденции, изготовление «липовых» документов, явки, пароли, нелегальные типографии и многое другое — вот что означает «вся техника» организации, порученная в сентябре 1906 года Осипу Пятницкому. Для того чтобы вестись ей, следовало прежде всего обладать качествами конспиратора: хладнокровием, бесстрашием, сметкой, способностью мгновенно принимать решения.

Лучшими «техниками» нашей партии были такие люди, как Леонид Красин, Максим Литвинов, Елена Стасова. В их ряду, бесспорно, находился и Осип Пятницкий.

...Вблизи шумной Сретенки, во внешнем проезде Рождественского

бульвара, на третьем доме от угла внимание прохожих привлекала большая вывеска. Жирным, броским шрифтом выведено было: «Магазин кавказских фруктов».

Погожим сентябрьским утром в этот магазин зашел невысокий человек с худощавым желтовато-смуглым лицом и тонким носом с горбинкой — то ли грузин, то ли армянин. В магазине сильно пахло вялеными фруктами. За прилавком стояло два человека — приказчик и человек восточного типа, по-видимому, сам господин Ласулидзе — владелец заведения. Из окон магазина просматривался угол бульвара с монументальной черной фигурой потового городского.

Покупатель неторопливо осмотрелся по сторонам, для чего-то подошел к окну и минуту постоял перед ним, недовольно покачивая головой... Потом шагнул к прилавку и попросил отвесить полфунта изюма и столько же абрикосов.

Приказчик старательно свертывал фунтики из плотной серой бумаги. Хозяин магазина, казалось, был погружен в просмотр счетов.

— Вы и оптовую торговлю ведете? — спросил пришедший.

— Если хороший покупатель найдется, почему бы и не сделать дела, — с сильным восточным акцентом сказал хозяин магазина, отрываясь от счетов. — А вы, генацвале, оптовик?

— А вот посмотрим, что за товар, — буркнул посетитель.

— За этим дело не станет. Прошу за мной.

Они прошли за перегородку и по узкой неудобной лестнице спустились в довольно глубокий подвал.

В подвале громоздились большие ящики, очевидно, с сухими фруктами. Но пахло от них металлом и типографской краской.

— Неужели, товарищ Аршак, вы не замечаете, как а магазине трясется пол, когда работает «американка»? — недовольно спросил Пятницкий. — В высшей степени неосторожно.

— А что делать? Мы же не можем перестать пол.

Пятницкий задумался. Самый беглый осмотр нелегальной типографии Московского комитета показал, что работающие в ней товарищи весьма слабо знакомы с правилами конспирации. Содрогавшийся пол и глухой шум машины в магазине, торгующем сухими фруктами, могли заинтересовать любого мало-мальски наблюдательного покупателя.

— Вот что, товарищ Аршак, — решил Пятницкий. — Проведите из магазина в подвал звонок. И лишь только открывается входная дверь, вы даете сигнал вниз, чтобы мгновенно прекратили работу. И сделайте это сейчас же.

Аршак кивнул головой.

— Кто спит за перегородкой?

— Товарищ Вульпе — «приказчик». Прописан по фальшивому паспорту на имя Лапышева.

— Никуда не годится! Нет ничего проще установить подложность паспорта. И тогда все у вас полетит к чертям. Надо немедленно выписать товарища Вульпе. Я постараюсь подобрать кого-нибудь на его место. А как с бумагой?

— Неважно. Тут у меня расчет на твою помощь, товарищ Осип.

И Пятницкий стал искать, где можно было бы купить бумагу в нужном количестве и подходящего формата. Удалось договориться с конторой одной из бумажных фабрик, находившейся в нижних торговых рядах на Красной площади, о предоставлении кредита. Закупленная там бумага отправлялась в переплетную мастерскую во 2-м Щемиловском переулке, где ее разрезали на части нужного формата, затем ее забирал «приказчик» и отвозил на склад типографии в Покровском проезде, и лишь оттуда, специально упакованная под кавказские фрукты, она поступала в нелегальную типографию МК.

Типография работала отлично. За восемь месяцев существования она выпустила 45 названий. Прокламации печатались тиражом от 5 тысяч до 40 тысяч экземпляров, а маленькие красные плакатики, выпущенные перед выборами во II Государственную думу и перед 1 Мая 1907 года, — в сотнях тысяч экземпляров. Всего же в этой типографии за восемь месяцев было отпечатано полтора миллиона экземпляров различных листовок МК, многие из которых вышли из-под пера таких блестящих публицистов, как М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, Г. Л. Шкловский, М. С. Сильвин (Бродяга), и других, составлявших литературно-лекторскую группу Московского комитета.

Выступая на вечере, посвященном 80-летию со дня рождения Пятницкого, верный его товарищ и друг Бричкина, вспоминая этот период революционной деятельности Пятницкого, рассказывала:

«Профессиональные революционеры-партийцы получали определенные оклады на жизнь, потому что они занимались только партийной работой. Обычно им платили 25, редко 30 рублей. И Пятницкий должен был еще отчитываться в своих расходах (это была его инициатива), он записывал в счет (наверное, товарищи, в архивах есть эти счета): истрачено на то-то и на то-то столько-то... Он до копейки отчитывался, когда вопрос касался партийной собственности. Здесь он был бесконечно щепетилен.

...Мы жили с ним в коммуне, и тут он раскрывался как человек. Он доверял нам бесконечно, но чтобы когда-нибудь... сказал, что ведает типографией, — этого никогда не было. Вдруг он приносил бананы, фрукты кавказские. Нас это удивляло, мы жили очень бедно — откуда он доставал эти фрукты! Он говорил нам: «Вы знаете, товарищ с Кавказа приехал». А это была подпольная типография под видом магазинчика, продававшего кавказские фрукты. Поразительная конспиративность. Он рассказывал о своей жизни, но никогда не говорил, что имеет какое-то отношение к типографии. Мы понимали, что так надо. Он своим отношением ко всему и нас учил поразительной конспиративности».

Но прежде чем Пятницкому удалось как-то организовать свой личный быт, он порядком помучился. Приехав в Москву без паспорта, он больше семи месяцев не мог раздобыть для себя подходящего вида на жительство. Это значит, что ему раз, а то и два раза в месяц приходилось менять квартиру, в которой он жил непрописанным, в постоянной тревоге, что дворник, всегда связанный с полицией, может заинтересоваться подозрительным жильцом. Поэтому он предпочитал «не дразнить гусей» и по большей части ночевал либо у друзей, либо на явках, что тоже было неудобно. А работы все прибавлялось. Бричкина неточно знала круг обязанностей Пятницкого в Москве. Он ведал не только одной типографией. Она составляла лишь часть, правда очень важную, «всей техники» Московского комитета. Кроме типографии и аппарата людей, занимавшихся получением и распространением литературы, в ведении Пятницкого находилось и паспортное бюро, возглавлявшееся А. Корнеевым (по кличке Пахомов). Бюро работало недурно, поддерживая тесные связи с Питером и Ростовом-на-Дону, обмениваясь с тамошними организациями копиями документов.

Было еще при Московском комитете военно-техническое бюро, занимавшееся изобретением и изготовлением самых несложных средств вооружения (бомбы), с ним Пятницкий поддерживал косвенную связь.

Занимаясь исключительно и сугубо конспиративной работой, Пятницкий почти не принимал участия в повседневной работе ячеек и райкомов Москвы. Зато с секретарем МК Карповым, а позже с Марком (Любимовым) встречался ежедневно на их явках и получал конкретные указания: какие листовки и в каком примерно количестве следует выпустить, кому из товарищей нужно подготовить вид на жительство, обеспечить явкой, организовать встречу и т. п.

Но больше всего беспокойства и треволнений доставляла Пятницкому типография. Тяжелейшие условия: сырой подвал с довольно тусклым

электрическим освещением, частые звонки из магазина — стоп! прекратить работу, — свинцовая пыль, скверное питание подтачивали здоровье работавших там товарищей. Уже в середине ноября 1906 года выяснилось, что ни Сандро, ни Стуруа больше не в состоянии работать в типографии. А где найти им замену? Ведь нужен не только абсолютно верный товарищ, но и опытный наборщик. В Москве такого не нашлось, и Пятницкий по договоренности с МК отправился на поиски в Петербург.

Попав на явку большевистского Центра на квартире зубного врача, а оттуда на Загородный проспект, в столовку Технологического института, Пятницкий встретил там Надежду Константиновну и кое-кого из старых товарищей по эмиграции. Рассказал о своем горе. Питерцы пообещали: поможем, и свели его с человеком, ведавшим «всей техникой» большевистского Центра.

— Очень нужен опытный наборщик, — сказал Пятницкий.

— Есть такой! — воскликнул питерский коллега. — Очень верный товарищ и высокой квалификации. — Потом задумался и заиграл «отбой». — Но ничего не получится. Он и нам самим позарез нужен. Собираемся ставить запасную типографию.

Пятницкий настаивал. Товарищ в конце концов согласился. «Бери. Хоть нам самим нужен, но вам, вероятно, еще нужнее». Познакомил Пятницкого с «гигантом наборного дела». Тот подтвердил без лишней скромности, что он действительно крупный специалист. И донельзя обрадованный Пятницкий, опасаясь, что хорошие друзья из Питера могут передумать, в тот же день отправил «находку» в Москву, дав ему адрес одного из своих знакомых. Сам же остался еще на день-два в Петербурге по другим вопросам «техники». Возвратился в Москву и сразу же убедился, что товар оказался с гнильцой. Во-первых, питерский наборщик проявил излишний интерес к квартире Пятницкого, все требовал, чтобы его туда направили. Во-вторых, оказавшись лицом к лицу «с американкой», явно растерялся и никакого «класса» не показал. В-третьих, заломил столь несуразную цену за свои услуги, что Пятницкий только руками развел: такими средствами МК не располагает. А в-четвертых, вообще вел себя несколько странно, и только то, что он уже вошел в «технику», не давало возможности от него немедленно освободиться.

Скоро магазин кавказских фруктов «продан» был новому хозяину. Дело в том, что Аршак примелькался, и его следовало заменить. Нашелся один большевик, грузин Габелов. Его как следует проверили и, установив, что он человек вполне подходящий, разрешили ему «откупить» торговлю у господина Ласулидзе (Аршака).

Московская партийная организация готовилась к V (Лондонскому) съезду. Во всех районах, во всех ячейках развернулась бурная дискуссия об отношении к буржуазным партиям и к Государственной думе. Вопросы эти должны были стоять в порядке дня съезда. По решению ЦК, большинство в котором после IV Объединительного съезда захватили меньшевики, на всех собраниях обязательно должно было выступить по два докладчика: от большевиков и от меньшевиков. Собрал и Пятницкий весь технический аппарат Московского комитета в доме на Мясницкой, где помещалась аптека, на квартире Шершакова. От меньшевиков явился человек под кличкой Лысый. На самом деле звали его Егором Егоровым.

Сцепились крепко, и Пятницкий уложил его на обе лопатки. В результате умело и целеустремленно проведенной предсъездовской дискуссии на Московской общегородской конференции на V съезд делегатами избрали Покровского, Виктора Таратуту, Дубровинского (Иннокентия) и Ногина — все большевики.

К этому времени Пятницкий уже достал для себя довольно приличный паспорт какого-то армянина — студента Петербургского университета, что позволяло ему устроиться получше. Тогда-то он и поселился в «коммуне», о которой вспоминала Бричкина. Находилась она в огромном «доходном» доме Калинкина на Владимиро-Долгоруковской улице. «Коммуну» образовали Волгин, Бричкина, Гальперин и еще несколько социал-демократов. Одни жили легально, другие по «липовым» паспортам. Пятницкий «снял» у них комнату, как приехавший из Питера студент. Жили не слишком сытно — фунтики с сухими фруктами, которые иногда приносил Пятницкий, принимались как с неба свалившаяся роскошь, — но очень дружно. И заведующий «всей техникой», почти полгода не имевший в Москве собственного угла, что называется, отогрелся у семейного очага.

Но так продолжалось не больше месяца.

В приближении 1 Мая Московский комитет принял решение призвать московских рабочих к однодневной всеобщей забастовке.

Надо было отпечатать, вынести и распространить несколько сот тысяч маленьких красных плакатов с призывом бросить работу в день 1 Мая. В магазин кавказских фруктов валом повалили «покупатели».

27 апреля вечером Пятницкий, как и всегда, находился на своей явке. Приходили товарищи, коротко сообщали, как идут дела, и тут же уходили. Все шло нормально, ничто не предвещало неприятностей. Единственно, что вызывало у Пятницкого досаду, так это неаккуратность заведующего распространением литературы Королева, которого он поджидал. Прошел час и два, а Королев все не появлялся, удалось выяснить, что его не было и

у родных, и Пятницкий помрачнел. Он знал, что перед 1 Мая жандармы начнут хватать направо и налево. Но еще только кончался день 27 апреля — рановато для облав и превентивных арестов! Пошел с явки прямо домой, в «коммуну». Сказал Волгину:

— Как бы этой ночью не пришли.

Волгин, живший легально и не имевший за собой особых грехов — он принадлежал к меньшевикам, только спросил:

— Что ты предлагаешь?

— Не открывайте дверей, пока меня не разбудите.

— Ладно. Это нетрудно.

Пятницкий лег, но, несмотря на страшную усталость, заснуть не мог. И ровно в полночь забарабанили в двери черного хода. Вскочил и мгновенно уничтожил листочек с условными знаками и адресами явок. Не одеваясь, зашлепал к дверям.

— Кто там?

— Откройте. Срочная телеграмма.

Ну, все ясно. Открыл, посторонился. В дверь ворвалась целая орава: пристав, шпики, околоточный, городовые, дворники.

Околоточный спросил, дома ли Волгин и Целикова и в каких комнатах они проживают.

Пятницкий очень вежливо ответил, показал, а сам пошел в свою комнату — дожидаться развития ночных событий. И тут увидел у себя на столе книжку — протоколы конференции боевых и военных организаций РСДРП. Его прямо оторопь взяла. Не имел он у себя такой книжки. Не лежала она на столе три минуты назад, когда он уничтожал этот самый листочек с зашифрованными явками. Откуда же она взялась? И что теперь прикажете делать? Не успел ничего решить, в комнату без стука вошли околоточный и какой-то тип. Тип сразу же к столу и хватить книгу. Теперь все ясно. Шпик к околоточному:

— Видите, какую литературу господин у себя сохраняет?

— А что такого! Она же во всех магазинах продается.

— На ней и адрес типографии стоит, — возразил околоточный.

Они ушли. Но через несколько минут вернулись.

— Где та книжка? — спросил шпик.

— Там, — Пятницкий кивнул головой в сторону полки.

— А ну тебя, братец, с твоей книжкой, — недовольно сказал околоточный. — Не то ищешь, что надо.

Ушли. Слышно было, как в соседних комнатах передвигают мебель, топчут сапожищами, на кого-то покрикивают.

Как и всегда в подобных обстоятельствах, Пятницкий пытался представить себе размеры провала. Кто и на чем «погорел»? Не приложил ли тут свою грязную лапу какой-нибудь провокатор? Не нанесен ли удар в самое сердце организации — по руководству Московского комитета?

А в соседних комнатах все еще двигали мебель, швыряли на пол какие-то тяжелые предметы, очевидно книги, громко хлопали дверьми. Под утро пришли и за ним.

В комнате Волгина — все в ней было перевернуто, как после пожара, — за столом сидел пристав с утомленным лицом давно не спавшего человека. Начался допрос. Пятницкий назвал согласно прописанному паспорту, рассказал, что приехал в Москву для того, чтобы позаниматься в Румянцевской библиотеке, и в меру, не слишком резко, выразил свое удивление и негодование по поводу учиненного у него обыска.

Пристав записал ответы, мельком взглянул на него из-под покрасневших, набрякших сном век и зевнул, прикрыв рот левой рукой в так и не снятой, когда-то белой перчатке.

— Прощу извинить за причиненное беспокойство, господин студент. — Попробовал пошутить: — У вас-то еще все впереди, уйдем — зададите такого храповицкого, только держись! А у меня служба. Что ночь, что день. — И, еще раз сладко зевнув, изрек приговор: — Вы, господин студент, свободны. Только нижайшая просьбица — из дома не выходите, пока мы все тут не закончим.

Пронесло! На этот раз выкрутился. И, вежливо поклонившись, Пятницкий ушел в свою комнату ожидать финала.

Незванные гости скоро отбыли. Тогда «считать мы стали раны, товарищей считать...». И хотя в серой мгле рассвета, вползавшей в окна, лица членов «коммуны» были бледны и искажены только что пережитым волнением, результат полицейского налета вызвал взрыв веселого хохота. Арестовали и увели двух легальных: меньшевика Волгина и сочувствующую Целикову. Нелегальные: Пятницкий, Гальперин и Бричкина оставлены в покое. Что за странная история!

Утром пришел Аршак. И так как он никогда не посещал Пятницкого на его квартире, стало сразу же ясно: случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Типография занята полицией. Я только что оттуда...

— Но как же ты-то уцелел? — перебил Пятницкий.

— Подожди. Постараюсь по порядку. Понимаешь, иду «сдавать» магазин Габелову. Подхожу: вывеска есть, дверь заперта. Почему не открыт магазин? Непорядок! Есть окно. Смотрю в окно: в магазине полиция. Что

делать? Побежал к нашим печатникам предупредить, чтобы не приходили. Успел. И знаешь, Осип, видно, я в рубашке родился. Ведь меня же там все дворники знают. Постовой знает. Соседи знают. Проскочил, словно в шапке-невидимке. И к тебе — предупредить.

— Уже были, — сказал Пятницкий. — Могли и засаду оставить, так что считай, что ты в двух рубашках родился.

Договорившись о встрече с Аршаком на одной из явок, Пятницкий бросился выяснять размеры катастрофы.

Оказывается, еще накануне днем типографию накрыли. Когда «приказчик» Новиков вынес из магазина корзину с кавказскими фруктами — красными первомайскими листовками, — шпики пошли по его следу, установили адрес, куда доставлялись «фрукты», и по возвращении Новикова в магазин арестовали и его и Габелова. Литературы в типографии оставалось немного, ибо большая часть листовок была уже распределена по районам. Таинственным образом исчез наборщик, вывезенный Пятницким из Петербурга. Единственно, что тогда удалось установить Пятницкому, — это причину ареста Волгина и Целиковой. До переезда в дом Калининна они жили на Третьей Тверской-Ямской. Там довольно часто бывал и наборщик. Явившись с обыском на старую квартиру Волгина, полицейские от дворника узнали, куда он переехал, и тут же отправились за ним.

Неясным оставалось, почему именно полиция заинтересовалась Волгиным и куда исчез наборщик. И хотя, по всей видимости, обыск и аресты в «коммуне» никак не связывались с провалом типографии, Пятницкий и его друзья уже на другой день оставили свою квартиру и наняли первую попавшуюся дачу в Лосиноостровской по Северной дороге.

Дача попала на редкость холодная и плохо приспособленная для жилья. Пятницкий, Гальперин и Бричкина мерзли и жили впроголодь. К тому же, живя за городом, Пятницкий, естественно, усложнил свое положение, так как все его явки находились в Москве. Началась полоса тяжелых провалов и арестов. В первых числах мая арестовали секретаря Московского комитета Карпова, все чаще стали появляться полиция и филеры в общежитии Технического училища, где были явки и происходили заседания МК. От повальной облавы в общежитии полицию, видимо, удерживал только страх перед бомбами, которые, по данным охраны, изготавливались именно там.

Но тем не менее явки пришлось заморозить.

Без типографии Московский комитет обойтись не мог. Ни одна легальная типография ни за какие деньги (а их вообще-то почти не было)

не бралась печатать революционные листовки.

И Пятницкий взялся за организацию новой типографии. Достать новую «американку» невозможно. Пришлось кустарным путем, в слесарной мастерской, изготовить раму особой конструкции, с бесшумно двигающимся валом.

Не было шрифтов. Связались чуть не со всеми членами партии, работавшими в разных типографиях Москвы, и через них доставали шрифт и другие типографские принадлежности. Наладили доставку бумаги. Местом для подпольной типографии выбрали Сокольники. На самой окраине сняли незаметный маленький особнячок и поселили в нем своих людей — рабочих трамвайного парка. О типографии они, понятно, ничего не знали. Летом 1907 года большевистская типография заработала.

Осенью Пятницкий раздобыл хорошую копию паспорта на имя Пимена Михайловича Санадирадзе и по ней поселился в отдельной квартире в Козихинском переулке.

Однако новая фамилия, которую носил теперь заведующий «всея техникой» МК, становилась не слишком надежным прикрытием. Аресты в Москве продолжались, охватывая все больший круг подпольщиков. То и дело полиция вылавливала кого-нибудь из людей, связанных с Пятницким. Схватили Гальперина, и он из тюрьмы ухитрился предупредить Осипа, что петля вокруг него сжимается все туже, что следует как можно скорее уехать из Москвы. Да и сам Пятницкий опытным взглядом замечал неотступную слежку. Все труднее становилось «обрубать хвосты». Один раз он решил было, что окончательно попался. Заметив, что за ним идет шпик, Осип вскочил на конку, шпик за ним. Вытащил из кармана фотографию, поглядел на нее, потом — изучающе на Пятницкого. «Сейчас возьмут», — мелькнула мысль. Но, взглянув на фотографию, которую шпик рассматривал совершенно открыто, Пятницкий увидел на ней не себя, а... Гальперина, снятого во весь рост. Чуть отлегло от сердца, и, соскочив с конки на ходу, Пятницкий довольно легко ушел от шпики. Прежде всего, конечно, принял меры для сохранения типографии — ее перенесли в Замоскворечье.

Скоро Пятницкий получил еще одно предупреждение от члена МК Леонида Бельского, только что выпущенного из тюрьмы. Бельский уверял, что в охране ему были названы все клички и настоящая фамилия Пятницкого и что с часа на час его должны арестовать.

В начале сентября арестовали нового секретаря МК — Марка. Пятницкий чувствовал, как иссякают силы и сдает нервная система. Теперь в каждом встречном он подозревал филера. Все явки с работниками своего аппарата перенес на улицу и только на ночные часы. Страдал жесточайшей

бессонницей. Исхудал страшно. В густой длинной бороде тридцатилетнего большевика появились седые пряди. Наконец не выдержал и прямо заявил вновь назначенному секретарю МК Андрею (Кулеша), приехавшему из Питера, что не считает целесообразным свое дальнейшее пребывание в Москве.

— Я каждую минуту жду ареста. По крайней мере десяток филеров знают меня в лицо. Сам понимаешь, что в таких условиях работать трудно.

Андрей не согласился с доводами Пятницкого — он еще слабо ориентировался в московской обстановке — и даже стал говорить какие-то красивые слова о непременном риске каждого революционера-профессионала.

Пятницкий усмехнулся.

— Как знаешь. Я тюрьмы не боюсь. А вот дело может пострадать.

Как-то в феврале ему дали знать, что на одной из явок с ним должен встретиться Зефир — Моисеев, чтобы передать поручение Заграничного бюро Центрального Комитета.

Поговорить с товарищем Зефиром так и не удалось. За домом явно следили, и Пятницкий вынужден был уйти, чтобы попытаться увести за собой шпики и дать возможность скрыться Зефиру. Провозился со шпиками всю ночь и больше с Зефиром не виделся.

Но секретарь МК Андрей на другой же день сказал, что Зефир от имени ЦК предложил Пятницкому немедленно выехать за границу, в распоряжение Заграничного бюро.

Стал срочно сдавать «всю технику» товарищу, выделенному Московским комитетом, и в середине марта 1908 года уехал из Москвы.

Легко сказать — немедленно уезжай за границу. А как это сделать практически? Прежде всего следовало избавиться и от шпики и от шпикомании, терзавшей его нервы. Поехал в Пензу. Слежка. Бросился в Ростов-на-Дону. Поначалу недурно устроился, прописался, установил связи с местной большевистской организацией. И опять обнаружил за собой упорную слежку. Перестал прописываться, мыкался по ночевкам. Документов для легального отъезда за границу достать не мог, время шло, да и Ростов грозил стать для него ловушкой.

И тогда Пятницкий решил отправиться в свой родной Вилькомир, надеясь раздобыть там какую-нибудь «липу» и перебраться через границу, воспользовавшись старыми связями с контрабандистами.

«Стали звать за границу из России, — вспоминала об этом времени Н. К. Крупская, — нашего «спеца» по транспортным делам, Пятницкого,

теперешнего работника Коминтерна, наладившего в свое время очень хорошо транспорт через германскую границу. Но пока ему удалось уйти из-под слежки, из-под ареста, перебраться через границу, прошло чуть не восемь месяцев».

А как ему удалось уйти из-под ареста в родном благословенном Вилькомире, он не без доли юмора, но, как всегда, лаконично поведал всей семье Ульяновых: Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне и Марии Ильиничне за вечерним чаем, в день своего приезда в Женеву.

Арестовали Пятницкого дней десять спустя после приезда в Вилькомир. На рассвете его разбудил сильнейший стук в дверь. На вопрос: кто стучит? — незнакомый голос ответил: «Откройте. Срочная телеграмма». И назвал фамилию шурина Пятницкого. Ворвалась целая банда. Два жандарма, стражники, понятые... Жандарм сразу же: «Ты Иосиф Таршис?» — «Ничего подобного, ошиблись, господин жандарм», — ответил Пятницкий, а сам в это мгновение лихорадочно перебирал возможные варианты. Назваться своим именем нельзя — московская охранка его знает, так что тут каторгой пахнет. Сказал, что он — Покемунский.

После допроса, который вел жандармский офицер, Пятницкого отвезли в Ковно и поместили в общую камеру тюрьмы. И ему сразу же пришлось принять участие в голодовке против строгого режима, установленного в тюрьме.

Из ковенской тюрьмы отправили в Вильно. Там от шурина Пятницкий узнал, что жандармы пока ничего не нашли, а что арестован он по доносу бывшего активного бундовца Береля Грунтвагена. Подержав Пятницкого изрядное время в виленской тюрьме, его вместе с одним ремесленником погнали пешим ходом в неизвестном направлении. На третьи сутки утомительного пути они оказались в городишке Уцянах, через который проходила железнодорожная узкоколейка Паневеж — Свенцяны. Заперли в маленьком покосившемся срубе во дворе дома пристава. Гниль, смрад, сырость, тьма. Сторож, принесший еду, намекнул, что пристав-де наш на руку скор и тяжел. В понедельник вечером вызвал пристав спутника Пятницкого. Принесли избитого, в крови и тут повели к приставу Пятницкого. Он решил защищаться. Привели в просторную светлую комнату. За письменным столом — пристав, мужчина и на самом деле тяжелого веса и с физиономией молодца-разбойничка. А у стены пять незнакомых седобородых стариков. И они в один голос подтвердили, что арестованный и на самом деле Абрам Покемунский, которого все они знают чуть не с пеленок.

На другой день пристав сказал: «Счастье твое, Абрам Покемунский, что община тебя признала. А то бы ты и ног от меня не унес». Выпустили. Но тут вмешался исправник и начал дело против... Покемунского. Мол, он за себя подставное лицо послал призываться. А за это под суд! Отпустили под залог в сто рублей до суда. Пятницкий, естественно, суда не стал дожидаться и дал деру. Поехал в Ковно, достал временный документ и в Одессу к товарищу Орловскому. А оттуда во Львов. И вот наконец он в Женеве, на квартире Ульяновых.

Попытка наладить транспорт через Львов не удалась. И, уже находясь в Женеве, он договорился, что транспортный пункт организует там же, где он был раньше, го есть в Лейпциге.

САМЫЕ ТЯЖКИЕ ГОДЫ

Итак, Пятницкий вновь возглавил германский транспортный пункт, перенесенный из Берлина в Лейпциг. Таково было решение Заграничного бюро Центрального Комитета. На этом особенно настаивал Ленин.

Медленно плелись дни, недели и месяцы самой трудной поры в жизни революционных организаций России. Величайший подъем, вызванный событиями 1905 года, уступил место самой черной, самой бешеной реакции. Царское правительство жестоко расправлялось с революционерами и не жалело денег на провокаторов.

Пришлось и Пятницкому за долгие годы эмиграции столкнуться с провокаторами крупного калибра, такими, как Житомирский (Отцов), Бряндинский (Матвей), и в конце концов с самим Малиновским.

Находясь в Женеве, Пятницкий принимал транспортный пункт от Житомирского. Тот жаловался: «Без тебя, Осип, дело подвигалось туго. Никак мне не удавалось восстановить все твои связи. Да и господа контрабандисты что-то меня чураются...»

— А почему ты уехал из Берлина? — спросил Пятницкий. — И до границы ближе, и наладить работу там легче.

— Как же я мог остаться в Берлине после всей этой истории с товарищем Камо! Ведь тогда берлинская полиция накрыла собрание русских социал-демократов, кто-то догадался... Бросил на пол компрометирующие документы. Адрес склада литературы и гостиницы, где жил Камо. Ты же знаешь, у него нашли чемодан с динамитом и револьвер. Ну и мою визитную карточку. Узнав об этом, я немедленно уехал из Берлина. И вовремя!

Все было верно в рассказе Житомирского. И то, что полиция накрыла собрание социал-демократов, и то, что у Камо нашли динамит и что сейчас он все еще содержится в тюрьме, с поразительным артистизмом симулируя сумасшествие. Но только на кой же черт понадобилось Житомирскому вручить свою визитную карточку нелегалу?!

Пятницкий прямо спросил об этом Житомирского.

Да, все было верно в рассказе Житомирского! Единственно, чего он не досказал, это то, что и налет на собрание социал-демократов, и арест Камо, и арест Папаши — дело его собственных рук.

Только три года спустя, приехав в Париж и почти ежедневно встречаясь с Житомирским — Пятницкий обучался в электромонтерной

школе «Рашель» и в качестве практики самостоятельно провел электричество в квартире Житомирского, — он стал ощущать какое-то подсознательное недоверие к своему «старому другу». Правда, партийное следствие, заочно рассмотревшее материал, данный на Житомирского знаменитым Бурцевым, разоблачившим самого Азефа, не нашло достаточных доказательств, что Житомирский связан с охранкой, и оставило его в партии. Но на всякий случай его очень осторожно отстранили от выполнения ответственных партийных поручений.

По совету Владимира Ильича Пятницкий стал посещать Житомирского в его хорошей парижской квартире, присматриваться к нему.

Житомирский предложил:

— Перебирайся ко мне, Осип. Квартира видишь сам какая, а живу бобылем. Вдвоем веселее.

За любезное предложение Пятницкий поблагодарил, однако принять его отказался.

Но у Житомирского стал бывать ежедневно. Внимательно вслушивался в каждое его слово, анализировал, сопоставлял. Однако ничем не выдавал себя матерый провокатор. Ни одного нескромного вопроса, касающегося работы самого Пятницкого или бывавших у Житомирского Зефира и Котова. Хорошо знал, мерзавец, правила большевистской конспирации...

Только один раз, незадолго до отъезда Пятницкого в Россию, когда они отправились на прогулку в Версаль и проезжали какую-то деревушку, Житомирский сказал, что здесь жил товарищ Лейтейзен (Линдов). И минуту спустя так, между прочим, спросил:

— А где он сейчас? Ты, часом, не знаешь?

— Понятия не имею, — ответил Пятницкий.

Странный вопрос! Задавать такие друг другу не положено. Но, с другой стороны, может, ему и впрямь нужен Лейтейзен.

А когда пришло время покинуть Париж и ехать в Россию, Пятницкий по какому-то наитию сказал Житомирскому, что решил перебраться в Германию и поступить там на завод «Сименс-Шуккерт».

Днем своего отъезда Осип выбрал 14 июля, когда парижане праздновали годовщину падения Бастилии. Надежнее: улицы, бульвары и площади полным-полны гуляющими, ни один шпик не уследит в такой толчее. На вокзале Осипа провожали Зефир и Котов. Пришел и Житомирский.

— Буду скучать без тебя... Вздумаешь вернуться в Париж, помни, всегда тебя жду.

Ехать пришлось через Германию. Первую остановку сделал в Баден-Бадене. Показалось, что какой-то тип вышел «на след». Решил, что это местная самодеятельность — интересуются приезжим. Потом приехал в Лейпциг, получил чужой легальный паспорт и собрался уже ехать в Россию вместе с товарищем, у которого останавливался в Баден-Бадене. И тут пришло письмо от немки, квартирохозяйки этого товарища. Писала, что на другой же день после их отъезда из Баден-Бадена к ней явился шпик и подробно расспрашивал о Пятницком, который, по его словам, опаснейший преступник, экспроприировавший один из парижских банков. Немка считала все это ужаснейшим недоразумением и советовала обязательно повстречаться с сыщиком, поехавшим вслед за Пятницким в Лейпциг, и все выяснить. И неплохо описала внешний вид сыщика.

И только вышел Пятницкий из своей квартиры, как заметил субъекта, сидящего в нише окна соседнего кабачка. Он самый! Пришлось опять заметать следы. Осип пошел к Загорскому. Там его ждала телеграмма Ленина с предложением приехать к нему в Поронино.

Сделали так: послали посыльного с вещами товарища из Баден-Бадена на Эйленбургский вокзал, откуда отправлялись поезда в Россию на Калиш, а в некотором отдалении пошла за посыльным Пилацкая — одна из верных товарищей по партии. И она сразу же обнаружила шпика, ринувшегося вслед за посыльным с вещами.

В это же время Загорский взял вещи Пятницкого и отвез их на новый Лейпцигский вокзал. Вечером же пошел провожать товарища из Баден-Бадена и установил, что шпик сел на тот же поезд. У уехавшего был настоящий паспорт, и ему ничего не угрожало. На границе, как удалось потом узнать, русские жандармы его задержали, произвели тщательный обыск и расспрашивали о Пятницком.

А Пятницкий благополучно добрался до Поронино и рассказал о всем происшедшем Владимиру Ильичу.

Он уже ни капли не сомневался, что шпика по его следу пустил Житомирский, единственный человек, уверенный, что Пятницкий едет в Германию.

Таким образом, капкан, поставленный на матерого волка, должен был захлопнуться.

В Поронино пришло письмо от Загорского: был обыск у хозяина квартиры, которую в Лейпциге снимал Пятницкий. Тяжелая дверца капкана поползла вниз.

Пятницкий сообщил Житомирскому, что Заграничное бюро ЦК якобы направило его на работу в Краков. И написал свой фиктивный,

выдуманный адрес в Кракове. Скоро польские товарищи — им было поручено вести наблюдение за этой квартирой — сообщили, что за ней начата прочная полицейская слежка. Капкан захлопнулся. Крупный провокатор, причинивший много вреда большевикам, наконец был раскрыт.

С Бряндинским все получилось гораздо проще.

В связи с арестом Зефира (Моисеев), руководившего приемом большевистской литературы в Россия — его штаб-квартира располагалась в Минске, — Пятницкий поставил вопрос о подыскании человека, который мог бы заменить Зефира. И вот летом 1910 года в Лейпциг пришло письмо от некоего Матвея Бряндинского. Он писал, что по указанию члена Русского бюро ЦК Ногина выезжает за границу для встречи с Пятницким по делу транспортировки литературы. По сведениям, которыми Осип располагал, Бряндинский вполне подходил на роль руководителя приемно-распространительного пункта. После своего побега из тобольской ссылки в 1909 году он стал профессиональным революционером и работал сперва как организатор районов в Петербурге и Москве, а затем как уполномоченный и заведующий паспортным бюро Центрального Комитета. О нем хорошо отзывался Ногин и многие другие известные члены партии. Но вот письмо... Оно сразу же насторожило Пятницкого. Почему же это опытный конспиратор написал его примитивным химическим способом, пренебрегая шифром?

Встревоженный Пятницкий тотчас же сообщил о своих сомнениях в Париж Марку (Любимову), ведавшему всеми техническими делами Заграничного бюро. Тот успокоил: по всей видимости, по неопытности, а вообще Бряндинский проверенный товарищ. Хорошо! Пятницкий встретил его на границе и привез с собой в Лейпциг. Внешность, манера держаться, некоторая суетливость Бряндинского не понравились Пятницкому. «Но, может, он хороший работник и наладит дело», — думал Осип, передавая Бряндинскому связи с товарищами в России, ранее сосредоточенные в руках Зефира. Местом для своей штаб-квартиры Бряндинский избрал Двинск, а его помощник Валерьян (Залежский) обосновался в Гомеле и Ново-зыбкове.

Первое время все шло прекрасно: литература поступала, и ее быстро развозили по всей России. Пятницкий ругал себя за излишнюю подозрительность. Матвей оказался хорошим организатором транспорта литературы. Но прошло всего несколько месяцев, и недоверие к Бряндинскому вспыхнуло с новой силой. Несмотря на то, что транспорты с литературой благополучно переправлялись через границу и доставлялись в Двинск, местные организации в России получали литературу редко, а то и

вовсе она не поступала. Несколько раз Осип вызывал Бряндинского к себе. Тот неизменно приезжал и очень охотно и пространно обсуждал вопрос, как получше организовать распространение литературы.

И всякий раз после его приезда в Лейпциг дело налаживалось, но только очень ненадолго. И всякий раз, общаясь с ним, Осип внимательно прислушивался к манере этого человека отвечать и спрашивать, тщательно к нему приглядывался. И вот что было странно: приезжая по вызову Пятницкого в Германию, Бряндинский всегда имел отличный заграничный паспорт. Между тем кому, как не Пятницкому, было хорошо известно, сколь трудно достать такой документ.

А транспортный пункт, руководимый им, работал все хуже и хуже.

И тогда Пятницкий провел еще одну проверку. Он предупредил Бряндинского, что если листок с первомайским призывом, изданный ЦО, не будет доставлен вовремя ряду социал-демократических организаций в России, то двинский транспортный пункт придется ликвидировать за бездеятельность.

Провокатор растерялся: листок был получен вовремя и всеми, кому он адресовался. Теперь никаких сомнений у Пятницкого не оставалось. Бряндинский представлял собой несомненную и реальную опасность для партии, и Осип потребовал удаления его с работы и недопущения на Пражскую партийную конференцию.

— Бряндинский — агент охраны, — уверенно заявил Осип. И привел еще несколько примеров. Письмо Пятницкого с изложением всех фактов вслед за телеграммой поступило в Париж к Надежде Константиновне, и провокатор, уже крутившийся в Париже, так и не попал на Пражскую конференцию. А дело о нем передали все тому же Бурцеву — и песенка еще одного агента охраны была спета.

Конечно, Пятницкому пришлось связаться с помощником Бряндинского Валерьяном и вместе с ним переменить все явки и отказаться от услуг некоторых, связанных с Бряндинским, товарищей. И вновь, как и прежде, потекла марксистская литература в Россию, и ни старательность пограничных таможенных чиновников, ни хлопотливое усердие жандармов не могли прервать этого потока революционной мысли, зовущей к действию.

Теперь, минуя провокаторов чуть меньшего калибра: Шурканова, Черномазова или Романова (Аль Алексинский — бывший ученик каприйской школы), расскажем о встречах Пятницкого с «провокатором провокаторов» — Романом Малиновским.

По прямому указанию Владимира Ильича на Пятницкого была

возложена задача организационной подготовки партийной конференции в Праге. Он ездил в Прагу, из Праги в Париж и вновь в Прагу. Предстояло договориться с чешскими социал-демократами, найти подходящее помещение, обеспечить явки, переход делегатов через границу и т. д.

Решено было, что заседания конференции пройдут в Народном доме, принадлежавшем чешским социал-демократам.

Сделав все необходимое, Пятницкий вернулся в Лейпциг, информировал оттуда Ленина, что пражская почва подготовлена. Самому же Осипу пришлось взяться за привычное дело: встречать приезжающих из России делегатов, устраивать их на квартиры и потом отправлять в Прагу.

В середине декабря 1911 года, получив сообщение о выезде за границу четырех делегатов, Пятницкий пошел на вокзал к утреннему берлинскому поезду.

Из поезда действительно вышли четыре человека, в которых Пятницкий тотчас же узнал россиян. Одеты они были в высокие сапоги и меховые шапки, каких немцы не носили. Держались плотной кучкой и растерянно осматривались по сторонам. Но когда Осип прямо подошел к ним и спросил по-русски, какая улица им нужна, самый высокий и плотный — П. Залуцкий — попросту послал его к чертовой бабушке. И даже после того, как Пятницкий назвал адрес явки — Цейцерштрассе, — приехавшие продолжали проявлять «бдительность» и старались как-нибудь отвязаться от навязчивого незнакомца. Позже, конечно, все разъяснилось, и приехавшие (Онуфриев и Залуцкий — питерские рабочие, Догадов из Казани и Серебряков из Николаева) весело подшучивали над собственной подозрительностью.

Все больше и больше приезжало делегатов. Поступила телеграмма от Романа Малиновского. Он просил не открывать конференции до его приезда.

Итак, несмотря на все принятые меры — на Пражскую конференцию не были допущены ни Житомирский, ни Матвей Бряндинский, — среди ее делегатов все-таки оказались провокаторы. Аль (Романов) и сам Роман Малиновский.

Встречаясь с ним до конференции, на конференции и после, в Лейпциге, когда туда приехали члены III Государственной думы Полетаев и Шурканов (также оказавшийся провокатором), Пятницкий испытывал к нему явную антипатию. Ему не нравилась разухабистость, громкий голос Малиновского, его несколько аффектированные позы.

Но ведь он уже был избран в Центральный Комитет большевистской партии, то есть получил самое высокое доверие делегатов конференции.

Свои личные чувства следовало спрятать в карман...

Между прочим, и на Надежду Константиновну Малиновский произвел какое-то смутное, двойственное впечатление.

Пятницкий, Крупская, да и многие другие старые большевики, встречавшиеся с Малиновским, честно признаются, что не имели тогда никаких оснований не доверять ему.

Но не провокатура, искусно организованная охранкой, была самым страшным бичом русского революционного движения в черные годы реакции.

Во много крат опаснее для партии были разногласия, разъедавшие ее изнутри. Дело не ограничивалось противоречиями между большевиками и меньшевиками. Тут все было более или менее ясно и постоянно. Меньшевики, напуганные переходом реакции в решительное контрнаступление после революционных событий 1905 года, считали, что столыпинский режим прочен и долготен. Обвиняя большевиков, что именно их решительность и нетерпимость в отношении к буржуазно-демократическим партиям оказались причиной поражения революции 1905 года, они настаивали на полной легализации партии, которая должна была, следовательно, совсем отказаться от своей программы и тактики и приспособиться к деятельности в рамках царских законов. Иными словами, речь шла о ликвидации партии как революционной социал-демократической партии, отражавшей коренные интересы российского пролетариата. Кроме того, разумеется, оставались и основные принципиальные разногласия между меньшевиками и большевиками, идущими за Лениным, по вопросам характера русской революции, роли пролетариата, отношения к крестьянству и либеральной буржуазии. Эти разногласия не были разрешены ни на Четвертом съезде, хотя он и назывался Объединительным, ни на Пятом...

Но, помимо борьбы с меньшевиками по коренным вопросам революции, большевики-ленинцы вынуждены были вести непрерывную идеологическую борьбу и с различными группировками, то и дело возникавшими в их собственной среде. И для единства большевиков серьезную опасность представлял уже не Плеханов, чьи разногласия с Лениным теперь не являлись чем-то неожиданным и новым, а скользкая «самостоятельная» позиция, занятая Троцким, будто пытавшимся примирить большевиков с меньшевиками, но... на ликвидаторской, то есть меньшевистской, платформе. Троцкий сидел в Вене и издавал там свою газету «Правду», противопоставляя ее как якобы нефракционный орган большевистской газете «Пролетарий» и меньшевистской «Голос социал-

демократа».

Двурушническая и авантюристическая в 1909 году роль Троцкого и его газеты метко охарактеризована Лениным в одном из его писем: «Насчет «Правды» читали ли Вы письмо Троцкого к Иноку (Дубровинскому. — В. Д.)? Надеюсь, убедились, если читали, что Троцкий повел себя, как подлейший карьерист и фракционер *типa* Рязанова и К^о? Либо равенство в редакции, *подчинение* ЦК... либо разрыв с этим проходимцем и разоблачение его в ЦО. Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров»^[5].

Именно в эти годы у Пятницкого сложилось вполне определенное отношение к Троцкому как к политикану, не имеющему ничего общего с большевизмом, как к человеку, которому никогда нельзя полностью довериться. Бойся данайцев, дары приносящих! Такое отношение к Троцкому сохранилось у Пятницкого и после Октябрьской революции, в годы, когда ему приходилось работать с Троцким (Цекпрофсоюз, а затем и Исполком Коминтерна).

Сформировывалась пытавшаяся воссоединить несоединимое — материализм с богоискательством — группа «Вперед», в которую вошли талантливые и образованные литераторы: Богданов, Алексинский, Луначарский.

Несмотря на то, что «впередовцы» считали себя левее большевиков-ленинцев, они все же пошли на участие в блоке с ликвидаторами — Августовский блок, возглавленный Троцким. Пользуясь гостеприимством и дружелюбием Горького, Богданов, Луначарский и их единомышленники организовали известную каприйскую школу по подготовке партийных работников.

Были еще большевики-примиренцы, почему-то называвшие себя партийцами, — к ним принадлежали Марк (Любимов), Лозовский, — хотя решительно никаким влиянием на существующие тогда в России социал-демократические организации не пользовались, мельтешили изо всех сил, тратя время и силы на издание собственных органов, таких, как нерегулярно выходивший в Париже листок «За партию» и легальная газета «Единство», издававшаяся в России совместно с меньшевиками-партийцами во главе с Плехановым.

Каждая из этих групп тянула в свою сторону, каждая декларировала, что только она способна спасти партию от распада, а следовательно, и принимает на себя ответственность за судьбу революции в России. И все группы набрасывались на Ленина и его единомышленников, обвиняя в нетерпимости, фанатизме и прочих смертных грехах.

В эти самые тяжелые для партии годы Осип Пятницкий неизменно оставался с Лениным, и уже тогда люди «широких взглядов» стали насмешливо называть его твердокаменным большевиком.

В январе 1910 года в Париже был созван Пленум Центрального Комитета РСДРП. На нем, как известно, большинству удалось провести, правда только на словах, объединение всех течений РСДРП с единым Центральным Комитетом и Центральным Органом, с редакцией из представителей большевиков, меньшевиков и «националов» (имеются в виду СДПиЛ, бунд и социал-демократия Латышского края). Пленум ЦК постановил ликвидировать как фракционные органы большевиков «Пролетарий», равно как и «Голос социал-демократа», централизовать все средства и издавать новый ЦО «Социал-демократ» с редакцией, состоящей из двух большевиков, двух меньшевиков и одного представителя от СДПиЛ. Кроме того, Пленум решил оказывать постоянную помощь газете Троцкого — венской «Правде», как «популярной» рабочей газете, и послал в ее редакцию своего представителя.

Ногин в полном упоении от достигнутого рассказывал Пятницкому о решениях Пленума, на котором, как следовало из его слов, «наконец-то удалось объединить Да практической работе в России большевиков и меньшевиков и втянуть в работу «националов».

Рассказывая о Пленуме, Ногин не мог не сказать, что Владимир Ильич, подчинившись решению большинства членов ЦК большевиков, в ходе работ Пленума яростно возражал против уступок меньшевикам и против мероприятий, затрудняющих работу большевиков. Ногину казалось, что в этом вопросе Ленин проявляет близорукость.

Кто оказался близоруким, показало самое близкое будущее. Только большевики честно выполнили постановление Пленума: закрыли «Пролетарий», передали крупную сумму денег «держателям»: Каутскому, Мерингу и К. Цеткин, ликвидировали весь технический аппарат своего Заграничного бюро. Меньшевики же не только не закрыли газету «Голос социал-демократа», но вопреки постановлению Пленума, решительно осудившего ликвидаторство, начали бешеную кампанию против сторонников нелегальной партии в России.

Когда спустя примерно год после этого Пленума Пятницкий вновь очутился в Париже, он встретился в кафе с группой русских социал-демократов и внес предложение. Суть его сводилась вот к чему: в немногочисленные партийные организации, существующие в России, надо заблаговременно направлять прокламации, посвященные разным крупным событиям: 1 Мая или годовщине расстрела рабочих 9 января и т. п. Он,

Пятницкий, брался организовать доставку таких листовок и прокламаций аккуратно и по всем существующим адресам. Это техника — его кровное дело. Но нужно еще подобрать коллектив авторов — литераторов-партийцев, умеющих находить верные слова и образы. И это уже не его дело.

Собравшиеся одобрительно отнеслись к предложению Пятницкого. Составили список авторов будущих прокламаций. В их число вошли и Любимов, и Лозовский, и многие другие, представлявшие различные группки и подгруппки партии. Нашлось место даже и для Мартова! Но не нашлось для... Ленина и его приверженцев. Осин, не скрывая своего возмущения, тут же заявил, что для пересылки таких прокламаций у него нет и не будет «технических возможностей». И рассказал обо всем Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне.

Во время одной из своих встреч с Лениным в Париже Пятницкий с тревогой и горечью говорил о страшной неразберихе во всех партийных делах в России и за границей. Нужен новый авторитетнейший центр, вокруг которого стали бы спланироваться все большевики и в России и в эмиграции.

Инициативу по организации такого центра должны взять на себя большевики — члены редакции нынешнего ЦО. Оказалось, Ленин и его друзья уже составили тогда план созыва Всероссийской партийной конференции (Пражской), значительную роль в организационной подготовке которой, как мы уже знаем, пришлось играть Осипу Пятницкому.

Кстати, охранка со своей стороны тоже оценила деятельность Пятницкого по подготовке Пражской конференции. В агентурной записке от 9 февраля 1912 года сказано следующее: «Техническое оборудование порядка и способа переправы делегатов через имперскую границу и последующей отправки таковых в Прагу всецело были переданы на усмотрение главного транспортера ЦО «Альберта» (известный Департ. полиции мещ. гор. Вилькомира Ковенской губ. — Иосель Ориолов Таршис, исполнявший в 1907 г. обязанности секретаря Моск, комитета РСДРП под парт. псевдонимом «Пятницы», проживает в настоящее время в Лейпциге под фамилией Рашковского), последний связывался с отъезжавшими, не имевшими заграничных паспортов, еще в пределах пограничной полосы, преимущественно в районе Привисленских губерний, и организовывал данный переход границы при посредстве хорошо известных ему по транспортировке литературы контрабандистов».

Неизменная верность Пятницкого большевизму, ленинским взглядам и

установкам во всех принципиальных вопросах строительства партии, ее Программы, стратегии и тактики не означает, что Пятницкий вообще не вступал никогда в споры с Лениным по частным вопросам. Безоговорочное преклонение перед авторитетом Владимира Ильича вообще не имело места среди ближайших единомышленников Ленина. Оно было бы чуждо, противно самой натуре Владимира Ильича, охотно и уважительно выслушивавшего каждого своего оппонента и бросавшегося в страстный бескомпромиссный спор с ним, если приводимые доводы противной стороны казались ему ошибочными.

В этом отношении Владимир Ильич был антиподом Плеханова, тщательно оберегавшего свой авторитет признанного лидера и не снисходившего до спора с человеком, коего он, Георгий Валентинович, считал во всех отношениях ниже себя.

Так вот, о некоторых спорах Пятницкого с Лениным.

В годы своей второй эмиграции Осип мало чем напоминал того юношу, который появился в кругах революционной эмиграции, имея в своем багаже лишь опыт ловкого, удачливого агента «Искры» да отважный побег из Лукьяновской тюрьмы. В то время Осип жадно впитывал в себя все, что слышал от старших товарищей, и, отлично сознавая свою малограмотность в области теории, не рисковал вступать в споры, если только они не затрагивали самого главного, составляющего смысл жизни самого Осипа — беспощадной борьбы с ненавистным царским режимом. Он осматривался, внимательно слушал, запоминал, а в те короткие часы, которые приходились на сон и отдых, читал, читал, читал...

Теперь совсем другое дело. Кроме огромного опыта транспортировки людей и литературы, были Одесса 1905 года, работа в Московском комитете, выкристаллизовавшиеся в бесконечных спорах с меньшевиками, эсерами, бундовцами твердые политические убеждения, появился, наконец, широкий взгляд и на международное революционное движение как результат близкого знакомства с деятельностью социал-демократических организаций Германии, Франции, Англии, Швейцарии и Австро-Венгрии. Лучше всего, конечно, знал Пятницкий социал-демократическую партию Германии, ведомую такими прославленными вождями, как Август Бебель, Карл Каутский, Франц Меринг.

Мощь, богатство, колоссальные возможности этой партии, действующей совершенно легально, произвели на молодого революционера с литовской окраины России неизгладимое впечатление. В то время как в России социал-демократическая партия только создавалась — в великих муках, в крови и под звон кандалов, в то время как в России первые социал-

демократические кружки и группы, малочисленные и организационно плохо оформленные, вынуждены были действовать в глубочайшем подполье, а каждый состоявший в них рисковал своей свободой и жизнью, в Германии... Да, чего только не имела социал-демократическая партия! И собственные, прекрасно оборудованные типографии, и народные дома, и кафе, и кооперативы, и помещения, где за хорошими письменными столами сидели платные функционеры партии, которым не угрожали ни безработица, ни нищета.

И Осипу в первые годы жизни его в Германии казалось, что он из ада, минуя чистилище, попал прямо в социал-демократический рай. Сотни тысяч членов партии, трехмиллионная профсоюзная организация, находившаяся под прямым влиянием социал-демократов, многочисленная сильная фракция в рейхстаге, партийные собрания, веселые собеседования в пивных за кружкой великолепного пива, пособия по безработице... Да мало ли что еще...

Много позже, когда пришло знание языка, когда Германия стала почти столь же изъезженной, что и Ковенская губерния, когда нашлись близкие друзья и приятели среди немецких социал-демократов, восторженное отношение Осипа к немецкой действительности несколько потускнело. Он увидел, что между позициями руководителей партии и рядовых ее членов существует глубокая пропасть.

Имея дело с редакцией «Форвертс» (в подвале здания этой газеты, как мы помним, одно время находился склад искровской литературы), Пятницкий столкнулся с бюрократизмом, возведенным в превосходную степень, с бюрократизмом, пронизывающим всю деятельность партийфоршганда и всех местных комитетов, этот бюрократизм, в общем-то, был сколком с той колоссальной бюрократической машины, все колеса, рычаги и шкворни которой двигались во имя укрепления государственности — кайзеровского режима империи.

И все же... Пятницкий никак не мог согласиться с Владимиром Ильичем, когда он во время своего приезда в Лейпциг (летом 1912 года) обвинял немецкую социал-демократию в оппортунизме и считал, что она вращается в буржуазную Германию. Конечно, это не имело отношения к таким деятелям партии, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург, и к честным немецким рабочим, поддерживающим революционное направление в среде социал-демократов.

Пятницкому казалось тогда, что Владимир Ильич слишком непримирим в своей оценке природы и деятельности немецких социал-демократов. И только в 1914 году, уже находясь в Самарской тюрьме и

узнав от жандарма, что германская социал-демократическая фракция рейхстага целиком голосовала за военные кредиты, Пятницкий понял свои заблуждения. Прав был Ленин, а не он!

Много позже, после Октября 1917 года, когда Пятницкий уже работал в Исполкоме Коминтерна и, следовательно, ежедневно сталкивался с оппортунизмом и предательством руководства II Интернационала и германской социал-демократии, Ленин неоднократно шуточно напоминал ему об особом пристрастии к «друзьям» — немецким социал-демократам.

У Владимира Ильича было правило дать товарищу, которого он вызывал к себе, как следует осмотреться, послушать, поразмыслить. Потом уже выяснял для себя точку зрения вызванного и, если она не расходилась с его — ленинской, давал какое-нибудь поручение.

К этой манере Ленина Пятницкий тоже привык. Когда в моменты самых острых разногласий в партии он приезжал к Ленину в Женеву или Париж и осведомлялся: «По какому поводу вы меня, Владимир Ильич, вызвали?» — Ленин неизменно отвечал: «Побудьте здесь несколько дней, повидайтесь с товарищами, а йотом поговорим». А через несколько дней Ленин уже требовательно спрашивал. «Ну как, определились?» И давал возможность Пятницкому подробно изложить свою точку зрения. Потом высказывался по этому же вопросу сам, как бы примеривая, накладывая уже принятую им четко вырезанную форму на только что сказанное собеседником, и уже после этого, легонько посмеиваясь:

— Так вот, товарищ Пятница, мы намереваемся поручить вам...

Был еще один случай, когда точки зрения Ленина и Пятницкого не сошлись. Дело происходило в Поронине, куда Осип приехал из Германии в самом конце июля 1913 года по приглашению Владимира Ильича.

В небольшом двухэтажном доме жили Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать. Верх — две комнаты — предназначался для гостей. В этом доме, в одной из комнаток второго этажа Осип прожил целую неделю и каждый день по несколько часов гулял с Лениным в живописных окрестностях Поронина или в близко расположенном горном местечке Закопане.

Ленин был бодр, весел и необыкновенно энергичен. Радовался, что живет теперь совсем близко от России, в которой он не был уже более пяти лет.

Приближалась осень, но в общественной атмосфере России вновь пахло революционной весной. Владимир Ильич был доволен итогами Пражской конференции. Она ведь воссоздала центральные учреждения партии (они просуществовали до Апрельской партийной конференции 1917

года), установившие прочную связь со всеми организациями России, она изгнала меньшевиков-ликвидаторов из партии.

Стала выходить ежедневная газета «Правда» — центральный орган партии, неплохо работала и «думская шестерка» — депутаты IV Думы от рабочей курии. Добрым словом вспоминал Ленин и большую, успешно проведенную Пятницким работу по решению ряда организационных вопросов и проведению конференции в Праге.

И вот Владимир Ильич изложил Пятницкому свой план проведения очередного партийного съезда и собрался поручить ему активное участие в подготовке (предполагалось осенью этого года собрать совещание и обсудить на нем план подготовки съезда, а Пятницкий должен был обеспечить прибытие на совещание товарищей с юга).

Когда речь зашла о приглашении на съезд социал-демократов Латышского края и оппозиции в СДПиЛ, Пятницкий стал настаивать на приглашении главного правления СДПиЛ, полагая, что если представители этого правления не приедут, то тем самым поставят себя вне рядов РСДРП. Ленин высмеивал тяготение Пятницкого к излишне тонкому дипломатичеству, утверждал, что приглашение правления СДПиЛ на съезд только затормозит его работу, убеждал... Но постольку, поскольку Пятницкий продолжал упрямо настаивать на своем, Владимир Ильич, пожав плечами, сказал, что, коли их точки зрения не сошлись, вряд ли имеет смысл Пятницкому заниматься подготовкой съезда. Сказал, как всегда, прямо, не обидно, однако достаточно резко. И тут же они вместе решили, что самым лучшим выходом из создавшегося положения будет, если Пятницкий теперь же поедет в Питер или Москву, чтобы поработать в местных организациях РСДРП.

Следующая встреча с Лениным произошла у Пятницкого только в Октябрьские дни 1917 года.

К БЕРЕГАМ АНГАРЫ

Возвращаясь после второй эмиграции в Россию, Пятницкий твердо решил по-настоящему глубоко изучить положение рабочего класса в стране. Он понимал, что приобрел солидный опыт конспиративной работы в партии, изучив и практически освоив все технические средства, которыми она располагала: явки, шифры, нелегальные типографии, распространение литературы, переброска, прием и устройство нужных людей и т. п., но потерял непосредственную связь с рабочей массой, без чего немислимо вести полезную для партии жизнь профессионального революционера. И для того чтобы восполнить этот пробел, Пятницкий считал необходимым и самому стать рабочим, испытать на собственной шкуре все тяготы жестокой эксплуатации, долгий рабочий день, систему штрафов, одним словом, все. Вот почему с таким усердием учился он в школе электромонтеров в Париже, приобретая совершенно новую профессию. Старая — портновское мастерство — не дала бы ему возможности войти в гущу промышленного пролетариата, наиболее охотно и твердо идущего за большевиками. Именно поэтому портной переквалифицировался в электромонтера.

Но прежде чем заняться устройством своей судьбы, Пятницкий должен был выполнить несколько поручений Заграничного бюро Центрального Комитета. Переехав русскую границу и оказавшись в Варшаве, он дождался, когда ему прислали старый «липовый» паспорт на имя Пимена Михайловича Санадирадзе — дворянина Кутаисской губернии, — и поехал в Киев, чтобы встретиться там с членом IV Государственной думы рабочим-большевиком Григорием Ивановичем Петровским. Поручение Владимира Ильича заключалось в следующем: сообщить Петровскому, что на 13 сентября назначается заседание ЦК совместно с думской шестеркой (членами Думы от рабочей курии) в Поронине, на которое Петровский обязательно должен приехать. Попутно надо было подобрать товарищей для партийной школы, открывавшейся в Галиции, где-то поблизости от Поронина. Самого Петровского в Киеве Осип не застал — передал все, что нужно, верным товарищам и отправился в Харьков для встречи с другим членом Думы, большевиком Матвеем Константиновичем Мурановым.

Только выполнив все поручения, Осип поехал в Москву. И тут ему отчаянно не повезло. В поезде заболел дизентерией и полтора месяца

провалялся у своих друзей в Пензе.

Появился в Москве худой, бледный, измученный. И надо сказать, что Леонид Борисович Красин, работавший техническим директором фирмы «Сименс-Шуккерт», когда Пятницкий обратился к нему с просьбой устроить на работу, сильно засомневался.

— Не переоцениваешь ли ты своих сил, Осип? — спрашивал он, тревожно всматриваясь в худощеющего, с нездоровым изжелта-бледным лицом «просителя». — Я могу направить тебя на монтаж цементного завода «Ассерни». Это недалеко от Вольска. Но работа, брат, нелегкая. Десять часов в сутки, да и сверхурочные... Тебе будет трудно. — На минуту задумался и предложил: — Давай лучше сделаем так. Оставайся в Москве. Я тебя устрою, будешь получать достаточно, чтобы прожить, ну, а дел здесь невпроворот. Людей-то не хватает.

Пятницкий угрюмо помотал головой.

— Дело не в зарботке. Хочу освоить свою новую профессию. Посылай в Вольск. Как-нибудь справлюсь.

Итак, глушь и тяжелая непривычная работа. Одно дело провести электричество в городской квартире, и другое — оборудовать электрическим освещением целый завод. А так как Пятницкий был по натуре человек дотошный, в любом деле вникавший в каждую мелочь, то и в новой для него роли электромонтера он загрузил себя вовсю. Изучил весь строящийся завод и побочные производства. Работал день и ночь и в отличие от других монтеров не ограничивался руководящими указаниями своим подчиненным, но лез в самые опасные места и брал на себя все наиболее трудное. На его старательность обратил внимание главный техник по электромонтажу немец Гассер и стал поручать Осипу установку небольших моторов, динамо-машин и распределительных щитов. За полгода работы на «Ассерни» Пятницкий не только стал первоклассным электромонтером, но и близко познакомился с жизнью рабочих и крестьян России. Большевиков на заводе было трое: Пятницкий, Н. Мандельштам и М. Петров. И один меньшевик — Рябиков. Под руководством этой четверки была удачно проведена забастовка временных (сезонных) рабочих, которым заводоуправление вздумало снизить поденную плату за десятичасовой рабочий день с пятидесяти до сорока копеек. Штрейкбрехеров прогнали, а присланная полиция оказалась бессильной, потому что руководители забастовки предупредили начальство, что сроки монтажа полетят ко всем чертям, если требование сезонников не будет выполнено.

Сразу же по приезде в Вольск Пятницкий связался с Русским и Заграничным бюро Центрального Комитета. Вел постоянную переписку с

Надеждой Константиновной — она с Лениным в ту пору жила в Поронине — через Пензу. Письма на его вымышленное имя поступали в адрес Соединенного банка. Стал получать «Правду» и журнал «Просвещение» и снабжал ими наиболее сознательных рабочих завода.

Но когда работы по монтажу закончились и Пятницкий в пасхальные праздники 1914 года вернулся в Москву, и контора «Сименс-Шуккерт» вознамерилась тут же послать его еще в один «медвежий угол», он заупрямился. Соскучился по партийной работе. Поставил условие: или какой-нибудь крупный город, или расчет. Но он уже считался высококвалифицированным специалистом, и контора не захотела с ним расстаться. Предложила ехать в Самару на оборудование линий городского трамвая. Пятницкий тут же согласился и 16 апреля 1914 года очутился в Самаре. К сожалению, явок в Москве ему не удалось получить, и он оказался в незнакомом и довольно большом городе как в лесу. Связь с находившимися в Самаре большевиками легче всего было установить через редакцию еженедельника «Заря Поволжья», находившегося под влиянием социал-демократической мысли. Но вот беда — Пятницкого никто там не знал, он же приехал в Самару без явок... Кто он на самом деле, этот никому не известный электромонтер, так часто заходивший в редакцию. Уж не провокатор ли? Пришлось Осипу обратиться через Надежду Константиновну к Ленину с просьбой написать в «Зарю Поволжья» рекомендующее его письмо.

И вот наконец-то такое письмо получено.

«Уважаемые коллеги! Хотел бы сообщить Вам, что в Самаре теперь живет один мой близкий друг, Генрих, Он, вероятно, уже познакомился с Вами или постарается познакомиться. Прошу его любить и жаловать — прекрасный человек. Рукопись, посланную мною еще из Кр., Вы, надеюсь, получили? Приложения Вашего о дне печати мы не получили. Пришлите, пожалуйста. Лучшие пожелания. 12/V — 1912 г. Адресуйте теперь газету Poronin (Галиция) An Herrn W. Ulianow».

«Генрих» сразу же становится своим человеком в редакции. Секретарь «Зари Поволжья» в ту пору большевик Степан (Белов) охотно ввел Пятницкого в курс самарских дел. Выяснилось, к величайшему изумлению и огорчению Осипа, что никакой партийной организации, ни большевистской, ни меньшевистской, не существует. Правда, на многих фабриках и заводах есть смешанные партийные группы, состоящие из большевиков и меньшевиков. Больше того, меньшевиками организовано легальное «Общество разумных развлечений» под председательством известного самарского адвоката. Лекции на общеобразовательные темы,

любительские спектакли, приличная библиотека, но ничего неразрешенного. Ни-ни! За этим адвокат следил весьма бдительно. Поэтому споры между большевиками и меньшевиками в стенах этого общества велись по темным уголкам и буквально шепотом... Что касается редакции «Зари Поволжья», то она тоже не имела определенной политической физиономии. В состав редакции входили два меньшевика и два большевика, а пятого кооптировали то из меньшевиков, то из большевиков.

Все это чрезвычайно не понравилось Пятницкому. Ведь в Петрограде большевистская «Правда» и меньшевистский «Луч» вели между собой открытую, жестокую борьбу, а в Самаре обе группы социал-демократов трогательно делили страницы одной и той же газеты.

Чуть-чуть осмотревшись, Пятницкий поставил перед собой задачу — во что бы то ни стало и как можно скорее создать в Самаре крепкую нелегальную большевистскую организацию.

Горячо благодаря Ленина и Крупскую за рекомендательное письмо, он писал, что «оно дало мне возможность быстро познакомиться со всеми, и, таким образом, я могу, не теряя времени, осуществить свою мечту».

С чего же все-таки начинать? Мечта ведь хороша только тогда, когда превращается в стимул действия. А действовать Пятницкому нелегко. Прежде всего потому, что его рабочий день длится не менее десяти часов. Работа незнакомая и трудная. Ему приходится иметь дело с машинами, приборами весьма сложных конструкций. К вечеру уставал страшно. Хотелось как можно скорее поесть и завалиться на кровать. Но он, преодолевая усталость, отправлялся то в один, то в другой конец города, чтобы встретиться с единомышленниками и убедить их в необходимости создания Саратовской большевистской организации. Годы черной реакции, к сожалению, повлияли на психологию многих партийцев: им всюду чудились провокаторы и агенты охраны. Нужна ли организация в наше смутное время? Есть ли в ней смысл?

Пятницкий убеждал: начинается новый революционный подъем. Посмотрите, как мужественно и бескомпромиссно сражается за наши идеи «Правда». Вслушайтесь в голоса наших членов Думы Петровского, Муранова... Ленин призывает к действию. Пора по-настоящему приняться за партийные дела...

Наконец, в первое воскресенье мая 1914 года в овраге возле Трубочного завода Пятницкий проводит собрание большевиков Самары. Их немного — двенадцать человек. Но решения, которые они принимают, исключительно важны. Формируется Временный Самарский комитет. Ему

поручено подготовить созыв Самарской конференции большевиков, связаться с ЦК и ЦО партии, вести всю текущую работу. В составе комитета Пятницкий, Бедняков, Белов и еще два человека.

И вот Осип сообщает в ЦК РСДРП: «Дорогие друзья! На днях у нас состоялось собрание из 12 человек (из них 11 большевиков и 1 меньшевик-партиец) для воссоздания местной социал-демократической организации. После дебатов были приняты следующие решения:

Собрать выборную городскую конференцию для выбора комитета местной организации. Признаны ЦК РСДРП, ЦО РСДРП. Вынесена резолюция по поводу ухода Малиновского (послана фракции), выбрана временная комиссия, на которую возложено — провести выборы на городскую конференцию, выработка плана организаций, и, наконец, собрание постановило вести кампанию за то, чтобы местный журнал подчинился местному коллективу. Обо всем этом решено сообщить вам».

Завоевать «Зарю Поволжья» удалось не сразу. Меньшевики тоже не теряли даром времени и неожиданно назначили расширенное собрание редакции якобы для того, чтобы обсудить вопросы, связанные с более частым выпуском газеты и ее распространением.

Активность и спешка, проявленные меньшевиками, показались Пятницкому подозрительными. Он встретился с Беловым.

— Скажи, товарищ Белов, не кажется ли тебе, что меньшевики потребуют переизбрать состав редакции, обеспечив себе большинство?

— Э-э-э, Генрих, ты меряешь здешних меньшевиков столичной меркой. Ни о каких перевыборах и речи нет. Обсудим некоторые практические вопросы да и разойдемся.

Белов заверил Осипа, что не даст разгуляться меньшевикам и защитит линию Временного комитета.

— Ну, каковы же результаты вашего расширенного собрания? — спросил Пятницкий Белова, когда они, как и было условлено, встретились на следующий после собрания в газете вечер.

Отчет, невозмутимо сделанный Беловым, довел Пятницкого до бешенства. Оказывается, на расширенный пленум не были приглашены представители крупных заводов и фабрик, меньшевики этим воспользовались и предложили переизбрать редакцию. В новом ее составе — три меньшевика и два большевика.

— Впрочем, — все так же невозмутимо сообщил Белов, — уже не два, а только один. В ответ на непонятное поведение меньшевиков я, как понимаешь, категорически отказался войти в новый состав и тут же ушел с поста секретаря редакции.

— Дурак ты, дурак, — не сдерживаясь больше, заорал Пятницкий. — Обиделся на нелояльность и преподнес им журнал.

Белов стал оправдываться, предложил даже издавать свой еженедельный журнал «правдистского» направления, но что было толку от махания кулаками после драки! Теперь борьбу за завоевание «Зари Поволжья» приходилось начинать сначала. А тем временем меньшевики не зевали, и столбцы еженедельника стали заполняться литературными творениями Дана, Аксельрода, Мартова. К счастью, на помощь Временному комитету пришли рабочие — подписчики и читатели «Зари Поволжья». Как только там перестали публиковаться статьи большевиков, поступление денег на издание сократилось более чем в четыре раза. Временный комитет тотчас же стал проводить на всех предприятиях города собрания членов РСДРП и сочувствующих, на которых выступали и большевики и меньшевики. Именно рабочие решали вопрос, каким же должен стать самарский еженедельник — «правдистским» или «лучистским». Избрали делегатов на конференцию, но провести ее оказалось трудно: кто-то донес в полицию, и на Барабашиной поляне, где должны были собраться делегаты, появились незваные гости: шпики и жандармы.

Однако Пятницкому и другим руководителям большевиков стало ясно, что огромное большинство делегатов проголосует за направление газеты «Правда». И, не дожидаясь окончательного решения, Пятницкий написал письмо Владимиру Ильичу, в котором подробно обрисовал положение дел и спрашивал, сможет ли Заграничное бюро ЦК снабжать «Зарю Поволжья» литературными статьями по общеполитическим вопросам. Ответ от Заграничного бюро пришел очень быстро. Обещана была всемерная помощь по завоеванию «Зари Поволжья». В этом же письме Владимир Ильич подчеркнул значение «Зари Поволжья» для всех приволжских городов.

В конце концов конференция состоялась, и три четверти ее делегатов голосовали за большевистское направление самарского еженедельника. В состав редакции избрали большевиков Белова, Беднякова, Андреева, Кукушкина и кандидатом — Седенкова (Вениамина) из Временного комитета.

Что касается меньшевиков, то им предоставили право выделить одного редактора, но они воспользоваться этим правом не пожелали.

Образование Самарского Временного комитета и завоевание «Зари Поволжья» стали первыми шагами по пути создания в Самаре сплоченной большевистской организации. Казалось, что мечта Пятницкого близка к

осуществлению. Он уже получил поручение от Заграничного бюро ЦК созвать Поволжскую партийную конференцию и подготовить выборы делегатов от Поволжья на Венский международный социалистический конгресс — он должен был открыться 15 августа 1914 года — и на очередной съезд партии. Ленин настойчиво просил послать на конгресс и съезд побольше рабочих, участвующих в нелегальных организациях и в легальном революционном движении.

Сам Пятницкий не мог объехать города Поволжья, так как был занят на прокладке трамвая и в отпуске ему отказали. Но он направил в города Поволжья двух верных товарищей — Анну Никифорову и Кукушкина и теперь с волнением ждал их возвращения... Но так и не дождался. Его вновь арестовали.

— Господин, эй, господин, подождите!

Кому это он понадобился? Оглянулся. Околоточный надзиратель, придерживая бьющую по боку кобуру с тяжелым револьвером, бежал, гулко топя сапогами. Вот оно что... Пошел быстрее, еще быстрее, наконец побежал, рассчитывая добраться до калитки, через которую можно попасть на глухую улицу. Тогда убегу!

Но у калитки поджидали двое штатских с хорошо знакомыми физиономиями. Осип частенько встречал их последние дни среди рабочих, прокладывающих рельсы как раз возле его квартиры. Подбежал запыхавшийся околоточный.

— Ваша фамилия, господин?

— Вы должны ее знать, если задерживаете меня, — резко возразил Пятницкий. Начинаясь привычная игра в кошки-мышки, и, хотя, казалось бы, роль кошки уже заранее предназначалась полиции, иногда удавалось поиграть в кошку и ему... Во всяком случае, попробуем!

— На каком основании вы меня берете? — спросил Пятницкий.

Околоточный, все еще прерывисто и шумно отдуваясь, рыскал глазами округ — искал извозчика.

— Вам там все разъяснят, — бросил он, повелительным жестом руки подзывая извозчика.

«Там» оказалось жандармским управлением, а роль кота взял на себя сам начальник управления Познанский.

При первом допросе Пятницкий держался резко. Разыгрывал, и очень удачно, благородное негодование. Ведь ни при личном обыске, ни на квартире никаких компрометирующих нелегальных документов не обнаружено.

— Господин штаб-ротмистр, сомневаюсь, что «Сименс-Шуккерт» поблагодарит вас за эту глупейшую историю. У меня очень спешная работа, а вы ее срываете. — Краем глаза Пятницкий следил за выражением лица жандарма. Тот был явно не в своей тарелке.

— Не беспокойтесь, господин Санадирадзе, мы сейчас все выясним, и, если нами допущена ошибка, виновные понесут заслуженное наказание... Это ваша фотография?

Пятницкий взглянул на фотографию. Она произвела на него ошеломляющее впечатление. Узнал работу Житомирского. Незадолго до отъезда Осипа из Парижа тот заявил, что хочет иметь на память карточку друзей и еще одну — Осипа. «Ты не беспокойся, Осип. Конспирация не будет нарушена: я сделаю так, что и сам дьявол не узнает тебя на фотографии». Нарядил его в смокинг. Крахмальная рубашка, галстук-бабочка. И пообещал: «Сделаю тебе другую прическу и подрисую бороду. А негативы отдам тебе». После долгих уговоров Пятницкий неохотно согласился. И вот сейчас перед ним «творчество» Житомирского. Он сразу же переходит в стремительную атаку.

— Неужели вы не видите, что между мною и субъектом, изображенным на карточке, нет ни малейшего сходства?

Познанский отступает... Смущенно теревит свой каштановый ус, покашливает. А потом он просит принести все циркуляры по делу Таршиса.

И когда папка оказывается на его столе, Познанский перелистывает подшитые страницы, читает то про себя, то громко, бросая испытующие взгляды на Пятницкого.

Дело дрянь. У них все нити, и, пожалуй, они его не выпустят.

— Уведите господина Санадирадзе.

Все. Сорвалось. Котом все же оказался не он, а Познанский. Впрочем, посмотрим, как будут развиваться дальнейшие события.

А события развивались так. Через несколько дней в тюрьму приехал Познанский и сказал, что проверка закончена. Он показал телеграмму, в которой сообщалось, что Санадирадзе живет в Кутаиси, а еще через несколько дней жандарм предъявил выписку из метрической книги, полученную из Кутаиси. Пимен Санадирадзе имеет братьев и сестер, тогда как Осип утверждал, что он единственный сын у родителей. И имя и отчество матери и отчество отца не совпали. Дело в том, что паспорт Осипу прислали с Кавказа, не сообщив никаких подробностей о семье.

Пятницкий понял, что на этот раз игра проиграна. Ничего не оставалось, как назвать свое настоящее имя.

— Давно бы так, — искренне обрадовался жандарм. — А то и вам

всякие неудобства, и нам хлопот полон рот. А теперь, господин Таршис, могу вас обрадовать: так как никаких данных у меня против вас нет, я намереваюсь вас освободить. Притом немедленно.

Пятницкий весь напрягся — ход Познанского был неожиданным и непонятным. У охраны с Таршисом старые счеты.

— Премного благодарен, господин штаб-ротмистр.

— А вы нервничали! Зря, зря, господин Таршис. Мы тут выясняли: фирма весьма вас ценит, так что... Короче, переходите на нашу сторону, и инцидент будет исчерпан.

Ах вот что! Старый трюк охраны. Предлагают стать провокатором. Свобода за предательство.

— Знаете, — хладнокровно сказал Пятницкий. — Я предпочитаю оставаться сам по себе. Ни с вами, ни с революционерами. Меня совершенно не интересует политика.

И тут жандарм наконец сорвался. Побелев от злости, он стал выкладывать все козыри, которыми располагал.

— Ах, значит, политика вас не интересует, господин Таршис! Вас, известного большевика... Вас, члена ЦК ленинского направления... Вас, кому поручено провести Поволжскую партийную конференцию... Вас, организовавшего целую кампанию, чтобы заграбастать в свои руки «Зарю Поволжья»... Его, видите ли, не интересует политика... Прожженного бунтаря, по ком давно тоскует каторга!

«Так, так, — думал Пятницкий. — Не обошлось без матерого провокатора. Кто же мог знать, что меня хотели кооптировать в ЦК, по, так как я тогда не мог сейчас же ехать в Россию, моя кандидатура сразу отпала». Он перебирал мысленно всех присутствовавших тогда на заседании ЦК. Кто же из них играл роль Житомирского? Кто оказался иудой?

Увы, в то время Пятницкий не мог еще знать, что все это дело рук Малиновского. Его терзало и мучило неведение, невозможность дать знать партии о человеке, который информировал о делах ЦК департамент полиции.

А Познанский мстил за им же самим проявленную неуверенность. Мстил жестоко. По его приказу Пятницкого посадили в темный и грязный подвал сысского отделения, якобы «для установления личности», хотя протокол, в котором Пятницкий назвал свое настоящее имя, был подписан.

В узилище сысского отделения в ужасающей грязи и тесноте содержались уголовные преступники всех мастей и рангов. Паханы устанавливали свои законы, творили суд и расправу и очень

неодобрительно относились к единственному среди них «политику». Вспомнили обиды, которые нанесли им политики в 1905 году, и за это Пятницкому однажды чуть не попало.

Лишь после суда за проживание по чужому паспорту, за что мировой приговорил к трем месяцам тюрьмы, Пятницкого перевели в так называемый «дворянский» арестный дом. Осип отлично понимал, что вся эта комедия с мировым судьей — штучки жандарма Познанского. Может быть, он все еще надеялся сломить волю Пятницкого и вынудить его на работу в охранке. Во всяком случае, даже в общей тюрьме Осипа окружили «особым вниманием». За ним следили, подглядывали. Какие-то типы, выдавая себя за «р-революционеров», пытались вызвать на откровенные разговоры. Скоро последовали новые акции, изобретенные Познанским. Без всякой причины Пятницкого перевели в уголовный коридор, остригли и переодели в арестантское платье. Оборвались все нити, связывавшие его с политическими заключенными и, следовательно, с волей. Находясь в «дворянском» арестном доме, из газет, из рассказов товарищей Пятницкий кое-что узнал. Завоеванная им «Заря Поволжья» открыто заговорила «правдистским» языком. Временный самарский комитет большевиков превратился в постоянный. Ждали приезда Муранова — ему надлежало возглавить Самарскую партийную организацию. Значит, мечта, которую вынашивал Осип Пятницкий по приезде в Самару, стала реальной действительностью. Значит, он не даром проработал несколько месяцев в этом большом поволжском городе, долгое время не имевшем крепкой и оформленной партийной организации. И потому все неприятности, пакостные придирки и суровый тюремный режим, выпавшие на его долю, казались Осипу мелкой чепухой — он старался не обращать на них внимания. Узнал он и о бакинской стачке и об отклике на нее в стране. И в уголовном корпусе Осип очень много читал. Научно-популярные книги, сочинения русских и иностранных классиков. Ждал решения своей судьбы. Знал, что трехмесячным тюремным заключением не отделаться. Познанский, бесспорно, продолжал плести сети, подготавливая громкое дело саратовского масштаба.

Каторга или только ссылка? Во время продолжавшихся допросов не прекращал борьбы, стараясь запутать жандармов, доказать несостоятельность ряда выдвинутых против него обвинений. Один неопытный жандармский офицер, проводя допрос, сам попался на удочку и не только сказал Пятницкому о начавшейся первой мировой войне, но и прочел весь обвинительный материал, подготовленный жандармским управлением, и предложение — высылка на 5 лет в Восточную Сибирь.

Осип продолжал бороться, доказывая, что обвинения, состряпанные охранкой, противоречивы, путанны и бездоказательны. В результате приговор смягчили, и Пятницкий получил только три года ссылки в Енисейскую губернию.

Разъяренный Познанский продолжал мелко мстить. Несмотря на объявление приговора и перевод в пересыльный коридор, где содержались товарищи по политическим делам, его еще несколько месяцев продержали в Самарской тюрьме. Отправлялся этап за этапом, а Пятницкого не вызывали. Он протестовал, писал заявления... Наконец после вмешательства прокурора его вызвали на этап. И последний, да, на этот раз уже последний, «подарочек» от Познанского. В тюремном дворе на трескучем морозе раздели донага и произвели тщательный обыск, ощупывая каждый шов верхней одежды и белья в поисках специальных тоненьких пилок — ведь это же тот самый Таршис, который совершил побег из Лукьяновской тюрьмы! Мало ли что он может придумать.

Погрузили в арестантский вагон и повезли. Далеко-далеко. На самый край России. Челябинск — пересыльная тюрьма. Ожидание конвоя. Теснота, духота, обмороки. Распахнуты окна — ив камеру врывается ледяной воздух. Хрипота, кашель, бронхиты и воспаления легких.

Красноярск — и снова пересылка. Опять томительное ожидание конвоя. Подтвердилось многое из того, что рассказывал Пятницкому о войне молодой жандарм в Самаре. Беспрецедентное предательство лидеров германской социал-демократии. Все депутаты рейхстага — социал-демократы проголосовали за предоставление военных кредитов, за империалистическую войну, и только один Карл Либкнехт при повторном голосовании в декабре поднял руку «против».

В кафе «Крауссан» активистом «Аксъон франсэз» Раулем Вилленом застрелен великий социалистический трибун Жан Жорес.

Еще накануне, 30 июля 1914 года, выступая в Королевском цирке в Брюсселе, он произнес страстную речь, полную отчаяния, но и надежды на интернациональную солидарность пролетариев всех стран.

Ну, а остальные? Жюль Гед, Марсель Самба, Пьер Ренодель, Леон Жуо?.. Они вместе с президентом Франции Раймоном Пуанкаре выступали за священное единение, то есть за войну до победного конца.

За войну был и Георгий Плеханов, что совсем не удивило Пятницкого, привыкшего к стремительным и непоследовательным вольтам маститого теоретика марксизма. Он с неопишуемой тревогой думал о Ленине. Неужели и он останется в полном одиночестве, как и Карл Либкнехт! Ни на секунду не усомнился Пятницкий в позиции, которую должен был занять Владимир

Ильич. Но пошла ли за ним масса рядовых членов партии? Оглушали, ошеломляли вести о патриотических манифестациях, проходивших чуть ли не во всех городах государства Российского. Рассказывали, что Пуришкевич, приехав в Одессу, демонстративно целовался с евреями... Военный угар...

Но вот в красноярской тюрьме удалось узнать об аресте пяти депутатов-большевиков думской фракции. Значит, большевики пошли за Лениным, против империалистической войны! Вместе с большевиками Буяновым, Масленниковым и Тун гулом Осип принял участие в жарких спорах с оборонцами из лагеря меньшевиков и бунда. Он и здесь, за толстыми стенами красноярской тюрьмы, беззаветно сражался за взгляды и дело Ленина.

Только 30 января 1915 года Пятницкого с небольшой группой политических, вместе с уголовными и так называемыми «военными преступниками», главным образом 132 немцами, австрийцами и турками, проживавшими в России, отправили этапом из Красноярска в Енисейск.

Шли пешком. Мороз. Снежные вихри. Плохо одетые, полуголодные ссыльные вышагивали по 15–20 верст в день, ночевали в холодных грязных этапках и поутру отправлялись «в путь кандалный, дальний».

Так 400 верст до Енисейска. А из Енисейска к берегам Ангары, до села Богучаны, еще 700 верст и тоже пешим ходом. Все дальше от большого Енисейского тракта. Все меньше населенных пунктов. Все крепче морозы. Бескрайняя, черно-белая мохнатая тайга. Ритмичный сухой скрип снега под ногами. Только что без кандалного перезвона. Деревни крошечные, в несколько дворов, с выразительными названиями: Покукуй, Потоскуй, Погорюй... Да, погоревать, видно, придется. Экая глушь! Настоящее медвежье царство. Знал, что придется прожить здесь три года, но в воображении они растягивались в тридцатилетие, в бесконечность. А вдруг до конца дней своих предстоит жить в Покукуе! Вот уж накукуешься всласть.

Раскрылась Ангара. Неподвижная, застывшая, белая. Богучаны — большое село. На престоле пристав. И бог и царь. Но черт с ним, с приставом, и пьяными наглыми стражниками! В Богучанах полным-полно политических ссыльных. Обогрели, накормили, поделились последними новостями. Как-нибудь проживем.

Но в Богучанах Пятницкому пришлось пожить недолго. Приехал исправник и приказал незамедлительно препроводить политического ссыльного Таршиса Иосифа, тридцати трех лет, на место, ему предназначенное, в деревню Федино, что расположена на самой границе

Енисейского и Капского уездов и, чего не учли господа из охраны, совсем близко от железной дороги.

В Федино Пятницкого привезли 6 марта 1915 года.

Как жили политические заключенные в этой небольшой сибирской деревне, лучше расскажет Сергей Иванович Петриковский, товарищ Пятницкого по енисейской ссылке, ставший другом на всю жизнь.

Выступая на заседании Ученого совета Государственного Музея революции, посвященном 80-летию со дня рождения Пятницкого, он рассказывал:

«В 1915 году первым пароходным рейсом по Енисею, затем на лодках по Ангаре, а потом верхом по таежным тропам двое административно-ссылных, эсер-интернационалист Григорий Кнышевский из Харькова и я, питерский студент-большевик, прибыли из красноярской пересыльной тюрьмы в деревню Федино Пингузской волости Енисейского уезда и губернии. В то время здесь была небольшая колония политических ссылных, которую возглавлял товарищ Пятницкий».

Да, так получилось, что, приехав в Федино и едва осмотревшись, Пятницкий взвалил на себя нелегкое бремя организации жизни и быта колонии ссылных, людей с разными политическими убеждениями и взглядами. И, несмотря на пестроту оттенков революционеров, волею случая или, вернее, охраны оказавшихся вместе... «Наша Фединская колония была замечательна своей организованностью и товариществом. Мы не знали склок. Много и разнообразно работали. Достигли некоторой материальной обеспеченности всех в организованной нами коммуне. Этим мы главным образом обязаны товарищу Пятницкому, его личному примеру и авторитету. Дружбу и товарищество фединской ссылки мы пронесли и в следующие годы».

И далее: «В тяжелых условиях глухой сибирской ссылки он оставался активным и горячим общественником. Он участвовал в организации политических ссылных на Ангаре и ее притоках, вел с товарищами оживленную переписку, содействовал, и если было нужно, то организовывал побег товарищей. Он же принимал участие в сходах местных сибирских крестьян. Они его очень уважали и часто приходили советоваться. То, что фединские крестьяне позднее приняли участие всей деревней в краснопартизанском отряде против Колчака, также большая заслуга товарища Пятницкого. Он был полон внимания и заботы к товарищам, особенно больным. Он добился помещения душевнобольного товарища Бера, эсера из Одессы, в больницу. Когда товарищ Пятницкий узнал, что товарищ Никифорова, находившаяся на Ангаре, не имеет теплой

одежды, он послал ей свой полушубок. Он же вел переговоры от имени политических с нашим стражником и приставом, когда тот приезжал к нам, и заставил их считаться с нами, нашими нуждами и требованиями. Несмотря на различие политических взглядов в нашей колонии, у нас не было оборонцев, и позднее все товарищи выступили за Советскую власть».

И еще одна небольшая деталь к этому портрету революционера-большевика: «Я его помню в расцвете физических сил. Многие из присутствующих здесь знают и помнят его внешний вид, когда кабинетная работа и возраст наложили свои тяжелые руки на товарища Пятницкого, оставив лишь его замечательные и очень красивые глаза, в которых можно было наблюдать то гнев и бурю, то тепло и ласку. В ссылке он был очень красив. Миниатюрный, если можно так выразиться, по сравнению с нами, здоровыми парнями, он был в то же время очень пропорционален и изящен. Было в нем что-то от старых грузинских гравюр».

Очень точное сравнение! Я встречался с Пятницким в двадцатые и тридцатые годы. Он был тогда уже довольно грузным, с утомленным лицом и почти совершенно лысой головой, в венчике седеющих волос. Но в смуглости кожи, изящно прорезанных ноздрях тонкого, с маленькой горбинкой носа, чистом высоком лбе и орлином — не могу подобрать иного эпитета — взоре больших светлых глаз действительно было что-то от грузинской гравюры. Недаром удавалось ему так долго жить по паспорту Пимена Санадирадзе.

Но заглянем еще в Федино, где в крестьянской избе, оставаясь в одиночестве, мечется, не находит себе места ссыльный большевик Осип Пятницкий. На людях он неизменно приветлив, бодр, весел. Сохрани боже, чтобы кто-нибудь заметил утомление, уныние, тоску у главы коммуны... Но когда он оставался наедине с самим собой... Два года бесконечно долгих, медленно текущих, как мелководная илистая река без стремнин, без омутов, без притоков. В стороне от кипящей жизни, столкновений, побед и поражений... Это же не для него! И все чаще, все настойчивее мысли о побеге. И хандра, с которой приходится бороться в одиночку, так, чтобы никто не знал об этом проклятом недуге...

Таким ненужным, тоскливым и внутренне темным был и вечер 9 марта 1917 года. Никого не хотелось видеть. Лень было протянуть руки за спичками, чтобы зажечь керосиновую лампу.

И вдруг торопливые шаги и частый стук в дверь. Не дожидаясь приглашения, в комнату ворвался политический ссыльнопоселенец Фома Говорек.

— Революция, Осип! Скинули Николашку... Собирайся!

— Нашел время шутить.

— Какие там шутки. Мария Сергеевна из Канска приехала... Митинг там был. На всех домах красные флаги.

Так пришел в Федино февраль 1917 года.

Десятого марта, предварительно убедив некоторые горячие головы из ссыльных, что избивать и убивать стражников не имеет смысла, Пятницкий выехал в Почет, где уже были телеграммы на его имя из Пензы и Москвы с извещением об амнистии. Москва ждала его для продолжения революционной работы. Пришел и денежный перевод.

23 марта Пятницкий входил в Московский Совет рабочих депутатов, помещавшийся в здании Капцовского училища. Друзья и соратники встретили его: Смидович, Ногин, Землячка...

— Что хочешь делать?

— Я послал запрос в ЦК. Что скажут, то и буду делать. Хотелось бы, правда, поработать среди электромонтеров. Это же моя новая профессия... Впрочем, вам с горы виднее.

— Мы намереваемся направить тебя организатором в Железнодорожный район, — сказала Розалия Самойловна.

— Осваивать новую профессию, — усмехнулся Пятницкий. — По мне, хоть к золотарям, лишь бы дело делать.

— Значит, договорились. Сообщим в Питер, что используем тебя здесь, по линии Московского Комитета.

Итак, вернувшись из ссылки Пятницкому вместе с Н. Н. Зиминим, А. М. Амосовым, М. И. Черняк и Г. Н. Аронштамом было поручено чрезвычайно важное дело: организовать экстерриториальный Железнодорожный район.

Среди железнодорожников были весьма сильные про-эсеровские и променьшевистские настроения. Их предстояло преодолеть и подготовить почву для создания железнодорожных органов и организаций во всероссийском масштабе.

Шли последние месяцы собрания сил и подготовки к решающему бою за Октябрь.

В июле — августе в Петрограде состоялся VI съезд партии, решения его нацеливали партию на вооруженное восстание. Делегатом съезда был и Осип Пятницкий.

УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ВЛАСТЬ!

Пятницкий не присутствовал на историческом заседании ЦК 10 октября. Но в ЦК РСДРП (б) он должен был доложить точку зрения московских товарищей на возможность организации вооруженного восстания в Москве и, самое главное, встретиться с Владимиром Ильичем, который вот уже несколько дней назад возвратился из Выборга в Питер и непосредственно руководит деятельностью Центрального Комитета. Именно Ленину, человеку, которому он ни разу не солгал, никогда не говорил полуправды и от которого не скрывал своих сомнений, если даже они не отражали объективную картину происходящих событий, а зарождались где-то в уголках сознания и были, что ли, плодом собственной интуиции, следовало исчерпывающе рассказать о том, что представляет собою Москва сегодня.

«Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам», написанное Лениным еще в Выборге, дошло до Москвы с опозданием. Его обсуждали на совещании руководящих партийных работников Москвы, которое состоялось на квартире доктора В. А. Обуха в Мертвом переулке. Здесь собрались вместе и руководители Московского областного бюро и МК, прочли письмо. «Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся»^[6].

И сразу же начался горячий спор. Ломов, Осинский, да и Варвара Николаевна Яковлева заявляют: «Можем начать. Соберем небольшой, но крепкий кулак и ударим. Может, что-нибудь и получится». Но многие поддержали Пятницкого. А он сказал тогда, что Москва почина выступления на себя взять не может, но она может и должна поддержать выступление, когда оно начнется в Петрограде. «Почему же это не может? Извольте аргументировать!» — крикнул Осинский. «Пожалуйста, товарищ Осинский! Аргументы совсем простые, рабочие Москвы плохо вооружены; у МК слишком еще слаба связь с гарнизоном, а руководство Совета солдатских депутатов все еще в руках у эсеров и меньшевиков; ну и, наконец, сам-то гарнизон на три четверти разоружен — у преданных революции или только заподозренных в этом воинских частей изъяты

пулеметы, трехлинейные винтовки, ручные гранаты и огнеприпасы, а со старыми берданками особо не повоюешь!»

Да, собравшиеся высказались за восстание, но часть согласилась на том, что Москва не может взять на себя почин выступления. Как выяснилось позже, это не расходилось и с ленинской точкой зрения. 8 октября в «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» Владимир Ильич писал: «*Под Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание...»^[7]

Решено было созвать общегородскую партийную конференцию, на которой и обсудить вопрос о вооруженном восстании.

Раньше нежели 10 октября конференцию созвать не удалось.

В кармане Пятницкого теперь была резолюция конференции по текущему моменту, в которой говорилось: «Конференция заявляет поэтому, что только ликвидация правительства Керенского вместе с подтасованным Советом Республики и замена его рабочим и крестьянским революционным правительством способны:

а) передавать землю крестьянам вместо подавления восстания крестьян;

б) тотчас же предъявить справедливый мир и тем дать веру в правду всей нашей армии;

в) принять самые решительные революционные меры против капиталистов для обеспечения армии хлебом, одеждой и обувью и для борьбы с разрухой.

Конференция поручает МК принять меры к уяснению массами всего вышеуказанного и к приведению революционных сил в боевую готовность».

Эту резолюцию надо показать в ЦК и, конечно, Ленину при встрече с ним, ибо она полностью отражала точку зрения большевиков Москвы.

Заседание ЦК состоялось в тот же день, десятого октября, и поэтому Пятницкий не мог на нем присутствовать.

В Питер он выехал только одиннадцатого.

...Пятницкий стоял у окна в коридоре вагона третьего класса. И хотя поезд назывался скорым, он спотыкался почти на всех станциях. И всякий раз, когда скорый, нарушая расписание, стопорил перед станционными постройками, густые серо-черные колонны отчаявшихся шли на беспорядочный штурм каждого из вагонов.

Пятницкий, которому знакомый проводник уступил на несколько часов свою полку, немного поспал, выпил кружку кипятку и теперь, стоя в

коридоре, с интересом прислушивался к напоминающей ярмарочный гам болтовне своих многочисленных попутчиков.

Больше всего говорилось о бытовых неурядицах. И как рефрен к разговорам о длиннющих очередях, безумной дороговизне и невероятных трудностях с топливом хриловатый, но не лишенный приятности тенор пел под гитару:

*Так в нашей жизни
Все переменилося в отчизне.
Ходили мы тоскливые,
Но вместе с тем счастливые,
Когда нам кто-нибудь
и что-нибудь давал.*

Солдаты, не подбирая выражений, вспоминали окопную грязь, паразитов и постоянный недостаток боеприпасов. Ругали генералов, крепко доставалось на орехи и самому Александру Федоровичу. Поручик с двумя Георгиями на гимнастерке голосом, дрожащим от ярости, вступился было за главковерха и, выдавив из себя слово «братцы», прозвучавшее как «мерзавцы», обратился к солдатам с патриотическим призывом. Но ему сказали: «А иди-ка ты, господин поручик, сам знаешь куда...» И пояснили: «Все. Хватит. Подпруга у нас лопнула!»

Пятницкому это образное выражение, принадлежавшее бородатому солдату, типичному мужику из Тамбовщины или Рязани, показалось очень точным и всеобъемлющим. У нынешней государственной власти «лопнула подпруга», и кляча уже не в состоянии тащить на себе титанический груз — неустроенное, обнищавшее, распадающееся на части государство Российское. И он решил обязательно передать эти солдатские слова Владимиру Ильичу, если только удастся с ним повидаться.

А гитара все тренькала насмешливо и презрительно, и тенор сипло напевал:

*Заходим в бакалейную
С вопросами елейными:
А что у вас дают
иль не дают?*

Кто-то не выговорил, а прошипел слово «большевички». И столько в этом шипе было ненависти и страха и столько нелепейших фантазмагорических рассказней и побасенок, посвященных преступной подрывной деятельности этих самых большевичков, разбрызгалось по вагону, что Пятницкий ухмыльнулся и даже озадаченно крякнул.

Кто-то называл имена будущих спасителей России. Столкнули лбами Мартова и Чернова. Вспомнили Либера с Даном. Шепотком произнесли имя Лавра Корнилова... Но имена лидеров, и названия партий, и разнообразные рецепты спасения России растворялись и тонули в месиве привычных и необходимых понятий: хлеб, обувь, дрова, жалованье.

Проехали Любань.

С каждой черно-белой верстой, убегавшей к Москве, приближалась столица. Внешний облик Петрограда изменился, по-видимому, не слишком сильно. По деревянным торцам Невского бесшумно проносились лихачи с колясками на дутых шинах и деловито сновали туда и обратно красные вагончики трамвая. Тротуары заполняли прохожие. Как и до Февраля, торговали филипповы, Кузнецовы, крафты, фаберже и Синельниковы. Тумбы облеплены были афишами благотворительных концертов, интригующими анонсами «Кривого зеркала» и «Синей птицы».

Но если приглядеться попристальнее, то кое-что все же изменилось. Словно бы потускнело золото риз, в которые разодет центр Питера. Филипповы и фаберже остались, но в зеркальных витринах им принадлежавших магазинов что-то совсем пустовато. На фасадах домов плоскостные символические изображения народа, завоевавшего свободу... Красные силуэты человечков, устремившихся с винтовками наперевес на черную массивную фигуру в царской короне или пронзавших штыками зловещего двуглавого орла. Много, очень много солдатских шинелей среди пальто, плащей и курток на тротуарах Невского.

...Первым, кого увидел Пятницкий в ЦК, был Яков Михайлович Свердлов.

— Рад вас видеть, товарищ Пятница, — прогремыхал Яков Михайлович своим удивительно сочным басом и крепко тряхнул его руку. — Как добирались?

— Помяли бока маленько, — сказал Пятницкий.

— Вам резолюция ЦК еще неизвестна? — Свердлов достал из внутреннего кармана кожанки записную книжку и вынул из нее сложенный вдвое листок бумаги. — Вот ознакомьтесь. Писал Владимир Ильич.

Пятницкий увидел четкий стремительный почерк Ленина, прочел и перечел резолюцию. Предельно выразительная и лаконичная, уместившаяся

на четвертушке серой бумаги в клеточку, она ставила на очередь дня вооруженное восстание: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)»^[8].

— М-да, по-ленински, — пробормотал Пятницкий.

— Имеете какие-либо веские возражения? — весело осведомился Свердлов.

Пятницкий только головой мотнул.

— Единогласно?

— Десятью голосами против двух.

— Против! — задохнулся Пятницкий. — Да кто же это так отличился?

— Члены ЦК. Каменев и Зиновьев. Владимир Ильич вне себя, считает их политическими слепцами.

— Да как же они? В голове просто не укладывается.

— А вы-то сами, товарищ Пятницкий, «за» или «против»? — Бас Свердлова приобрел металлическое звучание.

Пятницкий не отвел глаза под острым, настороженным взглядом Свердлова.

— Мы за восстание. Безоговорочно. Споры о другом: может или не может Москва начать первой.

Свердлов снял пенсне и старательно протер его стекла большим носовым платком. Теперь его глаза казались больше и добрее.

— Знаю, Осип. — Он тут же ловко накинул пенсне на переносицу и выжидающе, но с едва проступающей ироничностью пробасил: — А вот товарищи Ломов и Яковлева весьма нас обнадежили. Мы-де вполне можем и первыми. Так и заявили. А?

Пятницкий чувствовал, что вот-вот взорвется, и только огромным усилием заставил себя говорить негромко и размеренно.

— Но каким способом? Способы-то, Яков Михайлович, разные бывают.

— Ладно, товарищ Пятница. Давайте-ка лучше займемся бухгалтерией. — Свердлов достал записную книжку и огрызок химического карандаша. — Мы с вами техники и организаторы. Нам нужны проверенные данные и точные цифры. Какими силами, но только совершенно реальными, располагает Московский комитет на сегодня? Начнем хотя бы с Красной гвардии.

— По сведениям, поступившим в МК на 8 октября, в дружинах

Красной гвардии состояло около десяти тысяч рабочих. Точнее, девять тысяч семьсот шестьдесят человек, — незамедлительно ответил Пятницкий. Его цепкая, натренированная за годы конспирации память не нуждалась в записях.

— А как они вооружены?

— Три тысячи винтовок, берданок и револьверов разных систем от браунинга и «смит-вессона» до дамской пукалки «велодога».

— Да, не густо. А чем располагают части Московского гарнизона?

— Берданками с малым запасом патронов, разобранными пулеметами без замков и некоторым количеством ручных гранат без капсюлей. Остальное оружие, заблаговременно изъятое у гарнизона, передано юнкерам.

— Невелик, оказывается, кулак! — воскликнул Свердлов.

Они проработали довольно долго, Свердлов задавал вопросы, Пятницкий отвечал на них, и Яков Михайлович заполнял заметками листок за листком своей записной книжки.

Потом разложили на столе плац Москвы, захваченный Пятницким, и кончик карандаша Свердлова долго блуждал по улицам и площадям центра, по улицам и переулкам Пресни, Хамовников, Басманного, Благуше-Лефортовского и Суцевско-Марьинского районов.

В этот же день у Пятницкого состоялись встречи с членами ЦК Сталиным, Бубновым и Сокольниковым.

Только вечером, когда уже во влажном сумраке расплзлись желтые пятна фонарей, Пятницкий отправился на Выборгскую сторону, чтобы повидаться с Надеждой Константиновной Крупской, а через нее с Лениным.

Прежде чем вызвать Владимира Ильича из Выборга, ЦК подготовил для него именно на Выборгской стороне, рабочие которой безоговорочно поддерживали большевиков, тщательно законспирированную квартиру. И хотя Ленин появился на заседании ЦК, происходившем 10 октября на Карповке, в квартире Суханова, а после заседания ночевал на Петроградской стороне у Эйпо Рахья, а потом встречался с членами ЦК и на квартире Михаила Калинина, и на квартире машиниста Финляндской железной дороги Ялавы эта, на Большом Сампсоньевском, считалась наиболее безопасной и удобной. Попасть в нее можно было только через Крупскую и Женю Егорову, секретаря Выборгского райкома партии.

Обстановка в помещении, занимаемом Леоновской подрайонной думой, пришлась Пятницкому по душе. Несмотря на поздние часы, комнаты были полным-полны рабочими и работницами. Они гудились

возле столов, о чем-то спрашивали, получали задания и уходили. Ни суеты, ни бестолковщины.

В одной из комнат Пятницкий нашел Надежду Константиновну. Она показалась ему немного осунувшейся, по очень оживленной.

— Вот и опять встретились, милый Пятница, — радостно сказала она, протягивая руку. И с доброй своей улыбкой, осветившей бледное утомленное лицо, посмотрела на него долгим внимательным взглядом. — Сколько лет, сколько зим! А вы неважно выглядите, Пятница, совсем неважно. Уж не больны ли?

Пятницкий любил и безмерно уважал Надежду Константиновну. Познакомившись с ней и Лениным весной 1903 года в Лондоне, он, тогда еще совсем юный искровец, сразу же почувствовал на себе ласковое, изучающе-внимательное отношение Крупской. Все последующие годы своей подпольной революционной деятельности, где бы он ни находился, он никогда не прерывал дружески-деловой связи с Надеждой Константиновной. И каждое ее письмо, всегда и неизменно являвшееся отзвуком мыслей и действий Ленина, приносило Пятницкому силы, уверенность и большую радость.

И вот они вновь стоят друг против друга, и будто и не легло между ними более четырех лет разлуки после той незабываемой недели в Поронине, которую Пятницкий провел в семье Ульяновых.

— Приболел немного, Надежда Константиновна, да зажило все как на собаке. А вы-то, вы-то как? — взволнованно спрашивал Пятницкий, все не выпуская из своих ладоней легкой и теплой ее руки.

— Все хорошо, Пятница, даже очень хорошо. Но пойдемте-ка со мной, а то здесь и поговорить нельзя, уж очень людно.

Она провела Пятницкого в маленькую комнату, где стояли канцелярский стол и два венских стула, повернула на два оборота ключ, села сама и показала на стул Пятницкому.

— Садитесь. — И негромко: — Владимир Ильич вас ждет. Придете к нему завтра утром. В дверь постучите таким образом. — Костяшкой указательного пальца она отстучала о край стола: раз, два и после паузы еще два раза быстро, почти без перерыва. — Запомнили? Только, пожалуйста, не звоните. Он не откроет.

Утром 13 октября Пятницкий направился по адресу, полученному от Крупской.

Шел он по длиннейшему проспекту неторопливой, размеренной походкой, в длинном черном пальто и фетровой шляпе. То ли зубной врач, то ли банковский служащий, не очень-то поспешающий', на службу. Много

раз до автоматизма изученными приемами проверял, нет ли за ним слежки, не тащит ли за собой «хвост». А мысли были заняты предстоящей встречей. Разбирало нетерпение — ну, скоро ли? Ну где же этот самый поворот?

Но вот наконец нужный дом. Еще раз оглянувшись по сторонам и убедившись в отсутствии «хвоста», Пятницкий проскользнул во двор, сразу же нашел квартиру и, поднявшись по лестнице, постучал в дверь так, как показывала Крупская. Через несколько секунд за дверью возникли знакомые быстрые шаги, дверь распахнулась, впустила Пятницкого, захлопнулась, и совершенно незнакомый человек сказал таким бесконечно знакомым голосом:

— Наконец-то, товарищ Пятница! Здравствуйте, здравствуйте!

Опытный взгляд конспиратора, брошенный Пятницким на Владимира Ильича, не мог не отметить поразительной трансформации, которой подверглось лицо Ленина лишь за счет сбритых усов и бородки. Лицо было настолько новым, настолько непривычным, что никакого грима не требовалось больше, чтобы облик Ленина стал неузнаваемым.

— Ну, просто здорово, Владимир Ильич! — восхищенно воскликнул Пятницкий. — Еще бы парик, и самый опытный филер проскочит мимо.

— Есть и парик... — тотчас же откликнулся Владимир Ильич. — Прощу за мной. Вот сюда.

Миновали столовую и вошли в комнату, заваленную книгами и газетами.

Как и всегда, когда Пятницкий виделся и разговаривал с Лениным, им все более овладевало чувство удивительного спокойствия и уверенности, что вот теперь-то все будет действительно очень хорошо. словно могучий интеллект собеседника, как динамо-машина, безостановочно выбрасывал волны энергии и насыщал ею все вокруг себя.

Усадив Осипа в кресло, Ленин неожиданно спросил:

— Надеюсь, у вас есть сегодняшняя газета? Мне еще не приносили.

Пятницкий достал из кармана «Рабочий путь». Ленин нетерпеливо развернул газету, мгновенно пробежал взглядом по страницам и торжествующе воскликнул:

— Питерский Совет за выступление! Совет выбрал Военно-революционный комитет даже без прений, несмотря на то, что меньшевики и эсеры требовали открытия прений.

Пятницкий с любопытством, но и с некоторым недоумением смотрел на победно взмахнувшего газетой Ленина. Где он там нашел, что Петросовет высказался за восстание? Я же прочел ее всю от первой до

последней строчки. Ну да, при Петросовете создан Военно-революционный комитет. Это есть! Но дальше-то там говорится, что «в задачи Военно-революционного комитета входят — определение боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны Петрограда и не подлежащих выводу, учет и регистрация личного состава гарнизона Петрограда и его окрестностей и предметов снаряжения и продовольствия, разработка плана работ по обороне Петрограда, мер по охране города от погромов и дезертирства и, наконец, поддержание в рабочих массах и солдатах революционной дисциплины».

Только и всего! Но ведь Владимир Ильич расценил это решение как изъявление воли Петросовета выступать. А железная ленинская логика была отлично известна Пятницкому и не позволяла отнести восклицание Ленина только за счет каких-то там эмоций. И он попытался тоже мысленно пойти по такому же логическому пути, и сразу же все прояснилось — в единое целое слились резолюция ЦК, с которой познакомил его Свердлов, и выборы Военно-революционного комитета. Да, конечно, Ильич был прав!

А теперь предоставим слово самому Пятницкому, написавшему позднее об этой встрече с Лениным.

«Ленин очень подробно расспрашивал меня о Московской организации, о соотношении сил в Совете рабочих депутатов, профсоюзных, районных думах и т. п. организациях. Речь зашла о выступлении. Я изложил мнение активных работников Московской организации о том, что Москва начать выступление не может, но что Москва поддержит сейчас же выступление, если оно где-нибудь начнется. Я затронул вопрос о том, удержит ли наша партия власть, ибо у нас сравнительно так мало активных и дельных сил. На это Ленин посоветовал мне ознакомиться с рукописью брошюры: «Удержат ли большевики государственную власть?»»

От всего разговора с Лениным у меня в памяти сохранились только отрывки: если нам удастся заключить мир с Германией, крестьяне будут с нами; Германия, наверное, потребует от России Прибалтийского края, который почти ими уже занят. В крайнем случае придется уступить в интересах спасения и отстаивания победы и завоеваний революции. Что касается людей, то они у нас имеются: можно будет разослать товарищей матросов по уездам и деревням. Они разъяснят крестьянам суть переворота. Им будет с чем подойти к крестьянам, ибо первым делом после победы будет издание закона о земле и о мире.

Ленин интересовался настроениями железнодорожников... Ильич

заявил, что одним из первых мероприятий будет удовлетворение нужд железнодорожников».

И будто не в маленькой комнатенке, на конспиративной квартире, один на один с тайно пришедшим к нему товарищем, а в огромном зале, перед многотысячной аудиторией представителей уже победившего народа говорил сейчас Ленин. Столько уверенности в силе тех, кто пошел за ним, и всепокрушающего оптимизма было в его словах!

Пятницкий с восторгом вслушивался и вдумывался в каждую фразу, произнесенную этим удивительным человеком. Сегодня повторялось то, что не однажды бывало уже в практической деятельности партии, созданной Лениным. Когда трудности становились горой, закрывающей горизонты, вождь находил самую короткую, самую прямую тропу, ведущую к вершине, и первым поднимался по ней, а оказавшись на вершине, видел раскрывшиеся впереди дали и дорогу к ним.

За те несколько дней, что Пятницкий пробыл в Питере, он несколько раз был у Ленина. Получил у него письменное согласие баллотироваться в Учредительное собрание от Московской организации...

...Опять было трудно с железнодорожными билетами. Но старый приятель Паша Вомпе, работавший в Викжеле, расстарался, и Пятницкий добрался до Москвы даже с некоторым комфортом. Во всяком случае, он имел возможность внимательнейшим образом прочесть рукопись брошюры «Удержат ли большевики государственную власть?», которую передала ему Мария Ильинична.

Шесть «деловых доводов», приведенных «Новой жизнью» за то, что большевики не смогут удержать власть, один за другим разлетелись в прах под неотразимыми ударами автора брошюры. Да, Владимир Ильич, конечно, был прав. Здесь — исчерпывающий ответ и на некоторые сомнения, которые не давали покоя Пятницкому. 240 тысяч членов партии большевиков, опирающихся на миллион подавших за них голоса представителей трудового народа, — это огромная действенная сила.

Ленин теоретически вооружил Пятницкого.

17 октября в помещении Железнодорожного райкома, на 1-й Брестской улице, состоялось межрайонное собрание московского партийного актива. С докладами выступили В. Н. Яковлева и он. Варвара Николаевна информировала актив о заседании ЦК, а Пятницкий рассказывал о своих встречах с Лениным. Говорил он, как всегда, просто, стараясь коротко сформулировать самое главное. А заканчивая доклад, чуть повысил голос и по памяти повторил слова, которыми Ленин заключил свою брошюру:

«...когда *есть* налицо эти условия, тогда не найдется той силы на

земле, которая помешала бы большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции»^[9].

Но взять власть еще только предстояло...

МОСКВА ВЗЯЛАСЬ ЗА ОРУЖИЕ

В Москве прозвучали первые одиночные выстрелы. Происходили отдельные стычки между офицерами и юнкерами и пытающимися их обезоружить пикетами красногвардейцев. Но из-за того, что Совет солдатских депутатов, по существу, находился в руках меньшевиков и эсеров, солдаты воинских частей, расквартированных в Москве, оставались пассивными.

«Я сам наблюдал, — вспоминает Пятницкий, — в первые октябрьские дни такие картинки: 26 и 27 октября по старому стилю с Ходынки артиллеристы везли пушку без прикрытия. На Тверской улице, между Страстной и Скобелевской (теперь Советской площадью) отряд казаков пытался отбить пушку. На улице была масса вооруженных и невооруженных солдат, они безучастно смотрели, как артиллеристы отбиваются от казаков (около Совета казаки исчезли). В первые дни 26–27 октября в Совете еще находились меньшевики и эсеры. Когда вызывалась какая-нибудь часть в Совет для направления на фронт борьбы... то наряду с представителями Военно-революционного комитета выступали меньшевики и эсеры — от имени солдатской сессии Совета. В своих выступлениях они призывали солдат не участвовать в большевистской авантюре».

Да, часть солдат еще колебалась, и это не могло не отразиться на характере и темпах вооруженной борьбы за власть в Москве. Но самая большая трудность заключалась в том, что состав рабочих Москвы отличался от питерского пролетариата: занятые на средних и мелких предприятиях преимущественно легкой промышленности, московские рабочие не вполне еще преодолели влияние меньшевиков.

А Петроград в эти часы был уже полностью в руках победившего народа.

Свергнуто было Временное правительство.

Пал Зимний дворец, и Керенский умчался в закрытом автомобиле к «верным», как ему представлялось, войскам.

Уже состоялось историческое заседание Петроградского Совета, на котором Ленин произнес пятиминутную речь, начинавшуюся словами: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

Уже были подготовлены проекты декретов о мире и земле — два

первых, величайшего значения документа новой власти, — и Владимир Ильич готовился огласить их на втором заседании II Всероссийского съезда Советов, не далее как вечером 26 октября.

К сожалению, прямой связи со столицей не было, и, кроме очень лаконичной телефонограммы, переданной Ногиным из Петрограда 25 октября, руководители московских большевиков не имели никакой дополнительной информации о грандиозных событиях, уже происшедших в Питере. Зато слухов самых разных расплзлось по Москве предостаточно, и слухи эти, как тина, поднявшаяся со дна реки, мутили и чудовищно искажали зеркальное отображение всего того, что уже произошло в Петрограде.

Выступления Зиновьева и Каменева, отсутствие своевременной и полной информации привело к известной растерянности среди части московских большевиков, тяготению их к выжидательности, готовности идти на некоторые компромиссы с меньшевистской и эсеровской фракциями Московского Совета рабочих депутатов. Тут сказалось и то, что Москва не перенесла такого острого момента борьбы, как июльские события в Петрограде, а следовательно, возможность решить вопрос о взятии власти мирным путем некоторым руководителям казалась вполне реальной.

Чем иным можно объяснить резолюцию, принятую на совещании бюро всех фракций Совета утром 25 октября на основании сообщения о событиях в Петрограде, сделанного городским головой эсером Рудневым? «Для охраны революционного порядка и защиты завоеваний революции от натиска контрреволюционных сил в Москве образуется временный демократический орган, составленный из представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городского и земского самоуправления, Всероссийского железнодорожного и почтово-телеграфного союзов и штаба Московского военного округа».

От каких контрреволюционных сил защищать Москву призывала эта резолюция? Если от эсера Керенского, то вряд ли бы на ее принятии так настаивали эсеры Руднев, Шварц, Ратнер и меньшевики Исув, Тейтельбаум и иже с ними! Не нацелено ли было острие этой резолюции против Ленина, против действий Петроградского Военно-революционного комитета, уже свергнувшего правительство Керенского, действий, которые тот же Исув охарактеризовал как «безумные», ведущие к «гибели рабочего класса и русской революции»?..

Именно так поставил вопрос Осип Пятницкий, секретарь Московского комитета партии и член Партийного центра по руководству вооруженным

восстанием в Москве, перед членом президиума исполкома Московского Совета большевиком Е. Н. Игнатовым.

Дело в том, что совещание представителей бюро фракций проходило в тот же самый час, когда шло заседание Московского комитета, где решались вопросы о создании боевых партийных и советских центров, а потому несколько членов Совета большевиков не могли принять участия в обсуждении проекта резолюции.

Уже вторые сутки Пятницкий ни на минуту не смыкал глаз. С момента возвращения из Петрограда дни слились в один стремительный поток бегущих минут и часов. Он чувствовал себя захваченным водоворотом событий, и, хотя был опытным пловцом, выбраться на поверхность оказалось нелегким делом.

20 октября Пятницкий вместе с М. Ф. Владимирским и И. В. Цивцивадзе был избран в секретариат МК, а 25 октября его и Владимирского ввели от Московского комитета в Боевой партийный центр по руководству восстанием. Таким образом, к началу Октябрьского восстания в Москве Пятницкий был одновременно председателем исполкома Железнодорожного районного Совета, членом пятерки, руководившей всей деятельностью Железнодорожного райкома партии, одним из руководителей железнодорожного движения в Москве, членом исполкома Московского Совета, секретарем МК и членом Боевого партийного центра.

Нагрузка, казалось бы, совершенно непосильная для одного человека, если учесть, что в те грозные тревожные дни требовалось не представительство, не умение произносить красивые зажигательные речи, а работа — черновая, ежечасная, напряженная.

Вот и сейчас... Проект резолюции, подготовленный для пленарного заседания Московского Совета, и короткая перепалка с Игнатовым насторожили Пятницкого. Уж больно быстро начали подтверждаться его опасения по поводу позиции некоторых московских товарищей. Ведь еще на Апрельской конференции партии Каменев, выступая против Ленина, был поддержан небольшой группой, в которую входила и часть московской делегации: Ногин, Рыков, Смидович, Ангарский и другие. Но вот наступает самый ответственный час в жизни партии, в жизни всей России, и ясно, что теперь «промедление — смерти подобно», а они — руководители нашей фракции — оружием своим избирают именно это самое промедление.

И когда вечером 25 октября в большом зале Политехнического музея открылось соединенное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов и председательствующий П. Г. Смидович стал говорить вступительную

речь, Пятницкий с горечью подумал, что его опасения, увы, вовсе не преувеличены.

Петр Гермогенович выглядел каким-то растерянным. «...Мы подошли к наиболее революционному и, может быть, трагическому моменту». Вот тебе раз! Нужно ли окрашивать итог, результат всей многолетней направленной деятельности нашей партии в трагические тона?.. Вот и опять о «трагичности текущих событий»... Тейтельбаум согласно кивает головой. Правые эсеры приготовились аплодировать. А он продолжает: «Фракции сделают заявление о принципе организации власти здесь в Москве...» Ага, это значит, тот самый проект резолюции, который показывал Игнатов.

«Мы должны все силы направить на то, чтобы всем вместе участвовать в строительстве того органа, который будет гарантировать порядок и спокойствие в Москве, течение всей жизни здесь, в Москве». О каком это спокойствии в Москве можно говорить теперь, когда пришла пора брать в свои руки власть? Разве уступят ее без жестокой драки все эти Рудневы и Рябцевы!

Естественно, эсеры и меньшевики дают на пленарном заседании бой большевикам. Они — за «демократический орган» и бешено возражают против проекта новой резолюции, подсказанной Московским комитетом. «Московский Совет рабочих — и солдатских депутатов выбирает на сегодняшнем пленарном заседании Революционный комитет из семи лиц. Этому Революционному комитету предоставляется право кооптации других революционных демократических организаций и групп с утверждения пленума Совета рабочих и солдатских депутатов. Избранный Революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всевозможную поддержку Революционному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов».

Вой, гам, заклинания, битье кулаками в грудь. Особенно неистовствует Исув. Слово в порядке... Реплики с места. Тщится посеять сомнения в справедливости сведений о событиях в Петрограде. Но вот перерыв. Начинаются собрания фракций. Подходит к столу Петр Гермогенович и просит, чтобы его отпустили, что он нездоров. Вид у него действительно совсем больной.

Что ж, просьбу Смидовича приходится выполнить. Роль председательствующего принимает на себя Игнатов.

Держится довольно уверенно. Давай, Игнатыч, давай!.. Уже после полуночи 394 голосами против 106 и 23 воздержавшихся принята была пленумом Советов большевистская резолюция. В Революционный комитет

избраны были: В. М. Смирнов, Муралов, Усиевич и Ломов от большевиков (кандидатами: Аросев, Мостовенко, Рыков и Будзинский), Тейтельбаум и Николаев от меньшевиков и Константинов — от объединенных интернационалистов (кандидатами: Гальперин и Ясенев).

Эсеры не приняли участия в голосовании, а Юхов, выступив от меньшевистской фракции, цинично заявил: «Мы в этот орган войдем, но войдем не для тех целей, для которых вы идете, а для того, чтобы продолжать там ту же разоблачительную работу, которую мы делали в Совете, для того, чтобы смягчить все те губительные последствия, которые падут на голову пролетариата и солдат Москвы».

Этой же ночью в бывшем генерал-губернаторском особняке начались заседания Боевого партийного центра и Военно-революционного комитета.

Партийный центр вынес ряд решений, обеспечивающих, как казалось, быструю победу над противником. В их числе: занятие Кремля, где находился арсенал, государственного банка, всех вокзалов и т. п.

Эти решения Партийного центра тут же передавались Военно-революционному комитету для претворения их в жизнь.

Если Партийный центр был мозгом восстания, его политическим руководителем, то Военно-революционный комитет должен был стать его сердцем, непрерывно подающим свежую кровь в артерии.

И вот сердце-то неожиданно забарахлило, стало давать смертельно опасные перебои.

Назначенные Военно-революционным комитетом ночью 25 октября О. Берзин — комендантом Кремля — и Емельян Ярославский — его комиссаром — тут же приступили к исполнению своих обязанностей — Берзин в Кремле, а Ярославский в Хамовниках, чтобы поднять там роту солдат 193-го полка, верных большевикам, и отвести ее в Кремль. Соединившись с частями 56-го запасного полка, расквартированными в Кремле, и командой, охранявшей арсенал, они составили бы мощную ударную силу и должны были легко овладеть Кремлем. Революционным войскам надо было не только овладеть арсеналом, но и обезвредить юнкеров и, самое важное, арестовать командующего военным округом полковника Рябцева и весь его штаб.

Ничего подобного сделано не было. Получив оружие в арсенале, рота, приведенная Ярославским, бездействовала, как, впрочем, и другие находящиеся в Кремле воинские части. Более того, когда выяснилось, что Кремль окружен юнкерами, которые задерживают грузовики, посланные из районов за оружием, и арестовывают сопровождающих их красногвардейцев, Берзин явно растерялся. Все его действия свелись к

тому, что он получил из арсенала 12 пулеметов и расставил их на кремлевских стенах. А это означало, что наступательную тактику подменяют выжидательной, а в лучшем случае — оборонительной.

Когда Партийный центр узнал, что «думские» во главе с Рудневым и тем же полковником Рябцевым переходят в наступление, он направил всем районным партийным организациям телефонограмму следующего содержания: «Штаб во главе с Рябцевым переходит в наступление. Задерживаются наши автомобили, есть попытки задержать Военно-революционный комитет. На митингах по фабрикам и заводам надо выяснить это положение, и массы должны немедленно призываться к тому, чтобы показать штабу действительную силу. Для этого массы должны перейти к самочинному выступлению под руководством районных центров по пути осуществления фактической власти Советов районов. Занимать комиссариаты».

Одновременно Московский комитет призвал рабочих и солдат перейти в наступление против штаба Московского военного округа для освобождения блокированных юнкерами в Кремле солдат, верных революции.

Но, как было сказано выше, 26 октября в Москве прозвучали только одиночные, случайные выстрелы.

В чем дело? Что произошло? Почему не выполнялась директива Партийного центра и Кремль охватывали все более плотные цепи юнкеров и офицеров?!

Пятницкий пытался разобраться во всем этом... Само собой получилось, что он стал одним из руководителей Партийного центра, хотя никто на этот пост не избирался, да и поста такого вообще не было.

О роли Пятницкого в дни Октябрьского восстания в Москве мы знаем из воспоминаний его боевых соратников.

Член Партийного центра и секретарь МК М. Ф. Владимирский писал в своей книге: «Здание Моссовета представляло собой вооруженный лагерь, где были постоянно тысячи народу. Сюда тянулись рабочие из районов, солдаты из казарм, здесь формировались воинские части. Здесь был не только военный штаб, но и штаб партийный. Сюда приходили из райкомов за информацией, указаниями и т. д. Как в дни Октября приходили ежедневно в «Дрезден» в МК, так тянулись теперь к товарищу Пятницкому в Моссовет. Здесь же в «пятерке» были секретарь областного бюро и члены окружки — сюда шли за связью из губерний и областей. Из здания Моссовета шли боевые приказы районным ВРК и их штабам и партийные директивы районам».

Так вот, когда Пятницкий стал выяснять, почему не выполняется указание Партийного центра, товарищи из районов сообщили ему, что спустя несколько часов после первой телефонограммы поступила вторая, тоже из центра, предлагавшая воздержаться от наступательных действий...

Он швырнул на вилку телефонную трубку и посветлевшими от ярости глазами оглядел присутствующих. В комнате находились М. Ф. Владимирский, В. Н. Яковлева и кто-то еще из членов Партийного центра.

— Наша директива отменена. Наступательные действия прекращены повсюду. Но кто посмел отменить указание Партийного центра?

Владимирский стремительно вышел из комнаты. Прошло несколько томительных минут. Все сидели молча.

Возвратился Владимирский. Красный от возмущения, с сурово нахмуренным лбом.

— Был в ВРК. Там мне заявили, что это указание председателя Московского Совета. Он начал переговоры с Рябцевым.

— Ногин?! С Рябцевым?! Да кто же его уполномочил?

Тут же было решено немедленно провести заседание Московского комитета, областного бюро и окружка, призвать к порядку ВРК и нашу фракцию. С полковником Рябцевым говорить не о чем.

Экстренное заседание состоялось. Принято было категорическое постановление о прекращении переговоров, и дан наказ ВРК начать решительные боевые действия.

Уходили драгоценные часы. Противник оправился от шока и начал концентрировать силы, охраняющие «законный порядок». Под председательством городского головы Руднева создан был так называемый Комитет общественной безопасности с далеко идущими задачами — с помощью офицеров и юнкеров начать вооруженную борьбу против Советов.

И еще одно совместное заседание. На этот раз — из наличных членов Партийного центра и большевистской части ВРК. И вновь длительный спор: наступать на Думу или продолжать переговоры с Рудневым. Девять из четырнадцати присутствующих на заседании поднимают руку за продолжение переговоров...

Уходят, безвозвратно уходят часы, в которые уже могла бы быть решена судьба Москвы. Ногин ведет переговоры с Рудневым, тот произносит выпендренные речи о «спасении революции», а в то же время его единомышленник Рябцев исподволь наращивает силы и разрабатывает план военных операций по подавлению «большевистского путча».

Пятницкий, Владимирский, Усиевич ясно понимают, что Вандея

поднимает голову, что переговоры выгодны только противной стороне и что, наконец, нерешительность Военно-революционного комитета вызывает гнев и негодование среди рабочих и солдат районов. Но что могут сделать оказавшиеся в меньшинстве по отношению к товарищам, занявшим, если называть вещи своими именами, капитулянтскую позицию?! Они убеждают, уговаривают, доказывают, но в ответ слышат все то же: у нас еще мало сил, нам нужна передышка, надо сделать все, чтобы избежать «большой крови».

И вот уже 27 октября утром по Москве распространяется слух о падении Совета Народных Комиссаров и о полной победе Керенского в Петрограде. Распространители слухов — эсеры и меньшевики, заседающие в Думе.

Для того чтобы опровергнуть эти лживые сведения, имеющие только одну цель — ослабить боевой дух тех, кто идет за большевиками, Пятницкий отправился в Московское бюро Викжеля: он решил попытаться вызвать к телефону кого-нибудь из Совета Народных Комиссаров или Питерского Военно-революционного комитета. Но член Викжеля, правый эсер Гар высокомерно заявил, что пользоваться прямым проводом со столицей имеют право только члены Викжеля.

— Сейчас я соединюсь с Петроградом и передам вам совершенно объективную информацию о событиях, которые там происходят.

И он действительно стал говорить с кем-то по телефону, называя его милостивым государем, многозначительно хмыкая и делая бесконечные паузы. Сведения, поступающие таким путем, оказались настолько «объективными», что Пятницкий прервал разговор энергично и решительно.

— Хватит дурака-то валять, гражданин Гар, — сказал он нетерпеливо. — Нам необходимы точные сведения, а не ваши эсеровские байки. Желаю вам здравствовать... до поры до времени!

И он помчался к себе, в Совет Железнодорожного района, уверенный, что найдет какой-нибудь другой способ связи со столицей. Оказалось, что провод с Петроградом, через который Викжель был связан с Министерством путей сообщения, шел через вокзал Северной железной дороги. Ну, а там-то у Пятницкого были свои, верные люди. И вот теперь уже сам Осип, прижимая к уху телефонную трубку, вызывает для переговоров члена Викжеля, интернационалиста Хрулева.

— Здесь Пятницкий. Прощу тебя, товарищ Хрулев, информируй коротко, что у вас в Питере. Но только правду, одну только правду... Как товарищ Ленин? Председатель Совета Народных Комиссаров... Ага,

значит... — И, прикрыв рукой трубку, бросает окружившим его товарищам: — Власть в наших руках... И крепко! — Затем слушает дальше. Расходятся морщины на лбу. Лицо молодеет. Улыбка трогает полные губы. Все, что рассказывает Хрулев, прямо противоположно сообщению, полученному от Гара. А когда разговор с Питером окончен, старого конспиратора озаряет неплохая идея.

— Подождите-ка, товарищи, — задумчиво говорит Пятницкий. — А что, если нам установить на прямом проводе свой пост. Перехватчика. И чтобы слушать круглые сутки. А? Технически это возможно?

И прямой провод с Петроградом «оседлан» большевиками. С этой минуты все переговоры Московского бюро Викжеля с Петроградом взяты под неусыпный контроль. Мало этого, Ярославский вокзал начинает перехват всех телеграфных сношений полковника Рябцева со ставкой начальника штаба верховного главнокомандующего Духонина, с командующим Западным фронтом генералом Валугевым и другими.

Отныне Московский Военно-революционный комитет оказывается в курсе всех шагов, предпринимаемых врагами Советов извне Москвы.

Организовав нечто вроде первой службы разведки ВРК, Пятницкий поспешил в Московский Совет, чтобы рассказать товарищам о подлинном положении дел в Петрограде. Он был заряжен бодростью. Ему казалось, что эти добрые вести из столицы сразу же излечат излишне осторожных людей от неверия в собственные силы. Но в генерал-губернаторском особняке по-прежнему все чего-то ждали. Ногин находился в Кремле, где вел переговоры с Рябцевым и Рудневым. Как протекали эти переговоры, никто толком не знал. Из районов непрерывно звонили по телефону и настойчиво требовали указаний. Отряды Красной гвардии и солдаты, перешедшие на сторону революции, рвались в бой. И всякий раз их пыл охлаждался директивой ждать и воздерживаться от активных действий.

В этот же день в 7 часов вечера Ногин передал по телефону чудовищный по своей наглости ультиматум Рябцева. Да, да, именно ультиматум! Командующий военным округом, имея уже данные своей разведки о том, что большевики действуют нерешительно, что вооруженные силы революции топчутся на месте, и видя, что сам Ногин настроен более чем миролюбиво, бросился в кавалерийскую атаку. От имени Комитета общественной безопасности он предложил Военно-революционному комитету распустить себя в течение 15 минут по предъявлении ультиматума. В дальнейшем все члены ВРК и руководящие работники большевистской партии должны предстать перед «демократическим судом».

В случае, если по истечении 15 минут от Совета не будет получен ответ, здание, где он находится, подвергнется интенсивному артиллерийскому обстрелу.

Итак, большевикам предлагалась безоговорочная капитуляция.

Конечно, ультиматум был отклонен. Его не стали обсуждать. Меншевики вышли из Военно-революционного комитета. Партийный центр дал указание призвать пролетариат Москвы к всеобщей забастовке. И тут же было вынесено решение отправить председателя Совета Ногина обратно в Петроград.

Члены Партийного центра и ВРК разъехались по районам, чтобы привести в боевую готовность красногвардейцев и солдат.

Меншевики и эсеры с демонстративным пением «Интернационала» покинули здание Московского Совета. Им вдогонку кричали: «Палачи! Предатели! Крысы!...»

А юнкера и офицерские отряды начали планомерное наступление, продвигаясь к Скобелевской площади.

Небольшой отряд солдат-двинцев, шедший к Совету, был окружен на Красной площади превосходящими силами юнкеров. Тут уже гремели не одиночные выстрелы, а залпы. Произошел настоящий бой, пролилась кровь, и лишь немногим двинцам удалось прорваться через охватившее их кольцо юнкеров.

На улицах и площадях Москвы началась гражданская война, длившаяся без малого восемь дней и ночей.

Особенно тягостным, полным неудач, грозящих катастрофическими последствиями стал день 28 октября.

Утром комендант Кремля Берзин, обманутый Рябцевым, совершает непростительный шаг — он сдает Кремль.

Правда, уже накануне из Кремля была выведена рота 193-го запасного полка и с ней по указанию ВРК ушел и Емельян Ярославский — комиссар Кремля. Но еще оставались солдаты 56-го полка, преданные революции и готовые к борьбе не на жизнь, а на смерть. На собраниях ротных комитетов они единодушно заявили: «Мы Кремля не сдадим, нам все равно погибать, так лучше погибнем с оружием в руках». Да, у солдат было оружие, и если бы только нашелся человек, который бы повел их за собой, вовсе неизвестно, кто бы стал хозяином Кремля — они или юнкера Рябцева. Но Берзин под гипнозом идеи во что бы то ни стало избежать кровопролития уговорил их сложить оружие и открыть Троицкие и Боровицкие ворота.

Ворота распахнулись, и в них вошла смерть. Сдавших оружие солдат расстреливали из пулеметов у памятника Александру II и во дворе

арсенала. Сам Берзин, жестоко избитый офицерами и юнкерами, чудом избежал гибели.

Кремль превратился в крепость контрреволюции. Огромные запасы оружия и боеприпасов, хранившиеся в арсенале, стали безраздельной собственностью Комитета общественной безопасности.

Юнкера, потеснив немногочисленные и плохо вооруженные отряды красногвардейцев и солдат, пытаются развить наступление на Скобелевскую площадь со стороны Страстной — обстреливают из Страстного монастыря и Леонтьевского переулка из пулеметов здание Совета.

На улицах Москвы расклеен приказ Рябцева: «Кремль занят. Главное сопротивление сломлено, но в Москве еще продолжается уличная борьба. Дабы, с одной стороны, избежать ненужных жертв и чтобы, с другой, не стеснять выполнения всех боевых задач, по праву, принадлежащему мне на основании военного положения, запрещаю всякие собрания и всякий выход на улицы без пропусков домовых комитетов». И далее: «Предупреждаю, что в ответ на выстрелы из домов последует немедленно пулеметный и артиллерийский обстрел дома».

Пальцы Пятницкого гневно сжимают листок бумаги, доставленный «перехватчиками» с Ярославского вокзала. Это текст депеши, направленной 28 октября из ставки главнокомандующего полковнику Рябцеву. «Для подавления большевистского мятежа посылаю в ваше распоряжение гвардейскую бригаду с артиллерией с Юго-западного фронта. Начинает прибывать в Москву 30 октября с Западного фронта артиллерия с прикрытием. Необходимы решительные и совокупные действия для подавления выступления, повергнувшего страну в пропасть. Начальник штаба верховный главнокомандующий *Духонин*».

Миротворцы из Московского Совета миндальничали, уговаривали, пытались давить морально, а Рябцевы захватили Кремль, теперь — Духонин! Но пролетарская Москва взялась уже за оружие и не выпустит его из рук, пока своего не добьется. Да где же его найти, это оружие, где?

А вблизи здания Московского Совета уже шли горячие схватки. Юнкера почти окружили Скобелевскую площадь и продолжали наступать со стороны Охотного ряда и из переулков, прилегающих к Никитской улице. ВРК и его штаб выработали план прорыва белогвардейского кольца. Красногвардейцы и солдаты, оборонявшие Совет, предпринимали контратаки, нащупывая слабые места противника, чтобы попытаться прорвать кольцо. На площади рыли окопы и воздвигали баррикады.

Все труднее становилось членам Партийного центра и ВРК

непосредственно связываться с районами. Каждый из отправляющихся в район вооружался и брал двух-трех красногвардейцев. Пробирались темными переулками, вжимаясь в стены домов, укрываясь в подворотнях. То и дело звучали окрики: «Стой! Кто идет?» Посты Красной гвардии проверяли документы, а если посланный нарывался на офицерско-юнкерский патруль, приходилось отстреливаться. Пятницкий носил с собой два больших браунинга. Они оттягивали карманы пальто, а когда приходилось бежать, больно колотили цо бедрам.

Не исключая и того, что юнкера могут в конце концов захватить здание Совета, Партийный центр решил перебраться в Замоскворецкий район, чтобы оттуда организовать наступление на центр города. Да и связь с районами из Замоскворечья осуществлять было куда легче.

«Первое заседание Боевого партийного центра, — писал Пятницкий, — было на Трицкой в Союзе металлистов. Важнейшее решение, которое было принято, это чтобы инициатива была передана районам, и, наконец, все сошлись на том, чтобы Боевой партийный центр был перенесен в Замоскворечье, как главный пролетарский центр и единственно недурно вооруженный район.

С большим трудом удалось членам боевого центра 29 октября утром пробраться до Замоскворечья и занять Коммерческий институт.

Сведения, которые доходили до нас, были довольно неутешительными. Это был самый критический день для пролетарской Москвы. Замоскворецкий райсовет потребовал от нас берданочных патронов, а центральный ревком требовал, чтобы мы раздобыли трехлинейные итальянские патроны. Где было их взять?»

Оружия, оружия! Но откуда его взять, если арсенал и склады в руках противника? Откуда? Постойте-ка, друзья! И Пятницкий обращается к своим боевым товарищам — членам Военно-революционного комитета Железнодорожного района.

— Хорошо бы мобилизовать побольше народа да как следует пошукать по запасным путям и Николаевского, и Ярославского, и Казанского вокзалов. Ведь военные перевозки-то не прекращались!

И вот в Коммерческое училище (ныне институт имени Плеханова), куда временно перебрался Партийный центр, буквально врываются несколько товарищей из Железнодорожного райкома. Глаза сияют. Лица радостно возбуждены.

Нашли. Есть оружие!

Маша Черняк, не в силах сдержать возбуждение, кричит:

— Понимаешь, вагоны с винтовками... На Казанской... Мы их

отцепили и поставили охрану.

Бросив все дела — нет сейчас ничего важнее оружия! — Пятницкий забирается на грузовичок, принадлежащий железнодорожникам, и вместе с ними едет на Казанский.

Вот они, вагоны с таким необходимым грузом. Штабеля новехоньких трехлинейных винтовок. Пахнет сталью и машинным маслом. Ни с чем не сравнимое богатство. Их около 40 тысяч. Достаточно, чтобы вооружить две полные дивизии.

Тут же, с Казанского вокзала, Пятницкий говорит по телефону с районными ВРК: «Есть оружие. Немедленно присылайте за ним на Казанский вокзал».

Грузовики из Хамовников, из Лефортова, из Басманного, из Замоскворечья... Красногвардейцы бережно прижимают к груди винтовки. И в радостной суете как-то забывается одна печальная истина: винтовки без патронов в лучшем случае могут быть использованы как дубины. А патронов нет как нет!

Но вот и Симоновские пороховые склады в руках Красной гвардии. Теперь 40 тысяч винтовок начинают стрелять. Да еще как! Вновь захвачены почтамт и главный телеграф. От юнкеров очищены Курско-Нижегородский и Александровский вокзалы и Крымские интендантские склады. Районные дружины со всех сторон охватывают центр и неотвратно усиливают давление. А Скобелевская площадь — наконец-то доставлена артиллерия — грозно заговорила басовитым голосом трехдюймовых орудий.

Обстановка в Москве складывается явно в пользу Советов. Правда, все еще сохраняется опасность, что Руднев — Рябцев могут получить помощь извне. Пущен слух, что по Александровской дороге с Западного фронта движутся к Москве 38 эшелонов то ли казаков, то ли верных Временному правительству частей кавалерии. Навстречу послали начальника разведки ВРК товарища Максимова, поручив ему тщательно проверить слухи и в случае необходимости принять любые, самые решительные меры.

Но не в казаках и гусарах, так и не добравшихся до Москвы, которая, по выражению командующего Западным фронтом генерала Валуева, должна была, «как собирательница России, соединить всех верных сынов ее и спасти родину», таилась угроза побеждающей революции. На арену борьбы выступил Викжель.

Правые эсеры и меньшевики, засевшие во Всероссийском исполнительном комитете союза железнодорожников, возомнили себя «спасителями России».

Потерпев сокрушительное поражение как в Петроградском, так и в

Московском Совете, они решили теперь отыгаться, используя свое влияние на железнодорожников. Им представлялось, что, закрыв семафор перед локомотивом революции, то есть отказывая новому Советскому правительству в необходимых транспортных перевозках, они будут диктовать свою волю. С этой целью 29 октября Викжель принял резолюцию, в которой призывал создать новое, так называемое «однородное социалистическое правительство». В него должны были войти представители всех партий — «от большевиков до народных социалистов». Это предложение больше всего напоминало ультиматум, ибо викжелевцы угрожали приостановить все железнодорожное движение, если их резолюция будет отвергнута.

В тот же день на заседании ЦК в отсутствие Ленина было принято решение вступить в переговоры с Викжелем. Для переговоров выделили Каменев, Сокольников и Рязанов. Вопреки прямому указанию ЦК вести переговоры лишь при условии обязательного признания Викжелем решений II съезда Советов Каменев продолжил переговоры, несмотря на явно контрреволюционную установку Викжеля.

«Ясно, что Викжель стоит на стороне Калединых и Корниловых, — говорил на следующем заседании ЦК Ленин. — Колебаться нельзя. За нами большинство рабочих и крестьян и армии. Здесь никто не доказал, что низы против нас; либо с агентами Каледина, либо с низами. Мы должны опираться на массы, должны послать в деревни агитаторов. Викжелю было предложено доставить войска в Москву, он отказал, мы должны апеллировать к массам, и они его сбросят»^[10].

Ленин был категорически против продолжения переговоров с Викжелем. Но некоторые народные комиссары, и среди них члены ЦК Каменев, Зиновьев, Рыков, подали в отставку, считая, что необходимо организовать правительство из представителей всех социалистических партий.

Нечто подобное происходило и в Москве. Бюро Викжеля предъявило ультиматум ВРК и Комитету общественной безопасности с требованием объявить перемирие и начать переговоры. Произошло это как раз 29 октября, когда перевес сил явно был у большевиков.

Поставив Партийный центр перед фактом, ВРК согласился и на перемирие и на переговоры, выделив для их ведения П. Г. Смидовича, П. И. Кушнера и Н. И. Мурадова.

Один викжелевец торжествующе сообщил своим единомышленникам в Петроград: «В Москве бог знает что творится, стреляют на улицах. Мы согласились предъявить ультиматум той и другой стороне; если

большевики будут упорствовать, мы объявим забастовку и введем войска в Москву и направим против них...»

Таковы были замаскированные под «абсолютную нейтральность» и «миролюбие» далеко идущие намерения Викжеля. Заставить большевиков встать на колени. Принудить их на создание коалиционного органа, обладающего чрезвычайными полномочиями, в котором большевики оказались бы в меньшинстве.

С особой охотой на переговоры пошло руководство Комитета общественной безопасности. Руднев и Рябцев рассчитывали использовать 24 часа перемирия для собирания уже порядком потрепанных и растерявшихся сил контрреволюции.

Районы гневно протестовали против этой навязанной им центром оттяжки. Ведь теперь они получили оружие, и каждый час борьбы наращивал их боевую мощь, убеждая в близкой и окончательной победе.

Пятницкий, уже несколько месяцев проработавший среди железнодорожников и изучивший повадки викжелевских «бонз», лучше других понимал, что все эти переговоры ни черта не стоят, что они не более чем очередной маневр противника, и сразу же занял резко отрицательную позицию. Но тут вновь сказались и некоторая несогласованность действий у Партийного центра и ВРК, и авторитет отдельных, весьма уважаемых товарищей. Говоря короче, представители ВРК в согласительной комиссии уступали одну позицию за другой и в конце концов под нажимом Викжеля согласились и на IV пункт соглашения, предполагающий образование нового органа власти. Одновременно они проголосовали за продление перемирия еще на 12 часов.

Вновь вмешался Партийный центр. По его указанию Московский Военно-революционный комитет отказался продлить перемирие и отверг проект соглашения Викжеля.

В 12 часов ночи на 31 октября штаб Военно-революционного комитета отдал приказ открыть артиллерийский огонь по всем объектам, находившимся в руках контрреволюции.

И теперь уже не было и не могло быть такой силы, которая способна была остановить или хотя бы задержать фронтальное наступление вооруженной пролетарской Москвы.

2 ноября сопротивление противника было окончательно сломлено.

Вот несколько донесений из сводки помощника начальника разведки ВРК товарища Федотова.

6 часов 20 минут: «Сейчас гостиница «Метрополь» обстреливается нашими орудиями. Оттуда отвечают пулеметным огнем очень сильно...

Сейчас наши перешли в гостиницу «Континенталь» и оттуда ружейным огнем обстреливают «Метрополь». Прикрытия у орудия мало. В Охотном ряду стоит наша застава для отражения перебежки из «Метрополя»...»

И часов 40 минут: «В Кремле войска почти нет, только стоят пулеметы...»

1 час 25 минут: «Нами заняты Дума и Исторический музей, а также вышли на Красную площадь в Иверские ворота и засели в домах...»

5 часов: «От университета юнкера отходят, наши подходят к нему (старому). По Моховой обстрел с верхних этажей дома. Наши солдаты снуют во всю улицу, пробираются к Никитским воротам от Кремля. В Китай-городе много наших».

9 часов 30 минут: «Кудринская площадь занята революционными войсками».

Так непосредственно, буквально под ружейным и пулеметным огнем противника, фиксируется каждый шаг вперед, сделанный в тот памятный день солдатами Октября.

Все уже ясно. Враг сломлен и силою оружия, и морально: бегут и прячутся по домам «белые рыцари», собравшиеся под стяг Комитета общественной безопасности. Что остается господам Рудневу и Рябцеву? 2 ноября в 7 часов 15 минут они передают свое заявление Военно-революционному комитету.

«Артиллерийский расстрел Кремля и всей Москвы не наносит никакого вреда войскам, а разрушает лишь памятники и святыни и приводит к избиению мирных жителей. У нас возникают пожары и начинается голод. Поэтому в интересах населения Москвы Комитет общественной безопасности ставит Военно-революционному комитету вопрос: на каких конкретных условиях Военно-революционный комитет считает возможным прекратить военные действия? С своей стороны Комитет общественной безопасности заявляет, что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом, перейдя к методам борьбы политической и представляя будущему разрешению в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах».

Партийный центр решил: никаких компромиссов с предателями революции. Полная сдача, немедленная ликвидация этой опасной безопасности, и весь разговор!

Но и на этот раз большинство ВРК обошло указание Партийного центра и проявило чрезмерную гуманность к белогвардейцам, очень скоро

обернувшуюся против революции.

Во время обсуждения вопроса об условиях организации сдачи и разоружения юнкеров явилась делегация от шести «социалистических партий» во главе с меньшевиком Ст. Вольским. Они красноречиво, взывали к «классовой солидарности», «революционному великодушию» и т. п. И представлявшие ВРК П. Г. Смидович и В. М. Смирнов, поддавшись на их уговоры, подписали весьма рискованный и невыгодный власти Советов договор.

В нем были такие пункты:

«2. Белая гвардия возвращает оружие и расформируется. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружия. В юнкерских училищах сохраняется лишь оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности».

«5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются...»

Что это означало? Прежде всего тысячи офицеров — непримиримейших врагов революции не только оставались на свободе, но и сохраняли свое личное оружие. Таким образом, им были созданы все условия для организации контрреволюционного подполья, или, употребляя современную терминологию, «пятой колонны».

Далее. Можно ли было за скоротечные часы выполнения договора установить, сколько оружия необходимо для «обучения юнкеров»? И как представляли себе члены ВРК дальнейшую судьбу юнкерских училищ? И наконец, соглашаясь на немедленное освобождение «всех пленных», ВРК невольно поставил в один ряд идеологов и организаторов контрреволюционного выступления со слепыми исполнителями их приказов.

Когда Смидович и Смирнов познакомили Партийный центр и ВРК с окончательным текстом уже подписанного ими договора, Пятницкий назвал его «непростительной близорукостью и глупостью» и потребовал, чтобы его не утверждали. И. Стуков сказал:

— Я буду голосовать против утверждения такого договора. В нем есть пункт, что юнкера остаются с оружием, якобы необходимым им для продолжения обучения военному искусству. Так неужели, товарищ, вы и вправду думаете, что юнкерские училища останутся и в них, как и в старые времена, будут продолжать свое обучение юнкера?

Но большинством голосов собравшихся текст договора был утвержден.

К счастью, рабочие и солдатские массы во многом исправили мягкотелую позицию своих руководителей. Разоружая белогвардейцев, они меньше всего заботились о том, чтобы сохранить офицерам их личное оружие. Наганы, браунинги, маузеры, шашки с георгиевскими и анненскими темляками становились собственностью бойцов революции.

Собравшиеся 3 ноября в Московском Военно-революционном комитете представители районных ВРК гневно требовали аннулирования договора, полного изъятия оружия, ареста и расстрела главарей контрреволюции.

Выступая от имени ВРК с докладом на заседании Московского Совета, Г. А. Усиевич вынужден был признать, что «наша масса, рабочие и солдаты, все время упрекали Революционный комитет в медлительности, упрекали в нерешительности действий.

...От нас требовали решительных действий, чтобы сокрушить силу юнкеров и офицеров, чтобы обеспечить наш тыл».

Как показало ближайшее будущее, правы оказались массы. «Честное слово» белогвардейцев осталось на бумаге, годной разве что на растопку.

НУЖЕН ЗЕЛЕНЬИЙ

В краткой автобиографии, написанной для общества старых большевиков, Осип Пятницкий сообщал: «...С марта 1917 года по июль 1920 года я работал в железнодорожных организациях. Я был организатором Железнодорожного района Московской организации партии, председателем районного Совета железнодорожного узла, одним из организаторов Московского и Всероссийского съезда мастеровых и рабочих, после его съезда — членом Викжедора, председателем объединенного профсоюза железнодорожников».

Но раньше чем начать рассказ о той огромной работе, которую Пятницкий вел среди железнодорожников, следует хотя бы коротко охарактеризовать состояние «железнодорожной державы» к началу великих событий Октября 1917 года.

Не говоря уже о том, что «путейцы» — инженеры путей сообщений, так же как и горные инженеры, принадлежали к аристократической верхушке русской интеллигенции, образуя некую замкнутую касту, придерживавшуюся весьма консервативных взглядов, так называемое «среднее звено»: начальники станций и их помощники, машинисты, оберкондукторы, конторские служащие и телеграфисты, материально лучше обеспеченные, нежели промышленные рабочие, представляли собой ту среду, в которой появлялись и множились самые разнообразные антиреволюционные течения.

Как известно, ни царское правительство, ни Временное, образованное после Февральской буржуазной революции, не считали возможным проводить мобилизацию среди рабочих и служащих железнодорожного транспорта. Оказавшись в исключительном положении, верхушка служб пути, тяги, движения возомнила себя государством внутри государства и в 1917 году сделала попытку вмешаться в ход революционных событий.

Викжель — Всероссийский исполнительный комитет профессионального союза железнодорожников — избран был на I Всероссийском учредительном съезде железнодорожников, состоявшемся в Москве в июле — августе 1917 года. В Викжель прошли главным образом правые эсеры и меньшевики. Избрав местом пребывания своего центра Москву, а не Петроград, Викжель, хотя и поддерживал по всем основным вопросам правительство Керенского, всячески подчеркивал свою самостоятельность, оставляя за собой право вмешательства и вето. Когда

же власть в Петрограде перешла к Советам, Викжель, неуклюже маскируясь под «нейтральность» и роняя крокодиловы слезы по поводу «озер крови», пролитых большевиками, попытался закрыть семафор на победоносном пути Октября.

Всеми способами препятствуя отправке революционных отрядов из Питера в помощь сражавшейся пролетарской Москве, Викжель 29 октября принял резолюцию, призывая в ней создать вместо Совета Народных Комиссаров новое, так называемое «однородное социалистическое правительство», в которое бы вошли представители всех партий — «от большевиков до народных социалистов». «Призыв» этот носил явно ультимативный характер, ибо Викжель в случае непринятия предложения угрожал приостановкой всего железнодорожного движения, что, естественно, могло принести стране огромные бедствия. И надо признать, что на некоторых слабонервных членов ЦК партии большевиков удар викжелевского кулака по столу произвел неизгладимое впечатление. Во всяком случае, Каменев и Сокольников, принявшие по поручению ЦК участие в совещании, и Рязанов, представлявший ВЦИК, заняли очень расплывчатые, соглашательские позиции, и даже после того, когда на совещании был поставлен вопрос о подмене ВЦИК «народным советом» и образовании правительства во главе с Черновым или Авксентьевым, настаивали на продолжении переговоров. В дальнейшем их точку зрения поддержали Зиновьев, Рыков, Ногин, Милютин, Ларин, что вынудило Центральный Комитет принять 2 ноября суровую резолюцию по вопросу об оппозиции внутри ЦК.

Эсеровско-меньшевицкое руководство Викжеля праздновало победу — ему удалось на время вбить клин между ленинским большинством и так называемыми «умеренными» членами Центрального Комитета.

Вернувшегося из ссылки Пятницкого Московский комитет, как мы помним, направил на работу в Железнодорожный район.

Начал Осип с того, что, случайно узнав о созыве районного Совета, отправился туда по поручению райкома партии вместе с Гришиным-Аронштамом. Думал, что сразу же грянет бой, так как и в исполкоме и в президиуме засели почти сплошь правые эсеры.

Собрание Совета происходило в парадных комнатах (бывшем царском павильоне) Николаевского вокзала. Пришло около сорока делегатов. Но ни председатель, ни члены президиума почему-то не явились. Воспользовавшись этим, Пятницкий и Аронштам стали беседовать с делегатами, нажимая на то, что их руководители зазнались и вот, пожалуйста, назначили заседание, оторвали людей от дела, от семьи, а

сами-то и не пришли. Барское, наплевательское отношение к массам! И тут рабочий мастерских Северной дороги, некто Лукичев, тоже из эсеров, неожиданно предложил:

— Нечего их дожидаться. Собирались, так давайте проводить. А председателем предлагаю избрать товарища Пятницкого.

Выбрали единогласно. И, быстро учтя обстановку, Пятницкий тут же предложил назначить через несколько дней новое заседание Совета и переизбрать на нем исполком и президиум, которые ни черта не делают. На том и договорились.

Естественно, что за эти дни райком партии соответствующим образом подготовился к предстоящему заседанию. Большевики пришли на него небольшой, но сплоченной группой с четко разработанной программой действий. Кроме Пятницкого и Аронштама, в заседании приняли участие Амосов, Савельев и другие.

И опять никакого «боя» не произошло. То ли эсеровское руководство было излишне уверено в своем решающем влиянии на железнодорожников, то ли оно не расчухало, что означало появление на арене такого человека, как Пятницкий, обладавшего железной хваткой и особым талантом организатора, но только его вновь выбрали председательствующим, а когда дело дошло до переизбрания исполкома, в новый состав его прошел и он, и Амосов, и Аронштам, и еще несколько большевиков. И хотя большинство вновь избранного исполкома составляли эсеры и меньшевики, председателем его единогласно был выбран Пятницкий, а секретарем — Аронштам.

Так завершился первый и немаловажный этап борьбы за завоевание железнодорожников. Районный Совет фактически стал большевистским.

Эсеры и меньшевики из Московского Совета решили воспрепятствовать этому. Меньшевики направили в районный Совет своего инструктора, а от эсеров заявился некто Климин, представившийся «старым революционером и каторжанином». Но и «каторжанин», несмотря на свой устрашающий вид: буйную растрепанную бородищу и мечущий молнии взгляд, сделать уже ничего не смог. Совет, захваченный большевиками, перешел от краснобайства к конкретной защите интересов железнодорожных рабочих, требуя от Министерства путей сообщения увеличения оплаты труда, решения продовольственного вопроса и т. д.

Простота, ясность, доступность агитации, проводимой большевиками, создавали им все более прочные позиции среди рабочих Московского железнодорожного узла — крупнейшего в России (он был как бы перекрестком 11 дорог). И в конце концов вышло так, что именно

Железнодорожный районный Совет стал опорным пунктом борьбы большевиков с пресловутым Викжелем.

По существу, первое столкновение организаций Железнодорожного района Москвы с Викжелем произошло сразу же после его образования.

Дело было так. Учредительный съезд принял решение взимать с каждого железнодорожника один процент жалованья в пользу Викжеля. И «изъятие» этого процента проходило чисто механически: прямо через бухгалтерии железных дорог.

А рабочие Московского узла платить этот процент не хотели, и правление профсоюза мастеровых и рабочих было за открытое объявление войны Викжелю. «Не платить взносов, и точка, — бушевали члены правления. — Соберем митинги, проголосуем за то, чтобы не платить членских взносов, и тем самым нанесем удар Викжелю извне».

Пятницкий был другого мнения. Прежде чем нанести решающий удар, считал он, надо во всей России, а не только в одном городе создать опору в лице союза мастеровых и рабочих. А до этого следует войти во все организации Викжеля на местах и работать в них засучив рукава, приобретая влияние на широкие массы железнодорожников. Поэтому нет смысла начинать войну из-за этого самого одного процента. Черт с ними, пусть подавятся!

Итак, на большевистском активе Железнодорожного района обсуждались два предложения: Амосова — надо бить по Викжелю извне, бить немедленно, и Пятницкого — применить тактику взрывания Викжеля изнутри. Актив огромным большинством поддержал Пятницкого, и надо сказать, что и Амосов со своими единомышленниками энергично взялись за прокладывание замаскированного бикфордова шнура внутри всех организаций Викжеля.

Одним из первых тактических ударов, направленных против «всевластия» Викжеля, стала подготовка съезда для создания Всероссийского союза мастеровых и рабочих. В Петрограде такой профсоюз был уже организован, в Москве к этому шло. И в сентябре 1917 года в Москве, в помещении Викжеля, было проведено заседание организационного бюро по созыву предстоящего съезда. От профсоюза железнодорожников Московского узла в эту пятерку входили Пятницкий и Амосов, от петроградцев — Ананичев и Гаврилов и непосредственно от викжелевского руководства — рабочий Анюточкин (позже его заменил Вомпе, а перед самым съездом — Бальбатов. И Вомпе и Бальбатов — большевики).

Организационное бюро действовало слаженно и энергично. Уже на

втором его заседании были определены и срок созыва съезда, и место, и порядок выборов делегатов. Обо всем этом через аппарат Викжеля даны были обстоятельные телеграммы по всей сети российских железных дорог. Так, о сем не ведая, Викжель уподобился Сатурну, породившему на свою погибель Юпитера.

Однако события чрезвычайной важности — Октябрьское восстание в Петрограде и Москве — отодвинули срок созыва съезда на 10 декабря, и открылся он не в Москве, а в Петрограде.

А пока Железнодорожный район стал одним из действующих — и очень активно! — персонажей героической эпопеи под названием Октябрьские дни в Москве.

Пятницкий за долгие годы своей партийной деятельности слишком хорошо изучил как лидеров, так и средних функционеров меньшевиков и эсеров, чтобы хоть на минуту усомниться в той контрреволюционной позиции, которую должен был занять Викжель. Но и его поразили наглость и самоуверенность этих «генералов» железнодорожной державы, полагающих, что им удастся поставить на колени победивший трудовой народ только потому, что они контролировали — так им казалось! — все магистрали, перерезающие Россию вдоль и поперек.

Надо было как можно скорее показать, что они только «генералы», не имеющие за собой армии, убедить сотни тысяч железнодорожных мастеровых и рабочих, что их «генералы» мало чем отличаются от Красновых и Корниловых, надо было сделать все возможное и невозможное для того, чтобы все семафоры поднялись и вспыхнули спокойным зеленым светом, открывая путь Октябрьской революции.

Да, нужен был зеленый, и Пятницкий вместе с товарищами из Железнодорожного района делал все, чтобы он наконец загорелся.

Викжель, ультиматум которого был отвергнут Центральным Комитетом партии, все еще пытался противодействовать молодой Советской власти. С этой целью на 20 декабря назначен был Чрезвычайный съезд всех железнодорожников. Ничего хорошего ждать от этого съезда не приходилось. Корпоративные союзы и союзики объединяли главным образом реакционные элементы от меньшевиков и эсеров до черносотенцев, ратующих за восстановление «помазанника божьего» из дома Романовых.

Надо было создать крепко организованную, противоборствующую силу, которая смогла бы вмешаться в ход работы Чрезвычайного съезда.

Вот почему Пятницкий настоял, чтобы созвать Всероссийский съезд мастеровых и рабочих незадолго до открытия Чрезвычайного съезда, то

есть 10 декабря.

Пятницкий, выдвинутый большевистской фракцией делегатов Московского узла в председатели съезда, приехал в Петроград 11 декабря. Из 300 делегатов по крайней мере четыре пятых принадлежали к большевикам. Левых эсеров насчитывалось всего лишь около тридцати, да столько же меньшевиков, преимущественно «новожизненцев».

Под руководством Пятницкого съезд работал дружно и целеустремленно. Безоговорочно осудив позицию, занятую Викжелем, съезд принял устав, избрал правление союза и направил на общий Чрезвычайный съезд всех железнодорожников свою делегацию в составе 78 человек, представлявших 390 тысяч рабочих и мастеровых со всех дорог России. Эта группа, спаянная и сплоченная едиными классовыми интересами, точно знающая, чего она хочет, вошла в аморфную разобщенную среду делегатов съезда, как раскаленный нож в масло.

Руководство Викжеля, пригласившее на съезд лидеров всех партий, потерпевших сокрушительные поражения в дни Октября: Чернова, Церетели, Чайковского, Мартынова и многих других, пыталось еще раз дать бой большевикам и Советскому правительству.

Поименным голосованием, применяя всякого рода недозволенные махинации (дав, например, право голосовать всем членам Викжеля, не избранным на съезд), заправила Викжеля добились того, что большинством в двенадцать голосов съезд высказался за Учредительное собрание, то есть против власти Советов.

Тотчас же по опубликовании результатов голосования все большевики, а за ними левые эсеры и часть «новожизненцев» покинули съезд и на другой день объявили себя Чрезвычайным съездом.

По существу, песенка Викжеля была уже спета. Потеряв влияние на широкие массы, его руководители окопались в мелких корпоративных профсоюзах и родили еще одну пустопорожнюю надстройку — федеративный совет под названием «Всепрофжель».

А тем временем новый Чрезвычайный съезд работал спокойно и плодотворно. Он принял новый тариф заработной платы, утвержденный Советским правительством, разработал положение об органах на железных дорогах и избрал свой центральный орган — Викжедор, то есть Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников. По существовавшей тогда структуре именно Викжедору предоставлялось право выделить коллегия НКПС и народного комиссара путей сообщения, которые были потом утверждены Совнаркомом.

Одним из руководителей Викжедора стал Осип Пятницкий — в

последующем председателем Объединенного профсоюза железнодорожников.

Вот как получилось, что спустя два месяца после установления Советской власти на всех железных дорогах республики для нее зажегся зеленый свет.

Вспоминая о сумасшедших днях, полных страстных споров и разного рода тактических приемов, Пятницкий спустя несколько лет писал: «Некоторых активных членов из бюро фракции большевиков Чрезвычайного съезда сильно волновало то обстоятельство, что нам не удалось получить большинство на съезде и что мы не дотянули еще на 12 голосов — тогда не было бы раскола, ибо с.-р., и меньшевики, и другие, будучи в меньшинстве, не ушли бы. Достигнуть мы могли бы этого, ибо, несмотря на то, что во фракции была довольно строгая дисциплина, кое-кто во время бесконечных дискуссий отправился домой за провизией и бельем (делегаты двух съездов провели в Питере почти два месяца), таким образом, конечно, кое-кто при голосовании отсутствовал. Я тогда не жалел об этом и теперь, спустя 5 лет, вижу, что жалеть не о чем было, ибо если бы тогда, в послеоктябрьские дни, нашей партии не удалось бы определенно и ясно по вопросу о пролетарской диктатуре противопоставить пролетарские элементы буржуазным и мелкобуржуазным элементам на железных дорогах, то после это было бы очень трудно сделать, как показывает опыт Германии и Америки, где и по сей день имеются такие же союзы отдельных служб, как это было у нас в эпоху Керенского».

Викжель, Викжедор, Всепрофжель... В этих скрежещущих металлом названиях как бы слышится отзвук скрецающихся клинков...

В статьях и воспоминаниях О. Пятницкого в предельно сжатой форме повествуется лишь о самом главном — событиях и явлениях, порой бурных и стихийных, вправляемых в необходимое русло могучей волей Коммунистической партии. И только вскользь, предельно скупое упоминает он о своем участии в этих событиях. Поэтому о многом мы можем только догадываться, исходя из логики событий и пользуясь свидетельствами немногих оставшихся в живых товарищей и соратников Пятницкого.

М. Черняк отмечает, что характерной для Пятницкого была линия на связь с массами, с отдельными рабочими, с отдельными беспартийными, на всех дорогах везде были партийные организаторы. Не было уголка на железной дороге, куда не проникали большевики.

Так вот, создание Викжедора, чему Пятницкий отдал много сил и энергии, было, понятно, временной мерой, скорое даже пробным камнем на пути дальнейшей организации железнодорожников. И Пятницкий отлично

это понимал. Викжедор, похоронивший реакционный Викжель, что само по себе являлось огромнейшим успехом, превратился в довольно странный орган, совмещавший функции и Военно-революционного комитета, и профсоюзов и действовавший параллельно с Народным Комиссариатом путей сообщения, сплошь и рядом подменяя его не только в политической, но и во всей административной деятельности на железнодорожном транспорте. Начались трения, неувязки и даже борьба самолюбий.

Долго так продолжаться не могло! Теперь ведь нужен был не орган по укреплению Советской власти на дорогах, но мощный, единый профессиональный союз рабочих и служащих железнодорожного транспорта.

Решить, однако, эту задачу было не так-то просто. Во-первых, потому, что очень многие коммунисты, занимавшие административные посты на дорогах, полагали, что при Советской власти профсоюзы железнодорожников вообще не нужны, ибо об интересах рабочего класса заботится сама рабоче-крестьянская власть. И в подкрепление своей точки зрения они ссылались на уже существующие «профсоюзы» — целых четырнадцать, во главе которых стояли и меньшевики, и правые эсеры, и даже монархисты. Вы видите, что представляют собой эти профсоюзы, их надо разогнать, а вовсе не объединять в целую, а значит, и более сильную организацию.

Во-вторых, существовал так называемый Всепрофжель, «руководивший» этими многочисленными корпоративными профсоюзиками, а в нем окопались бывшие викжелевские воротилы. Просто прихлопнуть его было бы и недемократично и нерасчетливо, так как среди все еще по инерции тянущихся за ним железнодорожников немало было честных рабочих и служащих, которых следовало перевоспитать и перетянуть на сторону Советской власти.

Пятницкий предложил использовать ту же тактику, которая так блестяще оправдала себя в борьбе с Викжелем, — взрыв Всепрофжеля изнутри. Но как же к этому приступить? Пятницкий разработал следующий план: фракция коммунистов Центрального правления союза мастеровых и рабочих с одобрения Железнодорожного райкома партии выразит согласие войти во Всепрофжель, но при одном «маленьком» условии. Всепрофжель, в свою очередь, должен войти в ВЦСПС и подчиняться всем его решениям. Кроме того, из профсоюзов, объединяемых Всепрофжелем, следовало исключить весь бывший высший персонал железнодорожных служб и тем самым порушить принцип «от министра до смазчика». И Всепрофжель в конце концов принял эти ультимативные требования.

В марте и апреле 1918 года начались переговоры, напоминавшие дебаты в парламенте. И вот тут-то Пятницкому пришлось скрестить оружие с Лозовским, выбранным секретарем Всепрофжеля. В ту пору Лозовский не был членом Коммунистической партии, а возглавлял собственную малочисленную партию левых социал-демократов интернационалистов. Лозовский был опытейшим профессионалистом, знатоком международного профсоюзного движения, эрудитом и недюжинным оратором. И он решительно выступил против объединения всех карликовых профсоюзов в один мощный централизованный профсоюз.

На окружную конференцию всех служб в Петрограде Всепрофжель направил двух своих представителей: «сепаратиста» Лозовского и «антисепаратиста» Пятницкого.

И тут они опять схватились, потому что Лозовский продолжал почему-то поддерживать идею корпоративных профсоюзов.

Но конференция избрала своим председателем Осипа Пятницкого и этим самым сразу же показала, за кем пойдет.

Основной — и очень обширный — доклад сделал Лозовский. Он настаивал отложить объединение до Всероссийского съезда железнодорожников. Но единственное, чего удалось ему добиться, это перенесения вопроса на обсуждение и решение Президиума ВЦСПС.

ВЦСПС высказался за созыв объединенного съезда, назначенного на середину февраля 1919 года. Пятницкий незамедлительно принялся за его подготовку. Он не сомневался, что, несмотря на противодействие Лозовского и все более редющего отряда его единомышленников, съезд поставит наконец точку на той неразберихе и организационных неполадках, которые царили на транспорте, нарушая ритмичность и бесперебойность его работы.

Пятницкий засел за составление проекта и устава будущего единого профсоюза. Когда он был написан и одобрен большевистской фракцией Викжедора, райкомом партии и правлением союза мастеровых и рабочих, его отпечатали в большом количестве экземпляров и распространили среди железнодорожников. Простота, ясность и четкость формулировок устава пришлись по душе рабочим. На съезде мастеровых и рабочих, где происходило избрание делегатов на общий съезд, устав был принят почти единодушно.

Наконец-то единый профессиональный союз железнодорожников был образован и на арену напряженнейшей борьбы за упрочение власти Советов вступил новый орган, его Центральный Комитет (Цекпрофсоюз), председателем которого стал Осип Пятницкий.

Дел у Цекпрофсожа выше головы. Прежде всего создать свои организации на всех станциях всей сети железных дорог и попутно распустить существующие там осколки старых профсоюзов. И все это в борьбе с меньшевиками, эсерами и откровенными черносотенцами.

Покончить с вредившей делу «самостийностью» железнодорожной державы. Передать школы, медико-санитарное дело, страхование, собес и прочая соответствующим органам Советской власти на местах. Раз и навсегда установить сферы действия НКПС и Цекпрофсожа, чтобы впредь не наступать друг другу на мозоли.

Но ведь оставались и общие задачи, стоявшие перед всей республикой, быстрое и верное решение которых означало жизнестойкость нового социалистического строя.

1919 год был тягостным, безмерно трудным для Советского государства. Достаточно посмотреть карту России того времени, исчерченную черными волнистыми линиями фронтов с жирными черными стрелами, остриями нацеленными на сердце республики — Москву, чтобы понять, как катастрофически трудно было отражать удары врага и находить внутренние ресурсы для обороны стиснутой со всех сторон, похожей на остров Республики Советов.

В эти критические дни Пятницкий предложил провести мобилизацию некоторых категорий железнодорожников на фронты гражданской войны. Он полагал, что при разумном подходе к решению этого вопроса в Красную Армию можно будет направить несколько десятков тысяч бойцов, без особого вреда для транспорта. Ведь к началу 1919 года Советская республика имела на своей предельно сжатой территории совсем немного дорог. А огромные массы эвакуированных железнодорожников, временно приписанные к этим дорогам, по существу, не могли быть эффективно использованы. Проведя тщательную проверку, Пятницкий внес во фракцию Цекпрофсожа и исполнительную комиссию Железнодорожного райкома партии предложение о мобилизации. Горячо одобренное, оно осуществилось быстро и четко. Соответствующий декрет и инструкция к нему были подготовлены и переданы в Реввоенсовет республики, и Красная Армия получила так необходимое ей подкрепление.

Почти одновременно с мобилизацией, тоже в апреле 1919 года, по инициативе железнодорожников Московского узла осуществлено было и другое начинание гигантского исторического значения.

Председатель Цекпрофсожа Пятницкий продолжал работать и в районном комитете партии. Райком прикрепил его к ячейке депо станции Сортировочная Московско-Казанской железной дороги. Именно в этой

ячейке родилась мысль о проведении субботника для бесплатного ремонта паровозов. Предложение это на собрании ячейки сделал рабочий Бураков. Ему сказали: «О таких вещах лучше не говорить. Надо сперва сделать, а потом и докладывать».

Коммунисты и беспартийные рабочие депо станции Сортировочная в ближайшую же субботу после работы с огромнейшим энтузиазмом принялись за дело и отремонтировали один паровоз. И вот уже пленум райкома и делегатское собрание, выслушав сообщение о первом субботнике, проведенном рабочими депо, принимают решение: обязать все ячейки РКП (б) Московского узла осуществить у себя почин коммунистов со станции Сортировочная.

Районный комитет партии и Цекпрофсож правильно расценили этот стихийный порыв рабочих — выражение их любви и беспредельной преданности своему первому в мире рабоче-крестьянскому государству, и сделали все от них зависящее, чтобы движение, носившее в себе зерно коммунистического отношения к труду, распространилось по всем дорогам республики и приняло всероссийский масштаб. Вслед за Казанской дорогой субботники стали постоянной практикой и остальных магистралей республики. Приехав в Гомель, Пятницкий присутствовал и выступал на собрании железнодорожников, постановивших поддержать почин своих товарищей из депо станции Сортировочная.

Отныне десятки и сотни тысяч голодных, оборванных, едва оправившихся после тифа железнодорожников после целого трудового дня работали безвозмездно на благо Советской республики. Сколько паровозов, сколько вагонов и платформ дополнительно получил транспорт благодаря этим не знавшим усталости рабочим рукам! А осенью этого же 1919 года Пятницкий и другие члены бюро Цекпрофсожа, объезжая Урал и Сибирь, с радостью видели, как благодаря этим же субботникам вне всяких возможных сроков восстанавливаются пути и железнодорожные мосты, разрушенные Колчаком.

Ссылаясь на статью товарища А. Жука — первого организатора субботников на Московском узле Казанской дороги (напечатана в «Правде» от 17 мая — «Работа пореволюционному (Коммунистическая суббота)»), Владимир Ильич писал:

«Так и мы можем сказать, что первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 года железнодорожными рабочими Московско-Казанской железной дороги в Москве, имеет большее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга или Фоша и англичан в империалистической войне 1914–1918 годов».

И далее: «Коммунистический субботник железнодорожных рабочих Московско-Казанской дороги есть одна из ячеек нового, социалистического, общества, несущего всем народам земли избавление от ига капитала и от войн»^[11].

А Пятницкий, частенько посещая ячейку депо станции Сортировочная, со вполне понятной гордостью оглядывал просторные и недурно оборудованные комнаты большого деревянного дома, в котором теперь размещалась ячейка. Дом этот, ставший клубом железнодорожников, построили в часы субботников коммунисты и беспартийные Сортировочной.

Прежде чем перевернуть «железнодорожную» страницу биографии Осипа Пятницкого, надо еще остановиться на той последовательной и мужественной борьбе, которую он вел и как председатель Цекпрофсожа, и как коммунист с Троцким, назначенным на пост народного комиссара путей сообщения.

В 1920–1921 годы, когда Троцкий навязал партии так называемую дискуссию о профсоюзах, этот самовлюбленный, безгранично честолюбивый политический авантюрист еще не растерял, как несколько лет спустя, после смерти Ленина, своего авторитета.

Пятницкий не переносил диктаторских замашек нового наркома, его тяготения к аффектации и красивой позе. И он не доверял ему. Близким своим друзьям, в частности той же М. Черняк, Осип прямо говорил: «Троцкий все-таки не большевик. Теперь-то он с нами, и все же он не наш!»

Полностью поддержав Ленина в вопросе о заключении Брестского мира, против Троцкого и «левых коммунистов», Осип Пятницкий столь же бескомпромиссно и непреклонно отстаивал ленинскую позицию во время дискуссии о профсоюзах. Он выступал на собраниях, выезжал в депо, в мастерские. Он громил оппозицию, что называется, не взирая на лица, и подавляющее большинство коммунистов-железнодорожников пошли за ним, а не за Троцким.

Когда все стало на свои места, Железнодорожный район был распушен, и его коммунисты пополнили ряды партийных организаций Пресненского, Сокольнического, Бауманского и других районов Москвы. И когда партия решила нужным послать Пятницкого на другой участок работы, он имел бесспорное право с удовлетворением сказать: «Есть зеленый!», ибо уже не существовало границ между державой «железнодорожников» и державой Советской, а тысячи семафоров были подняты и показывали «добро»,

БОЛЬШОЕ ХОЗЯЙСТВО

В одно мартовское утро 1921 года Пятницкому позвонили из секретариата председателя СНК и передали просьбу Ленина приехать, как только он сможет освободиться.

Осведомившись, как идут дела в Цекпрофсоже, Владимир Ильич сообщил, что товарищи из Исполкома Коминтерна просят направить Пятницкого на работу в аппарат Исполкома и что именно по этому вопросу он и пригласил его к себе.

Пятницкого предложение это застало врасплох. Он полагал, что только начинает налаживать работу в Цекпрофсоже, что он еще нужен «железнодорожной державе». Но, считая себя рядовым бойцом большевистской партии, который никогда не отказывается от того, что ему поручают, он сказал Ленину, что готов выполнять любую работу, и только осведомился, что ему предстоит делать в Коминтерне.

Владимир Ильич объяснил: Пятницкому нужно будет наладить большое хозяйство Коминтерна, для чего ему придется возглавить организационный отдел, предварительно создав его. Кадры, финансы, связи с зарубежными партиями, транспортировка людей и литературы, одним словом, дела, превосходно знакомые товарищу Пятнице по годам большевистского подполья. И браться за это следует немедленно, так как предстоит III конгресс Коммунистического Интернационала.

В стекло били лучи весеннего солнца. Ленин стоял вполоборота к Пятницкому, и тот в не знающем пощады утреннем свете увидел нездоровую бледность лица, и резко выступающие морщинки, бегущие к вискам, и почти бескровные губы, диссонирующие со вспыхнувшей под солнечными лучами рыжиной в густых, аккуратно подстриженных усах. Защемило сердце от тревоги за человека, которого он любил горячо и преданно, но боялся пожалеть, ибо чувство жалости не совмещалось с представлением о гиганте, поднявшем на своих ладонях земной шар, не школьный глобус из глянцевого картона, а всю сферу тяжелой земной плоти. «Вам надо отдохнуть, Владимир Ильич... Поберегите себя!» — хотелось Осипу воскликнуть, но он знал, что Ленин тотчас же обернется, кольнет его насмешливо-удивленным взглядом и скажет: «Я совершенно здоров» — и этим даст почувствовать всю несвоевременность вмешательства в его личные дела.

Как всегда легко и ясно формулируя свои мысли, Ленин стал говорить

о сложнейшем процессе постепенного превращения партий, принявших «21 условие», в революционные партии нового типа. В этом смысле предстоявший конгресс должен сказать веское свое слово. Сейчас разрабатываются тезисы по вопросу о тактике, и он не сомневается, что многие «левые» из Коммунистической рабочей партии Германии, а возможно, кое-кто из итальянских товарищей попытаются устроить этим тезисам обструкцию. Ведь они полагают всю деятельность Коминтерна как борьбу с центристами и полуцентристами. Но такая борьба уже проведена, а время движется не назад, а вперед.

Прощаясь, Владимир Ильич пообещал тотчас же позвонить председателю ИККИ Зиновьеву, с тем чтобы уже завтра Пятницкий мог взяться за налаживание «большого хозяйства».

Вечером Пятницкий сказал Юле, что переходит на другую работу, в аппарат Исполкома Коминтерна.

— Ты доволен, Пятница? — спросила Юля.

— Доволен я или недоволен, не суть важно. ЦК решил, значит так надо, — довольно сухо ответил Пятницкий, но тут же мысленно обругал себя за «медвежью манеру» общаться с женой. Да еще молодой. Да еще матерью.

— Видишь ли, Юлик, — начал Пятницкий, смягчая свой резкий, в гневе почти пронзительный голос, — на твой вопрос не так-то легко ответить. Я привык к железнодорожникам. Без хвастовства скажу, профсоюзную работу знаю назубок. И со старыми товарищами, конечно, жаль расставаться. Но все это чисто личное. Меня тревожит другое: пригоден ли я по своим качествам и знаниям для работы, на которую меня посылают. Ты только представь себе, сколь грандиозное дело осуществляет Ленин. Создано повое международное братство коммунистов всего мира. И мне говорят: ты должен наладить все это хозяйство. Речь, как ты понимаешь, идет не о политическом фундаменте этого великого сооружения. Он уже заложен. Прочный как гранит. Марксизм и многолетний практический опыт нашей большевистской партии. Но нужен хороший раствор, чтобы скрепить эти огромные глыбы. Вот мне и предстоит готовить такой раствор. А какой я, к черту, мастер, если знаю так мало... Даже языки! Кое-как объясняюсь по-немецки...

— Немецкий ты отлично знаешь. Просто превосходно! — быстро перебила Юля.

— А по-французски едва склеиваю самые простые фразы... Как же объясняться с людьми? Через переводчика? Но это же далеко не лучшая дорога к сердцам!

— С французским я тебе помогу, — пообещала она и, ободряюще улыбнувшись, выскользнула из комнаты — кормить сына.

Щемяще-нежное чувство разлилось в груди и подступило к самому горчу. Как случилось, что эта совсем молодая и такая красивая женщина стала его женой и вот родила ему сына? Что она нашла в нем? Почему предпочла многим, уж куда более интересным, общительным? Юлия Иосифовна Соколова. Так ее зовут. И вот Юлия Иосифовна Соколова в свои двадцать один год ни с того ни с сего влюбляется в человека на много лет ее старше, необразованного, ничего не понимающего в луне и сирени, по горло занятого работой, совсем плохо представляющего себя в роли ухажера... Она — дворянской крови. Он — из беднейшей семьи еврея-ремесленника. Черт знает какое несоответствие! И все же, и все же так получилось...

Помешивая ложечкой чай, давно остывший и темный, как кофе, Пятницкий бродил по недавнему прошлому, все еще полный изумления — а не сон ли это?

Случилось это чуть больше года назад, когда он пошел в больницу навестить находившуюся там Машу Черняк. Принес ей пакетик леденцов, полученных в пайке, да несколько скупых фраз одобрения и дружбы. Маша — хороший боевой товарищ по работе в Железнодорожном районе. На нее он всегда полагался и сейчас шел в больницу не только для того, чтобы навестить ее, но и узнать, как скоро сможет Маша вновь выйти на работу.

В больничном коридоре, возле большого окна с мутными разводами от грязной тряпки, застал Машу вместе с ее сестрой и еще какой-то женщиной в больничном, из коричневой бумазеи, халате и шлепанцах на босу ногу.

С сестрой Маши, работником политотдела 5-й армии, Пятницкий был немного знаком.

— Ну как Машу находите? — спросил Пятницкий, пожимая ей руку. — Ничего, мы ее скоро отсюда вытащим. Совсем молодцом выглядит.

— Познакомьтесь, товарищ Пятницкий, с моей подругой... Юля, где же ты?

Незнакомая Пятницкому женщина отошла немного в сторону, чтобы не мешать встрече друзей.

— Я здесь. — Она протянула Пятницкому легкую тонкую руку и назвала себя: — Соколова.

— Здравствуйте, товарищ Соколова, — сказал Пятницкий и скользнул взглядом по ее лицу. Оно показалось ему очень изможденным и неправдоподобно прекрасным.

— Юля тоже из 5-й. Она там в разведотделе работала. И вот доработалась до больницы, — тревожно и печально сказала Черняк.

«Пишмашинистка, должно быть», — решил Пятницкий, еще раз мельком оглядывая «барышню». Девчонка. Совсем девчонка! И он брякнул, не потрудившись отделать форму:

— А что же, милая барышня, вы там делали?

Эмма сказала:

— Соколова наша разведчица, товарищ Пятницкий. Несколько месяцев назад ее удалось вырвать из лап колчаковской контрразведки.

— Точнее, выловить из бочки с рассолом. Как селедку! — еще сильнее покраснев, вмешалась Соколова. — А вы — тот самый... Пятница... Фрейтаг?

Он пришел навестить Машу и назавтра, и еще через день. Но как-то само собой получалось, что Маша, чувствуя себя неважно, быстро уходила в палату, а он оставался с Соколовой, ну еще минут на десять... И гулял с ней по коридору или сидел на скамье возле того самого окна. И вдруг, спохватившись, вытаскивал часы и изумлялся — оказывается, промчалось не десять минут, а много больше часа.

— Ну, я пошел!

Юля рассказывала ему о себе. Поначалу совсем скупно и как будто неохотно. Может, потому, что от сестер Черняк знала удивительную по своей наполненности жизнь Пятницкого и стеснялась того малого, что довелось ей самой сделать и пережить. Но чем чаще они встречались, тем откровеннее и подробнее становились ее рассказы.

— Вы уже знаете, Пятница, что я недобитая буржуйка, — говорила она, искоса поглядывая на него синими своими глазами. — То есть дворянка и, не будь революции, сейчас, может быть, жила бы в своем имении и вышла бы замуж за Мишу Тухачевского — мы соседи и еще детьми придумывали с ним всякие игры. Во время войны с немцами я, самая что ни на есть провинциальная гимназисточка, твердо решила, что мое место на фронте, дабы защищать Россию-матушку от немецких вандалов. Поступила на курсы сестер милосердия, и с одобрения самой Александры Федоровны — я ей письмо, знаете ли, написала такое верноподданническое, в духе героинь Лидии Чарской. Ну, кто-то из ее фрейлин мне ответил и тем самым поставил родителей моих как бы перед свершившимся фактом. С плачем и увещеваниями отправили они меня на войну. О генерале Борисове я вам уже рассказывала. Влюбился в меня мгновенно и, будучи человеком умным, интересным и волевым, без труда покорила сердце весьма легкомысленной сестры милосердия. Вышла я за

него замуж, став в двадцать лет госпожой генеральшей. Но, на большое мое счастье, Борисов поднял оружие не против революции, а за нее. Безоговорочно. Как Каменев и Егоров... И хотя в партию не вступал, но как военспец пользовался абсолютным доверием. Не думайте, что я чеховская «душечка». Конечно, влияние Борисова тоже играло роль, но я пошла в революцию не как мужняя жена, а как Юлия Соколова, понявшая, где лежит настоящая большая правда. Так вот, когда мужа убили, я почувствовала, что могу сделать нечто большее, чем делала до сих пор. Обратилась к Мише Тухачевскому и... превратилась в княжну Юлию Борисовну Урусову.

У Юли была подруга по гимназии. Тоже Юля. Только не Иосифовна, а Борисовна, и не Соколова, а Урусова. Довольно известная в России княжеская фамилия. И Юля Соколова была частым и желанным гостем Урусовых. Знала всю подноготную семьи. При столкновении с революцией погибли старики Урусовы. А княжна — подруга Юли — вскорости умерла от сыпного тифа.

И когда Соколову направили для работы в разведотдел 5-й армии, она сама предложила превратиться на время в свою умершую подругу. Вариант был тщательно разработан, и через некоторое время в штабе верховного правителя России адмирала Колчака появилась молоденькая и очаровательная княжна Урусова. Нищая, в одном чудом сохранившемся платьишке, недавно перенесшая сыпной тиф, с превеликим трудом бежала она из трижды проклятого мужичьего царства, ненавидящая, горящая желанием мстить красным за отца, за разгромленное имение, за сломленную, изгаженную жизнь.

Нельзя сказать, что колчаковские контрразведчики были простаками. Конечно, княжна очень хороша собой, превосходно говорит по-французски и по всем статьям настоящая аристократка. Но доказательств, что она действительно княжна Урусова, кроме медальончика с бриллиантками, заключавшего в себе маленькие фотографии матери и отца, да затертой, от руки написанной справки из больницы, у нее никаких не было. Вовсе не исключено, что это ловкая красная разведчица, маскирующаяся под Юлию Урусову. Проверить, как следует проверить! Но Соколовой неожиданно повезло, Из какой-то командировки вернулся полковник, начальник контрразведки, и сразу же признал княжну. Ну как же, он хорошо знал князя Урусова, был ему чем-то обязан, и медальон, раскрытый дрожащими пальчиками, сказал ему все. Бедная девочка! Несчастный князь Борис! Полковник сразу же принял княжну под свое покровительство и прямо заявил господам офицерам, что считает Юлию своей приемной дочерью.

Так что насчет всякого рода вольностей, обычно допускаемых в военное время, ни-ни!

Соколова стала работать в колчаковской контрразведке, и время от времени у ее дверей появлялся жалкий старый нищий, получавший из рук Юлии щедрое подавание.

Проходили дни, недели, месяцы 1919 года. К лету армия Колчака начала медленно пятиться под все усиливающимся напором южной группы войск Восточного фронта под командованием Михаила Васильевича Фрунзе. А на хвосте Колчака, как борзая, наступающая матерого волка, висела 5-я армия, и ею командовал начдив Тухачевский.

Колчаковские контрразведчики обнаружили постоянную утечку очень важной информации, которой умело пользовались наступающие красные. Благодаря покровительству полковника Юлия считала себя в полнейшей безопасности и иной раз забывала неприменную в ее работе осторожность. Нищий появлялся слишком часто. Вероятно, за ним стали следить. Самый верный поклонник княжны Вельчинский о чем-то догадывался. Несколько раз, оставаясь один на один с Юлией, он туманно говорил ей о риске, которому она подвергается, работая в контрразведке.

Июль 1919 года стал началом конца всей авантюры верховного правителя. 1 июля красные заняли Пермь и Кунгур, 11 июля освободили от осады Уральск, 13 июля овладели Златоустом, 14 — Екатеринбургом.

Тухачевский начал решительное наступление на Челябинск.

Полагая, что Соколова надежно «прикрыта», разведотдел армии предложил ей остаться в отступающей, все более деморализующейся армии Колчака и в Сибири установить связь с возникающими там партизанскими армиями П. Е. Щетинина, И. В. Громова и др. Она была к этому готова и, уже зная, что Челябинск со дня на день будет взят красными, последний раз вручила «подавание» нищему, нахально болтавшемуся возле здания, занятого контрразведкой.

А через десять минут к ней зашел Вельчинский, бледный как смерть. «Княжна, пойдете к вам домой».

Соколова поняла, что произошло что-то страшное... Сунула браунинг в сумочку и вместе с Вельчинским вышла на улицу.

«Нищий взят, — сказал он. — Мы давно за ним следили. Сейчас его допрашивают. А через полчаса и ты тоже будешь взята. Есть один шанс — постарайся получше спрятаться».

Она знала, куда пойдет. В дом купца Кривошеева, где бывала не раз, поддерживая дружбу с молодой и довольно образованной купчихой. Знала расположение всех комнат кирпичного одноэтажного дома, знала и все

постройки во дворе. Сразу же проскользнула во двор, прошла в самую его глубь к зеленеющему грибу земляной крыши погреба. Там и осталась, стоя возле чуть приоткрытых, из тяжелых дубовых досок дверей. Была уверена, что и сюда придут искать ее. Но не было у нее в Челябинске другого места, где бы можно отсидеться. Стояла, держа в руках свой бельгийский браунинг с отодвинутым предохранителем. Полная обойма в пистолете. И еще одна — запасная — в сумочке. Всего, значит, четырнадцать выстрелов! Но только вряд ли она успеет их сделать. Хотя важен только один... В погребе мрак и сырость. Остро пахнет квашеной капустой, яблоками, грибами. По стене, выпятив тугие брюха, выстроились бочки. Одна ведер на двадцать. Соленые огурцы.

Конечно, контрразведчики в поисках «красной княжны» нанесли визит Кривошееву. Она видела сквозь щель в двери, как из дома во двор вышел растерянный Кривошеев в сопровождении двух офицеров. Подумала: «Если они пойдут к погребу, застрелю их обоих. А потом? Потом убью себя, потому что удрать все равно не удастся». Но когда они направились к погребу, Юлия сунула пистолет в сумку, подбежала к громадной бочке с огурцами и очень осторожно, чтобы не выплеснулся рассол, залезла внутрь бочки. Заслышав, как заскрипели ржавые петли и по земляному, утопанному до твердости бетона полу застучали шаги, она набрала полные легкие воздуха, зажмурилась и бесшумно погрузилась в рассол. Сосчитала до шестидесяти и чуть-чуть приподняла голову, чтобы рот и нос оказались на поверхности. Тихо подышала. Чуть больше высунулась. В погребе никого уже не было, но двери его остались широко распахнутыми и вблизи их маячила фигура солдата с винтовкой наперевес. Не только уйти, но даже вылезти из бочки невозможно.

Когда вечером загрохотали выстрелы — авангардные части 2-й армии ворвались в Челябинск и вели бой на улицах, и двор дома Кривошеевых опустел, — не она — Юлия Соколова, а какое-то стонущее существо в конце концов выкинулось из бочки на ледяной пол погреба, где и нашла ее кухарка Кривошеевых.

Тело женщины, в котором еще теплилась жизнь, перенесли в дом купца, а потом передали кому-то на попечение. Соколову уже искали по всему городу. Врачи сделали все, чтобы спасти ей жизнь. Но прошло много дней, прежде чем она стала видеть, слышать и понимать. Сердце выдержало, но сознание все еще блуждало в темных и страшных лабиринтах. Соколову перевезли в Москву и положили в больницу. «А теперь я поправилась, Пятница, и, видите, даже попыталась рассказать вам все, что со мной случилось».

Пятницкий чувствовал, что еще немного, и он разрыдается от бесконечной жалости к этой молодой и нежной женщине, чью руку он незаметно для себя бережно взял в обе свои и так и не выпустил, пока Юлия не кончила рассказывать. Он восхищался мужеством «барышни». Совершить такое в двадцать лет! Какая сила духа! Какое бесстрашие! И не вспоминал, что сам в двадцать лет уже сидел в тюрьме, бежал из нее и много лет прожил, подвергаясь ежечасно опасности. А когда понял, что полюбил Юлию, а Юлия полюбила его, никак не мог поверить, что это правда.

Они поженились спустя две недели после первой встречи, и все представления Пятницкого, что ему, профессиональному революционеру, некогда думать о собственном счастье, полетели ко всем чертям.

Вот уже год как они вместе. Сначала вдвоем, а теперь втроем. Но вот переломить свой характер, смягчить его так и не удалось. И Пятницкий понимал, что Юлии бывает трудно. Сам страдал от этого и все же изменить ничего не мог. Мальчишкой скрытным не был. Охотно открывался и перед матерью, и перед старшим братом. Однако подполье властно перекроило характер. Стал молчаливым, знающим не только цену, но и опасность каждого произнесенного слова. Когда несешь в себе что-то, от чего зависит успех, безопасность, а иной раз и жизнь товарищей, болтливость преступна. Привык мысленно говорить с самим собой. У Юли, хотя профессия разведчика приближена к профессии революционера-подпольщика, скрытность не стала привычкой. Она рассказывала Пятницкому обо всем, что ее тревожило, занимало, волновало. А он больше помалкивал. Правда, ничего сугубо секретного в деятельности Цекпрофсожа не было, да и быть не могло. Он посмеивался сам над собой. Конспиративные отношения с собственной женой. Глупость! Ей же, наверное, интересно, что он там делает со своими любимыми железнодорожниками. И во время дискуссии с Троцким от ее взволнованных расспросов — ведь Юля же член партии! — он тоже отделялся ничего не значащими словами «читан газеты». А теперь Коминтерн. На этой работе болтунам нечего делать!

Председатель ПИКИ говорил с ним не то что высокомерно, но как-то отстраненно, почти равнодушно. Знакомое «бабье» лицо Зиновьева под густой шапкой вьющихся волос немного обрюзгло, оплыло к безвольному округлому подбородку и приобрело какую-то стеариновую бледность. Он выразил надежду, что товарищ Пятницкий наладит работу аппарата. Кадры, финансы, управление делами. У него самого нет времени заниматься всем

этим. Живет больше в поезде. Между Москвой и Петроградом. Рекомендовал поговорить с Радеком. Быть может, он подскажет что-либо существенное.

Радек, по вынимая изо рта кривую, дышащую ароматным дымком трубку и безбожно коверкая русский язык, рассказал несколько анекдотов. Да, он реял в облаках высокой политики, а на землю спускался только для того, чтобы извергнуть целый каскад острот. Пятницкий раза два хохотнул и распрощался — помощи от Радека ждать тоже не приходилось.

В старом невзрачном доме на Моховой, предоставленном в распоряжение Исполкома Коммунистического Интернационала, в бесчисленных его комнатах и комнатушках, двери которых выходили в узкие коридоры четырех этажей, шла кипучая, напряженная работа — готовили очередной III Всемирный конгресс.

Пятницкий искренно обрадовался, нос к носу столкнувшись в полутемном коридоре третьего этажа с Еленой Дмитриевной Стасовой.

— А вы что тут делаете, товарищ Пятница? — спросила Абсолют, воинственно сверкнув стеклами пенсне.

Пятницкий развел руками.

— Организую... — сказал он с усмешкой, — организационный отдел.

— Вам не кажется, что вы очутились в Запорожской Сечи? — поинтересовалась Стасова. — Каждый курень объясняется на своем языке и пытается ввести свои порядки. Кстати, из немцев здесь Фриц Геккерт. На него можно положиться. Старый спартаковец, массовик и отличный организатор.

— С товарищем Геккертом я встречался в Германии. Но он профсоюзник. Проходит по ведомству Лозовского.

— А вы все же с ним поговорите. Он знает толк в организационной работе.

— Спасибо за совет, товарищ Стасова. Поговорю и с Геккертом. Ио я особенно рад, что буду работать с вами.

— Недолго, совсем недолго! Я уеду сразу же после конгресса.

Пятницкий нашел для себя какую-то комнату, попросил поставить туда стол и два стула. И уже на следующий день, придя в ИНКИ к десяти утра, ушел домой поздним вечером. Он тщательно вникал в каждую мелочь, разбирался в той сложнейшей обстановке, которая создалась в международном коммунистическом движении после II конгресса. Ведь на нем были приняты известные 21 условия приема в Коминтерн, сконцентрировавшие в себе все идейные, тактические и организационные

принципы пролетарской партии нового типа. Их Ленин противопоставлял старым социал-демократическим партиям, разъединенным оппортунизмом, привыкшим к практике сотрудничества с буржуазией.

21 условие стали лакмусовой бумажкой проверки подготовленности и доброй воли революционных организаций, вступающих на новую стезю бескомпромиссной классовой борьбы под знаменем III Интернационала. «Основными условиями принадлежности К Коммунистическому Интернационалу были: признание диктатуры пролетариата и последовательная систематическая борьба за нее; полный разрыв с реформистами и центристами и изгнание их из партий; сочетание легальных и нелегальных методов борьбы; систематическая работа в деревне, армии, в реформистских профсоюзах и буржуазных парламентах. Партии Коминтерна должны были называться коммунистическими и строиться по принципу демократического централизма. Все постановления конгрессов Коминтерна и его Исполнительного Комитета были обязательными для всех партий, входящих в Коммунистический Интернационал. Конгресс подчеркнул при этом, что Коминтерн и его Исполком «обязаны считаться со всем многообразием условий, при которых приходится бороться и действовать различным партиям и выносить общеобязательные решения лишь по таким вопросам, по которым такие решения возможны».

Много лет спустя (в 1933 году), уже будучи одним из руководителей Коминтерна, Осип Пятницкий написал большую вступительную статью к новому изданию документа Коминтерна «Условия приема в Коммунистический Интернационал». В этой статье он четко расшифровал сущность каждого из 21 условия и проанализировал многолетний исторический процесс формирования того принципиально нового в коммунистических партиях разных стран, что неизбежно вытекало из честного, а не формального приятия всех «условий». Пятницкий напоминал, что в «21 условии приема в Коммунистический Интернационал» Лениным и делегацией русских большевиков на II конгрессе Коминтерна был очень сжато сформулирован громадный и богатый опыт борьбы партии большевиков в трех революциях в России, уроки предательства социал-демократических партий всего мира, опыт борьбы революционных рабочих во главе со сложившимися тогда коммунистическими партиями в Западной Европе и в Америке.

В этой же статье Пятницкий, говоря о положении партий, твердо стоящих на платформе «21 условия», писал: «Буржуазия давно убедилась в том, что коммунисты защищают интересы рабочего класса и организуют

это для борьбы с нею; поэтому она загоняет в подполье одну коммунистическую партию за другой. В настоящее время (конец 1933 года. — В. Д.) легальных коммунистических партий лишь 16 (не считая ВКП(б) и части Коммунистической партии Китая в советских районах Китая), полулегальных — 40. При более обостренной классовой борьбе буржуазия постарается все легальные и полулегальные коммунистические партии загнать в подполье».

Но сейчас, накануне III конгресса, Пятницкий еще только старался понять, что происходит в партиях, голосовавших за принятие «условий» и вошедших в Коммунистический Интернационал.

Обстановка сложнейшая. На первый взгляд — и этим спекулятивно пользуются старые вожди II и II½ Интернационалов, не устающие кричать, что Ленин и большевики раскололи, обескровили, лишили сил международное рабочее движение, — неразбериха, страстные споры, хаос... Но это только с точки зрения сытого омещавшегося функционера чистой социал-демократической породы. На самом же деле не хаос, а процесс дифференциации, если хотите, очищения коммунистических партий от ржавчины и шелухи. Ведь без этого невозможно создание партии нового типа! Ни у немцев, ни у французов, ни у итальянцев нет за плечами того многолетнего опыта борьбы, который превратил РКП (б) в единственную партию, не только отстаивавшую интересы рабочего класса и трудящихся, но и поднявшую народ России на великую Октябрьскую революцию и ставшую теперь у руля первого в мире рабоче-крестьянского государства. Ни за одной из социал-демократических партий Европы и Америки не тянулись годы тяжелейшего подполья с использованием методов и форм конспиративной работы народников и народовольцев, годы, в которые поистине закалялась сталь. Нет, принять «условия» — еще не значит понять их как единственные стратегию и тактику классовой борьбы...

Что делается, например, во Франции? Вот номера «Юманите», последние за 1920 год. Что за салат на газетных страницах! Руководящие статьи в «Юманите» распределены строго пропорционально: 8 в неделю — центру, то есть группе Жана Лонге, левому крылу Лорио — 4, правым, группирующимся вокруг Реноделя, — 3. Итак, три течения, три точки зрения, три призыва, обращенных к французскому пролетариату. И все на страницах одной и той же газеты. Получается сумбур, и немалый! Правда, после Турского съезда, на котором от имени Исполкома Коминтерна великолепно выступила Клара Цеткин, приехавшая в Тур нелегально, и где огромную работу провел товарищ Кашен, три четверти делегатов съезда

проголосовали за присоединение к Коммунистическому Интернационалу и образовали Коммунистическую партию Франции. Но это только первый шаг. Еще много предстоит сделать французским товарищам, чтобы окончательно освободиться от гипноза парламентаризма и от временных попутчиков, зараженных оппортунизмом.

Не менее сложно и положение в Италии. Хотя после съезда в Ливорно, состоявшегося совсем недавно, в январе 1921 года, на котором центристы отказались порвать с реформистами, произошло событие громадного значения: покинувшие съезд товарищи основали Коммунистическую партию Италии. Это очень хорошо! Ведь только подлинно революционная партия рабочего класса, идейная основа которой — марксизм-ленинизм, способна возглавить борьбу всех трудящихся с наступающими чернорубашечниками. Но получилось так, что самые твердые, самые последовательные марксисты из группы «Ордине нуово» товарищи Антонио Грамши, Пальмиро Тольятти и Умберто Террачини остались в меньшинстве, а руководство молодой партии оказалось в руках сектантов, объединившихся вокруг Амедео Бордиги.

Что же касается маститого Джачинто Серрати, возглавлявшего итальянскую делегацию на II конгрессе, то он ныне публикует статьи, направленные против Коминтерна, и также созвал во Флоренции конференцию «унитарной» фракции, то есть, по существу, приступил к созданию новой партии.

Запутана ситуация и в Германии. Казалось бы, после слияния левого крыла НСДПГ с компартией и создания Объединенной коммунистической партии Германии процесс дифференциации успешно завершен. Но так только казалось... Ведь еще в апреле прошлого года возникла Коммунистическая рабочая партия Германии, заняла явно сектантские «ультралевые» позиции и обвиняет ОКПГ в том, что она скатывается к реформизму. И непростительный просчет Клары Цеткин, которая из-за несогласия с руководством партии сочла возможным выйти из состава ЦК.

Что касается Пауля Леви, то он выступил с брошюрой, в которой критиковал «мартовское выступление» не только с правильных марксистских, но и с собственных чисто субъективистских позиций, назвав это выступление «путчем», грубо нарушил дисциплину и был исключен из рядов партии. Вероятно, III конгресс подтвердит его исключение.

Но можно ли было рассчитывать на то, что за два года, прошедшие после I учредительного конгресса Коминтерна, все, объявившие себя коммунистами, действительно станут ими, а партии и организации, вступившие в III Интернационал, сразу же превратятся в массовые

революционные партии нового типа? Конечно, нет! Разве не прошло многих лет непрерывной внутренней борьбы, яростных споров, отходов и присоединений, прежде чем Ленину и его единомышленникам удалось создать монолитную большевистскую партию? Разве не пересаживался со стула на стул маститый Плеханов, разве не вился ужом Троцкий и не шатались то вправо, то влево, как от морской качки, те же Зиновьев и Каменев? И все-таки на сегодня в рядах зарубежных компартий уже около 800 тысяч человек.

Это немалая армия!

Уже через несколько дней в небольшой комнате заворготделом Исполкома — непротолченная труба. И управляющий делами, и бухгалтер почувствовали — наконец-то! — твердую руку. «Этот знает счет казенным копейкам!» — удовлетворенно признал бухгалтер. А прибывающие на III конгресс иностранные товарищи сразу же обнаружили, что в доме на Моховой есть человек, интересующийся не только их политическими взглядами, но и их бытом, их насущными нуждами, человек, который всегда находился на месте и никогда не терял головы в суете многоязычия и неразберихи, царившей в доме, где напряженно, но не очень умело работал совсем еще маленький аппарат ИККИ.

Теперь предоставим слово Серафиме Ильиничне Гоп-нер, немного знавшей Осипа Пятницкого по Парижу (1912–1913), затем встречавшейся с ним на всех конгрессах Коминтерна, а с 1929 года направленной на работу в аппарат ИККИ.

«Когда я пришла в аппарат Коминтерна, — рассказывала Серафима Ильинична, — то через некоторое время должна была констатировать, что потрясена и изумлена размахом, охватом тех проблем и тех задач, которые решает сам Пятницкий или на решение которых он оказывает громадное влияние. Когда мы через полгода оказались одновременно в Кисловодске, где все-таки можно было, хотя бы на прогулке, поговорить (в Коминтерне была такая интенсивная работа, что было не до этого), я ему сказала, что потрясена, как он справляется с этой громадной работой. Он мне на это ответил: «Видишь ли, меня сюда посадили, в сущности говоря, для организационной, хозяйственной и, если хочешь даже знать, технической работы. (В 1929 году О. А. Пятницкий был уже членом Президиума и членом Политсекретариата ИККИ. — В. Д.) Как это случилось? А случилось это следующим образом... Коминтерн на той стадии отражал силу революционного подъема 1918–1923 годов. Это было что-то грандиозное: приезжала масса людей, обсуждались важнейшие проблемы,

и, в сущности говоря, очень часто люди приезжали, пересекали океан и горы и по несколько дней не знали, с кем встретиться и поговорить. Я находился в Коминтерне с утра до вечера, и поэтому все, кто приезжал, обращались с вопросами ко мне, и я каждому давал ответ по своему разумению. И все это оказалось таким большим и бесконечно широким, что ты и застала еще меня на такой работе».

Так рассказывал Гопнер о своей работе в ИККИ сам Пятницкий. А теперь посмотрим, как характеризует его деятельность в Коминтерне Серафима Ильинична.

«Его деятельность, — говорила она далее, — была тесно связана с тем, что, во-первых, за границей после революционного подъема наступила реакция и оказалось много людей, которых преследовали; во-вторых, симпатии к коммунизму возрастали, и Москва наводнилась колоссальным количеством людей, а аппарат Коминтерна был для этого мало приспособлен... Пятницкому было поручено навести порядок: кто едет, когда едет, зачем едет, кто его посылает, словом, охватить весь бурный этот процесс и вогнать в какое-то русло. И он взялся за дело со всем своим пылом. Это был человек колоссального темперамента!.. Конечно, я не могу охватить всю его работу в Коминтерне.

Если бы он действительно выполнял только хозяйственно-организационную работу, только, как он выражается, технические функции, то все это было бы, может, и не так заметно. Но в том-то и дело, что это был человек, который широко ставил и вопросы политические, он был на политической высоте, несмотря на то, что никогда не претендовал на то, чтобы называться теоретиком».

Это всего лишь набросок портрета Пятницкого первых лет его работы в Коминтерне. Конечно, Пятницкий отдал много сил для того, чтобы навести порядок в работе аппарата Коминтерна, превратить его в бесперебойно действующий механизм! Но его не посылали в ИККИ в качестве управляющего делами. Ему поручили возглавить организационный отдел, а это означало организационно помочь партиям, признавшим себя секциями Коминтерна. Что они собой представляли, эти совсем еще молодые партии, как правило, выбравшиеся из недр социал-демократии, которая никогда не отличалась ясностью и четкостью своих организационных форм? Ведь содружество единомышленников еще не может называться партией даже в том случае, когда люди, вошедшие в такие содружества, аккуратно платят членские взносы! Сколько людей на самом деле состоит в партии на сегодня? Принимают ли активное участие в партийной работе или же ограничиваются доброжелательным

созерцательством? Ведется ли в зарубежных коммунистических партиях самый обыкновенный учет вступающих и выбывающих революционеров? Каков социальный состав членов партий?

Вот эти и еще множество других вопросов и пытался хотя бы частично выяснить Пятницкий во время своих встреч с делегатами, прибывающими на III конгресс. Он говорил с Тальгеймером, Геккертом и Тельманом, с Лаццари и Террачини, с Хейвудом и Томом Манном, с Варгой и Хеглундом... Каждая такая встреча помогала ему приблизиться к пониманию задач, которые предстояло решать ему в дальнейшей работе. Он мысленно похвалил себя за то, что в годы эмиграции, несмотря на огромную занятость, никогда не замыкался в круге одних русских дел и всегда проявлял живой интерес к деятельности социал-демократических организаций Германии, Франции, Швейцарии, Австро-Венгрии. Теперь он не чувствовал себя в темном лесу, когда обсуждал дела немецких или французских товарищей. Настоящей же школой для Пятницкого стал III Всемирный конгресс Коминтерна, открывшийся 22 июня 1921 года в Москве. Правда, он бывал и на заседаниях II конгресса, но чувствовал себя только гостем и вникал в существо обсуждаемых там вопросов просто как активный член РКП (б), но не как человек, кровно и непосредственно заинтересованный в каждом пункте принимаемых решений, в каждой фразе воззваний и обращений конгресса.

В центре дискуссии, развернувшейся на III конгрессе, находились проблемы международного положения, стратегии и тактики коммунистических партий.

Положение в капиталистических странах в 1921 году оставалось объективно революционным, но революционное движение находилось в стадии отступления. Естественно поэтому то громадное внимание, с которым делегаты конгресса встретили и два чрезвычайно важных выступления Владимира Ильича по итальянскому вопросу, а через несколько дней — в защиту тактики Коммунистического Интернационала и доклад его о тактике РКП (б), сделанный 5 июля.

Полемизируя с Лаццари и отсутствующим Серрати, Владимир Ильич высмеял утверждения этого последнего, что якобы русские только того желают, чтобы им подражали итальянские коммунисты. «Революция в Италии, — сказал Ленин, — будет протекать иначе, чем в России. Она начнется иным образом». И в конце своей речи: «Мы никогда не хотели, чтобы Серрати в Италии подражал русской революции. Это было бы глупо. У нас достаточно ума и гибкости, чтобы избежать этой глупости»^[12].

Но чтобы делать социалистическую революцию в какой угодно стране,

надо прежде всего быть настоящим коммунистом. Вот вывод, который сделали делегаты конгресса из короткой, удивительно сильной и насыщенной речи Владимира Ильича. В речи в защиту тактики Коминтерна он резко критиковал Террачини за его «левые» глупости и иронизировал по поводу Гемпеля, выступавшего от имени ГКРП (Германской коммунистической рабочей партии) с «ультралевыми» фантазиями.

Позже сам товарищ Террачини признавался, что, слушая речь Ленина, он понял: «...то суровое осуждение, которое слышалось в его словах, бьющих словно молот, было произнесено им во имя высшего долга, который выпал на его долю. Этот долг заключался в том, чтобы спасти меня, спасти всех нас от ошибки, которая могла бы оказаться непоправимой и губительной не только для нас, но и для самого великого и светлого дела социального освобождения — дела, общего для всех нас... Позже этот урок с пользой послужил мне в моей дальнейшей сорокалетней борьбе коммуниста».

Обороняя тезисы Исполкома Коминтерна по вопросу о тактике, Владимир Ильич говорил: «Мы сказали уже на II конгрессе, что центристы являются нашими врагами. Но ведь нужно же идти вперед. Вторая ступень будет заключаться в том, чтобы, организовавшись в партию, научиться готовить революцию»^[13].

Вот этот-то серьезнейший вопрос: что нужно сделать для того, чтобы научиться готовить революцию? — и стал предметом коллективного и всестороннего обсуждения. И огромному большинству участников конгресса было ясно, что задача, поставленная Коммунистическим Интернационалом с первого дня своего образования, — готовить не малочисленные и замкнутые коммунистические секты, стремящиеся установить свое влияние на массы только посредством агитации и пропаганды, но создавать крупные революционные партии, принимающие непосредственное и руководящее участие в борьбе рабочих масс, — подтверждается ныне уже завоеванным опытом. Значит, паническая боязнь единого фронта, совместных выступлений с рабочими — социал-демократами, свойственная кое-кому из итальянцев и, конечно же, ГКРП, превращается в опасность, быть может, не меньшую, чем центризм и полумцентризм, осужденный II конгрессом. Пятницкий помнил свой короткий разговор с Лениным, который уже несколько месяцев назад предвидел наскоки на стратегию и тактику Коминтерна слева. Так оно и вышло, но наскоки получили изрядную затрещину. «Конгресс, — по словам О. Куусинена, — встал на сторону Ленина».

В резолюции по организационному вопросу формулировались и

перспективные задачи ИККИ: «Исполком Коммунистического Интернационала должен быть построен таким образом, чтобы он имел возможность занимать определенную позицию по отношению ко всем животрепещущим для пролетариата вопросам. Вместо прежних общих воззваний по таким критическим вопросам Исполком должен прилагать все больше стараний к нахождению средств и путей практически взять в свои руки инициативу организационных и пропагандистских единообразных выступлений различных секций в международных спорных вопросах. Коммунистический Интернационал должен превратиться в Интернационал действия, созреть для международного руководства общей повседневной борьбой революционного пролетариата всех стран... Исполком должен способствовать... необходимому слиянию всех национальных секций в единую Интернациональную партию...»^[14]

Поставленная задача казалась грандиозной. Единая интернациональная партия коммунистов! Во имя этого стоит положить жизнь.

После конгресса Пятницкому пришлось работать еще напряженнее. Надо было организационно закреплять и оформлять зарубежные секции Коминтерна. Между тем товарищи, как пришедшие в компартии из социал-демократии, так и особенно люди вроде безумно храброго Макса Гельца, явно склонного к анархизму, — подобных ему немало было в ГКРП и в ближайшем окружении Амедео Бордиги, — шарахались от одного слова «дисциплина», словно черт от ладана.

Одними резолюциями и постановлениями переделать человеческий характер мудрено. Нужна помощь. Постоянное терпеливое разъяснение необходимости таких для русских коммунистов давно уже ставших азбукой вещей, как демократический централизм. Значит, Исполком Коминтерна должен послать в зарубежные партии своих уполномоченных и инструкторов, которые на месте могли бы оказывать эту самую, абсолютно практическую помощь. Подбор людей, способных справиться с такой важной задачей, — дело трудное и кропотливое. Добро, что в Германию направляются такие люди, как Елена Дмитриевна Стасова. У нее и огромный организационный опыт, и большая культура, и отличное знание языков. Но где найти столько опытных, знающих людей, чтобы хватило на все молодые партии, разбросанные по всему свету и остро нуждающиеся в незамедлительной помощи? А партии возникали одна за другой. И каждая, действующая в особых национальных условиях, требовала особого подхода, ибо принципы интернационализма, как неоднократно указывал Владимир Ильич, не означали, что все секции Коминтерна должны быть

подстрижены под одну гребенку.

Год между III и IV конгрессами для Советской России оказался неимоверно тяжелым. Едва выйдя из пламени гражданской войны и интервенции, республика столкнулась с не менее страшным врагом — голодом. Во всем мире рабочий люд и прогрессивно настроенная интеллигенция хотели помочь Советской стране. Но помощь эту надо было организовать. Стали создаваться международные массовые организации, такие, как Межрабпом — Международная организация рабочей помощи. На первой своей ступени это был заграничный комитет по организации рабочей помощи голодающим в России, созданный по инициативе ИККИ в Берлине. Председателем комитета стала Клара Цеткин, генеральным секретарем — Вилли Мюнценберг, а в состав комитета вошли Альберт Эйнштейн, и Бернارد Шоу, и Анатолий Франс, и Мартин Андерсен-Нексе, и Анри Барбюс...

Организационно оформился Профинтерн — Красный интернационал профсоюзов; его I Международный конгресс открылся в Москве в дни работы III конгресса Коминтерна. Был образован Спортинтерн — Красный спортивный интернационал. Все эти организации, находившиеся под идейным влиянием Коминтерна, стали как бы его приводными ремнями к широкому массам трудящихся Европы и Америки.

Преодолев свою юношескую заносчивость, Исполком КИМа, находившийся дотопе в Берлине, вняв настойчивым пожеланиям ИККИ и Центрального Комитета РКСМ, решил перебраться в Москву и перенести заседания своего II конгресса на 14 июля 1921 года, то есть провести его сразу же после окончания работы III конгресса Коминтерна.

Итак, в доме на Моховой появились славные молодые люди: немец Альфред Курелла, австриец Рихард Шюллер и другие. Они тоже стали частыми посетителями комнаты, где работал заведомо товарищ Пятницкий, а так как КИМ — равноправная и одна из самых массовых секций Коммунистического Интернационала, Пятницкому приходилось вникать в жизнь всемирной комсомолии и помогать кимовцам в поисках наилучших форм организационной работы.

Груз дел, навалившихся на Пятницкого, грозил буквально раздавить его. Ведь тогдашние руководители ИККИ Зиновьев, Бухарин и Радек пренебрежительно относились к черновой «технической» работе. К счастью, вскоре после III конгресса, помимо так называемого «Малого бюро» (будущий президиум. — В. Д.), был образован секретариат во главе с Отто Вильгельмовичем Куусиненом — генеральным секретарем ИККИ. Член партии с 1904 года, один из основателей Коммунистической партии

Финляндии, человек широкой эрудиции — по образованию философ, — Отто Вильгельмович вместе с Вильгельмом Кененом написал проект тезисов «Об организационном строительстве коммунистических партий, о методах и содержании их работы» для конгресса. Тезисы получили полное одобрение Владимира Ильича. Он предложил лишь два дополнения: об образовании во всех партиях контрольных комиссий и о борьбе со шпионами и провокаторами в нелегальных партиях, а также посоветовал подчеркнуть, что в большинстве легальных партий Запада все еще нет повседневной работы каждого члена партии, недостаточно ведется работа коммунистов в гуще пролетариата и непролетарских слоев трудящихся.

Куусинен действительно знал толк в организационной работе, и, хотя характер, а особенно темперамент его и Пятницкого были несхожи, Осипу при нем стало значительно легче работать.

В конце 1921 года на Моховой появился Винцас Симанович Мицкевич. Настоящая его фамилия Мицкявичюс-Капсукас, а партийная кличка Мицкевич. Так его и стали называть для краткости и удобства.

Осип рад был встрече с этим удивительно мягким, обаятельным человеком. Ему нравилось спокойное лицо Винцаса с каштановой бородкой клинышком и длинными пушистыми усами. После победы контрреволюции в Литве Мицкевич, один из организаторов партии и первый председатель СПК Литовско-Белорусской Советской Республики, больше года оставался на нелегальной работе в Вильно и, понятно, мог нарисовать точную и всеобъемлющую картину того, что теперь происходило в Литве. Конечно, бывшему пареньку из Вилькомира, одному из первых вступившему в социал-демократическую партию и немало потрудившемуся во имя революции на территории бывших Виленской и Ковенской губерний России, были интересны все подробности. Кроме того, Пятницкий в последнее, еще до Октября 1917 года, посещение Вилькомира уже много слышал о Капсукасе, о его смелости, чистоте революционных взглядов, о влиянии, которое он неизменно оказывал на умы молодых, да и не только молодых литовских социал-демократов. Ведь он, редактируя в эмиграции социал-демократические газеты «Rankpelnis», «Socialdemokratas», «Kova» и журнал «Naujoji gadune», весь свой блестящий публицистический талант направлял в поддержку большевистских лозунгов об отношении к империалистической войне и делал все от него зависящее, чтобы сблизить литовских социал-демократов с большевиками.

Пятницкий подружился с Капсукасом, ввел его в свою семью, познакомил с Юлией. «Чем-то Винцас меня покори́л, — говорил он жене.

— Ты ведь знаешь, что я не очень легко схожусь с людьми — характер у меня больно скверный, — а этот литовец только раз постучался ко мне в сердце, и вот оно распахнулось!»

Примерно в это же время началась дружба Пятницкого еще с одним человеком. Со «злым мадьяром», как иногда шутливо называл он Бела Куна. Приехав из Германии, где принимал участие в руководстве оборонительными вооруженными боями рабочих средней Германии в марте 1921 года, Кун, понятно, не обошел комнаты заворготделом ИККИ. Поначалу он произвел на Пятницкого впечатление шаровой молнии. Круглолицый, смуглокожий Бела с черными сверкающими глазами и густыми волосами, отброшенными назад с высокого и чистого лба, метался по кабинету Осипа, как лев в клетке. Он утверждал, что мартовское выступление германского пролетариата носило «наступательный» характер и, несмотря на его поражение, не являлось преждевременным. Во всем обвинял лидеров социал-демократов и профсоюзов, «позорно предавших восставших». У Пятницкого на мартовские события уже отстоялась собственная точка зрения. И она никакой стороной не соприкасалась с тем, что думал и говорил Кун. Напротив, как и Клара Цеткин, он был убежден, что «теория наступления», страстно поддерживаемая Куном, сродни той ужасно р-р-революционной фразе, которой «левые» коммунисты пытались сразить Ленина во времена Брестского мира. Тем не менее Кун располагал к себе искренностью, непреходящим оптимизмом и революционной страстностью». Обладал он и еще одним качеством, которое Пятницкий всегда очень ценил: допустив какую-нибудь ошибку и признав ее, он не засовывал признание в глубокий потаенный карман, но бесстрашно подставлял свою грудь, принимая заслуженные, пусть даже тяжелые удары. Владимир Ильич хорошо знал и слабые и сильные стороны пламенного мадьяра. Поправлял его в вопросах теории, осуждал за ошибки, допущенные в дни Венгерской коммуны. Внимательно прочитав брошюру «От революции к революции», написанную Куном, когда он был «гостеприимно» упрятан лидерами австрийской социал-демократии в мрачные цементные теснины замка Карлштейн, сделал множество пометок и замечаний на полях и в конце, на внешней стороне обложки написал, что «в брошюре хороша твердость революционных убеждений, автора, его непреклонная вера в революцию. Хороши замечания о партии, какой она должна быть...», однако дальше отмечался и «громадный недостаток» работы Куна — отсутствие в ней фактического материала. Кун спорил горячо и отчаянно с Владимиром Ильичем, но, в конце концов, соглашался и благодарил Ленина за «науку». Ну, а, помимо всего этого, мало кто из

зарубежных коммунистов был так связан с Октябрьской революцией в России, как Бела Кун. Ведь он, будучи еще военнопленным и находясь в Томском лагере, руководил венгерской революционной группой, занимавшейся агитацией против войны и за уничтожение Габсбургской империи.

После Октября Кун с громадными трудностями добрался до Питера и в Смольном встретился с Яковом Михайловичем Свердловым, а потом и с Лениным.

Бела Кун становится верным учеником Ленина. Отважно сражаясь во главе своих интернационалистов на самых грозных участках гражданской войны, он одновременно ведет широкую организационную работу и уже в качестве председателя Федерации иностранных групп при ЦК РКП (б) руководит конференцией представителей революционно настроенных военнопленных и эмигрантов-социалистов, созванной 14 марта 1918 года. Вслед за конференцией созывается съезд военнопленных-интернационалистов. Бела Кун — основной докладчик на съезде.

Когда же после разгрома Венгерской советской республики, после тяжких месяцев австрийского «гостеприимства» Кун добирается до Москвы и вновь встречается с Владимиром Ильичем, он просит направить его в Красную Армию — туда, где особенно трудно. И вот он — член Реввоенсовета Южного фронта, участник штурма Перекопа, личной храбростью вдохновляющий бойцов, а после освобождения Крыма — председатель Крымского ревкома.

Ленин обратил внимание Пятницкого на Куна. «Ему надо всячески помогать, всячески!» — настаивал Он во время обсуждения разработанных Пятницким мер по организационному укреплению аппарата ИККИ и обеспечению его кадрами.

Так что к Куну Осип подошел уже с ленинской меркой и был дружен с ним все четырнадцать лет совместной работы в Коминтерне.

Очень сожалел Пятницкий, что Елена Дмитриевна, теперь уже Лидия Вильгельм, уехала на подпольную работу в Германию в качестве представителя Коминтерна. Хотелось ему поработать в аппарате ИККИ вместе с Еленой Дмитриевной. Ведь у Стасовой, бывшей секретарем ЦК в период от VII до IX съезда партии, накопился немалый опыт организационной работы, ну, а понимали друг друга Абсолют и Пятница с полуслова. Именно ему пришлось осуществить всю связь с «Гертой», скоро ставшей членом Оргбюро ЦК Германской компартии.

В общем, за шестнадцать месяцев, прошедших между III и IV конгрессами, Пятницкий выполнил поручение Ленина и навел порядок в

«большом хозяйстве» Коминтерна.

Несмотря на то, что настойчивые попытки Исполкома Коминтерна договориться о совместных действиях с руководством II и II½ Интернационалов, по существу, были сорваны Вандервельде и К⁰, выдвинувшими на конференции представителей Исполкомов трех Интернационалов (2–5 апреля 1922 года в Берлине) нелепейшие и откровенно наглые «предварительные условия»: отказ коммунистов от создания ячеек в профсоюзах, вывод Красной Армии из Грузии и реставрация там власти меньшевиков и т. п., — IV конгресс продолжал последовательную борьбу за создание единого пролетарского фронта. Предполагалось, что в конце своей работы IV конгресс обратится с открытым письмом к международному конгрессу мира, который собирался в Гааге, и опять же к лидерам II, II½ и Амстердамского Интернационалов... Но сейчас внимание всех делегатов было приковано к Владимиру Ильичу, оживленному, энергичному, казалось бы, поборовшему недуг и безмерную, годами накопившуюся усталость. Ленин поднялся на трибуну IV конгресса, чтобы сделать доклад «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». И как всегда, он был предельно смел и ироничен в оценке допущенных ошибок, которые он называл огромным количеством глупостей.

Ленина слушали с напряженным вниманием. Иногда он шутил легко и непринужденно, и зал взрывался от понимающего, одобрительного смеха. И тогда лицо оратора освещалось мимолетной, чуть лукавой и удовлетворенной улыбкой.

Владимир Ильич еще раз подчеркнул, что резолюция об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы, принятая на III конгрессе, — правильная и прекрасная по существу, была слишком русской, а следовательно, и не вполне понятной, а значит, и невыполнимой для зарубежных товарищей. Он говорил о необходимости учиться всей партии, всем трудящимся России — учиться в общем смысле, а иностранным товарищам в специальном, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. И вот, чуть подавшись вперед и прочно с двух сторон ухватившись за края трибуны сильными прямыми пальцами, Ленин бросил в зал последнюю, совсем простую фразу: «Если это совершится, тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными»^[15].

Какой-то огненный ураган поднял, нет, сорвал всех делегатов и гостей

конгресса со своих мест. Они аплодировали и кричали: «Да здравствует наш товарищ Ленин!»

Волны ликующего шума все нарастали, и Ленин, досадливо махнув рукой, быстрыми шагами прошел с трибуны в президиум, Пятницкий совсем близко увидел осунувшееся и побледневшее его лицо и бисеринки пота на совсем мраморном лбу и переносице. И тревога за Ленина больно сдавила сердце.

Действительно, Владимир Ильич больше не бывал на заседаниях конгресса. Но это вовсе не означало, что он отошел от непосредственного руководства его работой. Именно по настоянию Ленина конгресс решил не принимать еще в окончательном виде программу Коминтерна, проект которой был написан Бухариным.

В связи с обсуждением доклада о деятельности Международной рабочей помощи Ленин обратился к секретарю Межрабпома Вилли Мюнценбергу с письмом, в котором высоко оценил итоги производственной помощи международного пролетариата Советской стране.

IV конгресс большое внимание уделил анализу положения братских партий Франции, Италии, Чехословакии, Польши, США, Югославии, Дании и других стран. И Владимир Ильич нашел в себе силы встречаться с делегатами конгресса от этих партий и обсуждать с ними политику и тактику революционных действий. Исключительные по своей важности были встречи Владимира Ильича с руководителями итальянской партии А. Грамши, А. Грациадеи, А. Бордигой, придерживавшимися различных взглядов на объединение. Его дружеские советы и терпеливые разъяснения помогли итальянским товарищам занять единую позицию при голосовании резолюции по итальянскому вопросу. Они, безусловно, запомнили парадоксальную на первый взгляд фразу из доклада Владимира Ильича на конгрессе: «Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни»^[16].

Учиться революционному действию стало призывом IV конгресса, обращенным ко всем его уже оформившимся и формирующимся секциям.

Сразу же по окончании конгресса при образовании его руководящих органов Осип Пятницкий вместе с Коларовым, Штеккером, Куусиненом и Ракоши был введен в секретариат ИККИ и в его оргбюро.

Участие Ленина в работах конгресса окрылило Пятницкого. Он никогда не позволял себе пользоваться старой дружбой с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Он ни разу не снял телефонную

трубку и не позвонил в секретариат Председателя СНК, чтобы договориться о встрече с Лениным. Он считал, что не имеет права отнимать у Владимира Ильича даже минуту его времени, принадлежащего всему человечеству. Но в любом затруднительном для себя случае, а их в конкретной практике деятельности Коминтерна было, конечно, множество, он думал, что есть Ленин, который все поймет и поможет найти самые верные решения, и одно это сознание делало его мудрее, спокойнее, решительнее, если этого требовала создававшаяся обстановка, и осторожнее, когда осторожность вытекала из принятой в том или ином случае тактики. Он шутя говорил Юле, что чувствует прочность своего секретарского кресла потому, что посадил его в это кресло сам Владимир Ильич. И Пятницкий был по-настоящему счастлив, видя, что Ленин вновь взял в свои руки рулевое колесо Коминтерна. Стало быть, действительно поправляется...

Но прошло всего лишь тридцать два дня после выступления Ленина на IV конгрессе, только тридцать два дня! — и здоровье его резко ухудшилось. Вот они, мельчайшие капельки пота на побледневшем лице! Нет, он не сдаётся, он продолжает работать, диктует письма, статьи, через Надежду Константиновну и своих секретарей обращается к товарищам по работе, дает поручения, советы...

И вдруг еще один жестокий удар болезни 10 марта 1923 года, приведший к потере речи. Первый белый бюллетень, выклеенный на улицах и площадях Москвы. Ошеломляющий, беспощадный!..

Пятницкий знал хорошо болезнь, поразившую Владимира Ильича, знал, что не на что надеяться, и все же надеялся. И когда наперекор очевидности Ленину вновь стало немного лучше и Надежда Константиновна, позвонив однажды Пятницкому по телефону, с притушенной робкой радостью сказала, что Ильич начал ходить и даже пробует научиться писать левой рукой, Пятницкий неожиданно поверил, что чудо произошло. Крупская предупредила: Ленин хочет знать, что делается в Коминтерне, и просила Пятницкого подготовить короткое сообщение «о самом-самом главном». Обещала заранее сказать о дне приезда в Горки.

Пятницкий знал, что месяц назад Владимир Ильич один, со своим шофером Гилем, приезжал в Москву, побывал на территории сельскохозяйственной выставки, заходил в свой кремлевский кабинет и отобрал несколько книг из библиотеки. Ясно, что здоровье его шло на поправку. Наконец, позвонила Надежда Константиновна: «Приезжайте завтра в Горки. Владимир Ильич хочет вас видеть».

В машине, приехавшей за ним, сидел Иван Иванович Скворцов-Степанов и нервно пощипывал седеющую бородку. Он собирался рассказать Владимиру Ильичу о ходе выборов в Московский Совет.

Заехали за Анной Ильиничной и доктором Вейсбродом, после чего направились в Горки.

Осип не видел Ленина больше года и с непоборимым ужасом думал о том, что совсем уже скоро, через какой-нибудь час увидит постаревшего, изможденного тяжелой болезнью человека.

Анна Ильинична и Вейсброд тотчас же поднялись на второй этаж, где находились комнаты Ленина, а Осип со Скворцовым-Степановым остались внизу, по-видимому, в гостиной бывшего помещичьего дома.

Через несколько минут их пригласили наверх. В слабо освещенной комнате находились Анна и Мария Ульяновы. Из боковых дверей твердым шагом, опираясь левой рукой на палку, вошел Ленин и вслед за ним Надежда Константиновна. Владимир Ильич был в защитного цвета френче с расстегнутой у горла верхней пуговицей и в темных брюках. Зажав палку под мышкой, он протянул левую руку. Крепкие пальцы пожали руку Осипа. Ленин улыбался.

— Ты знаешь, Юлик, — с восторженным изумлением говорил поздним вечером Пятницкий жене, — увидев Ильича, я был поражен: я увидел прежнее лицо Ильича, его умные, прекрасные глаза. Выражение его глаз, улыбка, которая играла на его лице, были такие же, какие я видел десятки и сотни раз на протяжении двадцати лет, когда мне приходилось бывать у него.

Легким движением ладони Ленин предложил гостям сесть. Сел и сам в обыкновенное кресло, причем сделал это без видимого усилия. Поставил палку между коленями и вопрошающе взглянул на Пятницкого и Скворцова: мол, кто же из вас намерен говорить первым.

Первым, как было условлено, слово взял Иван Иванович. Он рассказывал о том, как идут выборы в Московский Совет, и о том, какие поправки к наказу МК вносились рабочими московских промышленных предприятий. Он коротко перечислил их: дать больше электричества на рабочие окраины и в слободки; продлить трамвайные пути; закрыть пивные и на их месте организовать нарпитовские столовые и т. д.

Выслушав Ивана Ивановича, Ленин, чуть повернувшись к Пятницкому, сидевшему у стола слева от него, сделал глазами знак, и Осип мог бы поклясться, что в это мгновение услышал привычное требовательное и полувопросительное: «Ну-с, товарищ Пятницкий?»

Безжалостно расправляясь со всем не самым существенным,

тщательно отбирая нужные, наиболее выразительные слова, Пятницкий обрисовал положение в Исполкоме Коминтерна, чуть подробнее остановился на процессе Бордиги, сообщил о предстоящей выборной кампании в Англии и о решении компартии поддержать лейбористских кандидатов. Затем стал рассказывать о Германии, о колоссальной безработице, о росте влияния коммунистической партии на рабочие массы и распаде социал-демократии...

Ленин слушал с чрезвычайным вниманием. Вдруг он посмотрел на Надежду Константиновну, и та, мгновенно поняв, что интересуется Ленина, спросила Осипа, как Исполком Коминтерна расценивает позицию Леви и так называемых «левых» социал-демократов, которые декларировали свою якобы самостоятельность и инакомыслие внутри германской социал-демократии.

Пятницкий сказал, что и Леви и «левые», сеющие иллюзии среди рабочих красивыми революционными фразами, ныне представляют еще худшую опасность для германской революции, нежели правые социал-демократы, уже раскрывшие свою реакционную сущность прямыми действиями в защиту буржуазного правопорядка.

Ленин кивнул головой и, сжав левую руку в кулак, пристукнул им по столу.

Крупская шепнула:

— Довольно. Он возбужден и устал.

Прощаясь с Лениным, Осип сказал:

— Наше большое хозяйство с нетерпением ждет своего хозяина, Владимир Ильич. Скорее поправляйтесь.

Слабая усмешка, чуть грустная, чуть ироническая, скользнула по губам Владимира Ильича.

...Пятница... Ты плачешь, Пятница!

Впервые после далеких детских лет он глухо рыдал, уткнувшись лицом в стол. Содрогались его широкие плечи, согбенная спина, вдруг показавшаяся Юлии спиной совсем старого человека.

Потом он встал и стиснутым кулаком попытался смахнуть слезы.

— Если будет еще сын, назовем Владимиром, — сказал он тонким срывающимся голосом. Разжал кулак и, дотронувшись концами пальцев до щеки Юлии, медленно, едва переставляя ноги, словно грузчик, принявший на спину невыносимую тяжесть, вышел из комнаты.

БЕЗ ЛЕНИНА — С ЛЕНИНЫМ

Сразу же после кончины Владимира Ильича Ленина перед Коминтерном и его руководящими и исполнительными органами возникло множество проблем и вопросов, требующих быстрого, четкого и прежде всего правильного решения.

Выражая чувства миллионов трудящихся всего мира, Исполком Коминтерна и Исполбюро Профинтерна опубликовали 23 января 1924 года «Воззвание» по поводу кончины гениального вождя революции. Оно заканчивалось словами: «Мы обращаемся к миллионам наших товарищей по борьбе во всем мире с призывом: «Следуйте заветам Ленина, которые продолжают жить в его партии и во всем, что создано трудом его жизни. Боритесь как Ленин и как Ленин вы победите».

Но, к сожалению, далеко не все, кто перед лицом невосполнимой потери голосовал за «Воззвание» и в красиво составленных пламенных речах клялся в своей верности ленинским заветам, проявляли эту верность в действии, в повседневной практической работе. И первым на этот нечестный извилистый путь вступил Лев Троцкий, еще осенью 1923 года навязавший РКП (б) и всему международному коммунистическому движению новую дискуссию по кардинальным вопросам партийного строительства, отравленное острие которой как раз и было обращено против дела Ленина, против его учения.

У Пятницкого были старые счеты с Троцким. И может быть, поэтому он особенно настороженно воспринимал наскоки Троцкого и небольшой группы его сторонников на Центральный Комитет партии и Исполком Коминтерна.

Став секретарем ИККИ, Пятницкий должен был научиться шире охватывать события, происходившие в международном рабочем движении и вообще в мире, глубже толковать их. Он отлично понимал сам, что богатого опыта работы в нелегальных условиях, великолепия знания «техники» и цепкой памяти на лица, имена и политические судьбы близких и далеких товарищей по борьбе было достаточно для того, чтобы возглавлять орготдел, но всего этого явно недоставало, чтобы быть одним из руководителей ИККИ. Кроме того, он полагал, что теперь, без Владимира Ильича, бесконечно увеличивается ответственность каждого большевика за дела всей партии, и он еще больше уплотнил и без того уплотненный рабочий день. Как правило, возвращаясь домой поздно

вечером и наспех поужинав, Пятницкий садился за книги, которые не успел прочитать за свою беспокойную, сотканную из быстро бегущих дней жизнь. Спал совсем мало: три-четыре часа в сутки, а для семьи оставались уже не короткие часы, а только минуты.

— Так нельзя. Ты совсем не бережешь себя, Пятница, — тревожно говорила Юлия, наблюдая, как муж торопливо, несколькими большими глотками выпивал стакан крепкого, чуть теплого чая, тут же хватался за туго набитый, лоснящийся от времени портфель и, кивнув головой: «Ну, я отправился, Юлик», — выбегал из дому в ту самую секунду, когда к подъезду подкатывал его громоздкий, выдавший виды автомобиль. И пока по-стариковски покашливающая и пофыркивающая машина, изредка подбадривающая себя не слишком мелодичным воплем клаксона, пробиралась через центр к Моховой, множество тревожных мыслей роились в голове секретаря Исполкома.

В ближайшие дни ему предстояла поездка в Германию, страну, в которой он прожил немало лет, проходя высшую школу профессионального революционера.

Положение в Коммунистической партии Германии — одной из опорных секций Коминтерна — продолжало оставаться тревожным.

Экономическая и политическая обстановка в стране, события, происходившие на международной арене, сама жизнь опровергли прогнозы некоторых лидеров компартии, их несостоятельное стремление представить положение в Германии как якобы вполне созревшее для захвата власти.

На совещании представителей компартий Германии, Франции, Чехословакии и РКП (б), открывшемся в Москве 21 октября 1923 года, доклад о положении в Германии сделал Г. Брандлео. Он явно выдавал желаемое за реальность и договорился до того, что прямо заявил: «Захват власти мы, все ответственные работники, считаем нетрудной и вполне выполнимой задачей».

Несмотря на обоснованные возражения со стороны Э. Тельмана и Г. Эберлейна, считавших, что Брандлер в своем анализе исходит лишь из оценки политической ситуации в Саксонии и Тюрингии, а не во всей стране и что оптимизм докладчика чреват опасностями, ибо вытекает из явной переоценки подготовленности пролетариата к вооруженной борьбе за власть, председатель ИККИ Зиновьев и ряд других руководящих деятелей компартии фактически поддержали основные положения доклада.

Позже, вспоминая об этом докладе, Отто Вильгельмович Куусинен говорил, что Брандлер просто-напросто ударился в революционную

фантастику.

Последующие события — разгон рабочих правительств в Саксонии и Тюрингии и прекращение героического восстания рабочих Гамбурга, в течение 60 часов ведших баррикадные бои с вооруженными до зубов полицейскими и солдатами рейхсвера, тяжкие потери и жертвы среди лучшей части германских коммунистов — словно вихрь разнесли величественную, но не имеющую фундамента, а потому и фантастическую постройку, мысленно воздвигаемую правыми руководителями КПП.

23 ноября генерал Сект официально объявил о роспуске Коммунистической партии Германии и всех связанных с ней массовых организаций. Над каждым коммунистом и сочувствующим нависла угроза длительного тюремного заключения.

Правительство во главе с социал-демократом Штреземаном ушло в отставку. Новое коалиционное правительство, но уже без участия социал-демократов, сформировал В. Маркс.

Один за другим посыпались на головы трудящихся чрезвычайные законы и постановления, и в том числе самый реакционный — об отмене 8-часового рабочего дня.

Компартия Германии ушла в глубокое подполье. В этой чрезвычайно усложнившейся обстановке силу стало набирать «ультралевое» крыло партии, в общем-то немногочисленная кучка сектантов, группировавшаяся вокруг Рут Фишер и Аркадия Маслова. «Ультралевые», уже находясь у руководства партией, полагали, что они еще более укрепят свои позиции на предстоящем IX съезде КПП. И в этом смысле они развернули очень широкую кампанию, готовясь протащить на съезде ряд своих «принципиальных» установок.

Тщательно готовились к этому съезду и в Исполкоме Коминтерна. Было решено послать на съезд чрезвычайно представительную делегацию в составе Мануильского, Пятницкого, Куусинена и Лозовского.

Все заботы об организации поездки взял на себя Пятницкий. Не могло быть и речи, что правительство В. Маркса выдаст визы на въезд в Германию делегатам ИККИ, отправлявшимся на нелегальный съезд.

Пришлось использовать те самые каналы нелегальной связи, по которым Пятницкий направлял в разные страны уполномоченных и инструкторов ИККИ. Делегаты ИККИ должны были «тряхнуть стариной». Именно «тряхнуть стариной»! Ведь славная четверка делегатов ИККИ имела за своими плечами опыт нелегальной работы, насчитывавший десятилетия. Каждый из них был непревзойденным мастером конспирации, умел водить за нос филеров и шпииков, неузнаваемо преображаться и с

холодной головой идти во имя дела на самый невероятный риск.

Пятницкий, посмеиваясь, говорил:

— Порастрясем чуть-чуть жиры, нажитые от сидения в руководящих креслах. Вспомним молодость и те стежки-дорожки, по которым приходилось пробираться тайком... А что, разве плохо? Мы же обучаем конспирации наших молодых товарищей. А теорию надо подкреплять практикой. Вот мы и попрактикуемся.

— А в самом деле, — вторил ему Дмитрий Захарович Мануильский, — четыре таких здоровенных парубка и к самому черту в зубы проберутся. А оплошаем — придется признать матриархат и склониться перед нашей Кларой.

Мануильский имел в виду неожиданное появление в зале, где проходил XVIII съезд социалистической партии Франции, известный как Турский, представителя Исполкома Коммунистического Интернационала Клары Цеткин. Было ей тогда без малого шестьдесят четыре года. Нелегально приехав во Францию, эта легендарная женщина, депутат рейхстага, соратница и друг Карла Либкнехта и Розы Люксембург, знаменитая «Красная Клара», обманула бдительность Сюрте женераль, обвела вокруг пальца целую свору полицейских и приехала в Тур, чтобы непосредственно обратиться к делегатам съезда.

Ее неожиданное появление в зале во время речи Л. О. Фроссара вызвало громкую овацию, а ее короткая страстная речь во многом способствовала принятию исторического решения, означавшего рождение Коммунистической партии Франции. Вспоминая это выступление Клары Цеткин, Пятницкий с неослабеваемой тревогой думал о предстоящем IX партийном съезде КПГ, ибо создавшееся в Германской компартии положение никак нельзя было отнести к благополучному.

Итак, в один из первых дней апреля во Франкфурте-на-Майне появились четыре респектабельных иностранца, отлично говоривших по-немецки и уж никак не похожих на страшных бородатых большевиков, изображаемых на плакатах. Впрочем, у одного из них все же была аккуратно подстриженная и чуть вьющаяся рыжеватая бородка. То был генеральный секретарь Профинтерна С. А. Лозовский.

Там, где было заранее условлено, их встретил молодой человек довольно высокого роста, с фигурой атлета. Правда, он слегка прихрамывал. Сказав пароль, он коротко представился: «Зорге» — и объяснил, что Центральный Комитет возложил на него ответственность за безопасность и удобства приехавших товарищей. Распахнул дверцы большого, изрядно потрепанного «бенца», уложил чемоданы приезжих в

багажник, а сам сел рядом с шофером, еще более широкоплечим и мускулистым парнем, чем он сам. Когда машина набрала скорость, повернулся к пассажирам и негромко сказал:

— Руководство находит, что вам будет наиболее удобно жить в моем доме. Дом довольно просторный и стоит на отшибе. А безопасность я вам гарантирую.

— Мы и сами ерши, молодой человек, — усмехнулся Мануильский. — Любая щука подавится.

Сопровождающий тоже улыбнулся. Его серо-голубые глаза под приподнятыми вразлет темными бровями смотрели пристально и внимательно.

— Добрый хлопец, — сказал по-русски Мануильский.

А Пятницкий, обладавший отличной, да еще специально тренированной на имена, клички, адреса и пароли памятью, чуть прикрыв глаза тяжелыми белыми веками, мысленно «заполнял анкету» этого действительно доброго хлопца.

Рихард Зорге. Ему сейчас, должно быть, лет двадцать восемь — двадцать девять. Партийный функционер. Внучатый племянник того самого Фридриха Зорге, который вместе с Энгельсом участвовал в Баденском восстании, крепко дружил с Карлом Марксом. А Рихард родился в России. Да, мать его Нина Семеновна, урожденная Кобелева... Кажется, участник баррикадных боев в Гамбурге. И очень башковитый. Доктор Рихард Зорге. Экономика, социология... Что ж, теперь можно будет с ним ближе познакомиться. Ману (так товарищи называли Мануильского) прав, парень производит хорошее впечатление.

«Бенц» привез их куда-то на окраину города. Густой запущенный сад. В глубине его полуразрушенная конюшня и возле приземистый дом довольно непритязательной архитектуры.

Зорге объяснил, что здание это бывшая кучерская, которую он арендовал у какого-то обедневшего аристократа. Сделали самодеятельный ремонт, заново покрасили стены комнат в яркие цвета. Получилось неплохо. Впрочем, судите сами!

— С точки зрения конспирации — отличное место, — пробормотал Пятницкий, еще раз быстро оглядываясь по сторонам. — А как с выходами из дома? Два? Подходяще. А где владелец этих бывших конюшен?

— Его дом в саду. Пустует и заколочен. Кроме привидений, обитателей не имеет.

— Ну, с привидениями мы как-нибудь справимся, — заверил Мануильский.

Перебрасываясь шутками, они вошли в дом. Стены комнат горели яркими цветами масляной краски. Комната, доставшаяся Пятницкому и Куусинену, была голубой, а та, где разместились Мануильский и Лозовский, ослепительно желтая.

Когда поздние сумерки спустились на город и сад из окон дома гляделся как темная плотная стена, достающая своим узорчатым верхом до самого неба, полыхавшего последними красками заката, Зорге предупредил своих гостей, что к ним должен вот-вот прийти представитель руководства. Кто именно, он не сказал.

Но вот дверь распахнулась, и на пороге появилась фигура могучего широкоплечего человека в такой знакомой мягкой темно-синей фуражке. Именно с этим человеком больше всего хотели встретиться представители Исполкома Коминтерна.

Загудел низкий, глубокий, как гул большого колокола, голос. Сильная рука дружески, но довольно безжалостно сдавливала пальцы. Ясные светлые глаза внимательно вглядывались в лица приехавших друзей.

Тельман сбросил непромокаемую куртку из легкого брезента, снял фуражку, провел ладонью по высокому лбу, стирая мелкие капельки пота.

— Не спрашиваю, как добрались. Вижу, что благополучно. Вы, друзья, в хороших руках — Рихард гостеприимный и очень заботливый хозяин.

Всего два месяца назад Тельман был в Москве, участвуя в заседаниях Президиума Исполкома, посвященных вопросу о положении в Компартии Германии. В ночь с 23 на 24 января он стоял в почетном карауле у гроба Ленина.

И вот он пришел, чтобы еще раз обсудить нынешнее состояние компартии и выработать тактику поведения на IX партийтаге, который открывается завтра.

Сидя на стульях и на кроватях в голубой комнате, Пятницкий и его товарищи слушали подробный и печальный рассказ Тельмана.

— Трагический исход борьбы не лишил нас мужества, — говорил он, сжимая и разжимая тяжелые кулаки, лежавшие на коленях. — Но партия, естественно, обескровлена, потеряла огромное количество своих членов.

Да, в одном Гамбурге арестовали 983 рабочих, заподозренных в участии в восстании, и 892 были привлечены к судебной ответственности. А таких отличных боевых парней, как Эрнст Торель, Вильгельм Вилендорф и Вильгельм Дитрих, приговорили к смертной казни, как и военного руководителя шифбекских рабочих Фите Шульце. Ему, правда, смертный приговор вынесли заочно. А всего в тюрьмы было брошено более 7 тысяч активистов партии.

Обращаясь к Пятницкому, Тельман говорил:

— Я часто вспоминаю твои слова, Осип: легальность компартии — черта, далеко не характерная для буржуазного режима, даже кичащегося своей демократичностью. Внезапный переход на нелегальное положение застал нас врасплох. Ни опыта, ни вкуса к конспирации не было у нашего руководства. И мы сейчас оказались в роли приготовишек... — И ко всем: — Очень нелегко нам работать, товарищи!

Потом долго говорили о соотношении сил на предстоящем съезде. У Тельмана не было никаких иллюзий. Конечно, здоровое ядро делегатов, а таких немало, будет из всех сил поддерживать предложения, выработанные Исполкомом Коминтерна. Пик, Ульбрихт, Геккерт, Эберлейп... Но их все же, увы, меньшинство. Капитулянтские ошибки Брандлера и Тальгеймера выплеснули на поверхность «крайне левых» сектантов во главе с Рут, женщиной чудовищного самомнения и честолюбия. Песенка правых спета. Партейтаг прочтет им отходную. Но вот обуздать Рут Фишер и Маслова, убедить делегатов съезда, что их позиция ошибочна и не менее опасна для партии, нежели брандлерианство, пожалуй, не удастся. Большинство съезда пойдет за «ультралевыми». Реальность мало приятная, но тем не менее реальность. А главная задача остается прежней: и в труднейших условиях нелегальности, в процессе ожесточенной борьбы различных группировок за главенствующее положение в партии нужно во что бы то ни стало сохранить ее единство, не допустить, чтобы во имя политического тщеславия и групповых интересов некоторых «вождей» ее растащили бы по частям.

Когда обо всем было переговорено и Тельман натянул на свои крутые плечи непромокаемую куртку — было очень поздно, ущербная луна завершала ночной путь и уже путалась в вершинах деревьев сада, — Пятницкий спросил:

— Скажи, пожалуйста, Тедди, наш хозяин и охранитель — всем нам он пришелся по сердцу — твой человек?

— Еще бы! Рихард прошел огонь и воду Гамбургского восстания, — торжествующе загудел Тельман, — я причисляю его к самым лучшим, к Иону Шееру, Эдгару Андрэ, Манфреду Штерну, Фите Шульце, Антону Свиталее, Вилли Бределю... Ну, к тем, кто для меня был как бы частью меня самого. Зорге был моим связным. Поддерживал постоянную связь с Центральным Комитетом. И делал это, должен прямо сказать, здорово, умело... Вполне по твоим канонам, Осип. А потом его квартира в Гамбурге стала местом, куда приезжали курьеры ЦК. Я выбрал именно его потому, что мне очень дорога ваша жизнь, друзья.

Уже лежа в постели и перекинувшись короткими замечаниями с Отто Вильгельмовичем, человеком, уж никак не страдающим многословием, Пятницкий понял, что заснуть ему сегодня будет очень трудно. Он продумывал и анализировал все услышанное от Тельмана и мысленно готовил возражения против ультрареволюционной фразеологии некоторых руководителей КПГ. Он обратился за советом к Владимиру Ильичу. Ему казалось, что именно в работе Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», там, где говорится о революционном опыте большевиков, о быстроте и разнообразии смены различных форм движения, «легального, кружкового и массового, парламентского и террористического», он найдет самую убедительную аргументацию, если, конечно, ему придется говорить о нынешнем положении в КПГ.

Неоднократно выступали представители ИККИ, их точку зрения полностью поддержали Тельман и его единомышленники, и все-таки большинство делегатов Франкфуртского съезда пошло на поводу у Рут Фишер, Маслова, Шолема, Каца, у тех, кто демагогически отвергал возможность совместных действий с людьми, состоявшими в социал-демократической партии или принадлежавшими к массовым организациям, далеким от коммунистов. То была устаревшая и осужденная самой действительностью тактика. Она таила угрозу превращения партии в малочисленную, оторванную от масс, замкнутую в себе сектантскую организацию.

Встречаясь с Зорге каждый день, Пятницкий все более убеждался, что Зорге человек недюжинного ума, превосходный организатор и талантливый конспиратор. Отряд рабочих боевиков — в недалеком будущем те самые красные фронтовики, союз которых создаст Эрнст Тельман, — руководимый Зорге, неусыпно, тщательно и почти незаметно оберегал представителей ИККИ.

«Чувствуется рука мастера», — довольно бурчал про себя Пятницкий, когда при всем желании не мог заметить крепких парней из отряда Зорге, сопровождавших каждый шаг гостей-нелегалов.

Возвратившись в Москву, Пятницкий с головой ушел в дела. Приближался день открытия V конгресса Коминтерна, первого конгресса без участия Ленина. На нем Пятницкому предстояло выступить с докладом по организационным вопросам.

Однако не предстоящий доклад и не бесконечные хлопоты, связанные с изысканием способов приезда в Москву для делегатов от партий, что находились на нелегальном и полунелегальном положении, занимали воображение Пятницкого. Его все более тревожила позиция — прямо

сказать, загадочная — председателя ИККИ. С одной стороны, не жалеет слов для осуждения троцкизма, а с другой... Не излишне ли либерален он по отношению к «ультралевым», ставшим у руководства КПГ? Ведь ему подробно рассказывали о том, как проходил нелегальный Франкфуртский съезд. Почему же во всех своих выступлениях, да и в доверительных беседах Зиновьев продолжает выпячивать правую опасность, а об «ультралевых» говорит неохотно, как-то между прочим, будто они вовсе не реальность, а так, некий миф. Хорошенький миф, если иметь в виду этого Бонапарта в юбке, милейшую нашу Рут Фишер, и ее единомышленников. Почему Зиновьев упрямо не желает понять их сектантскую сущность? А Рут Фишер между тем организует прямую травлю коммунистов, идущих за Тельманом... В самом деле, почему?

Были и другие проблемы, которые предстояло рассмотреть и решить. Поездка в Германию только подтвердила убеждение Пятницкого, что к опыту работы в нелегальных условиях, накопленному РКП (б), зарубежные партии относятся без должного внимания, даже с известной долей легкомыслия, и в результате получают тяжкие удары в незащищенную грудь. А ведь партий, действующих в условиях глубокого подполья, ныне огромное большинство. Только организационная их перестройка на основе производственных ячеек способна коренным образом изменить существующее положение вещей. Ну и, конечно, строгое соблюдение всех правил конспирации... Конгресс должен сказать свое веское слово!

17 июня 1924 года генеральный секретарь ИККИ Василь Коларов открыл V конгресс.

В своем коротком вступительном слове он сказал:

«От прошлого конгресса нас отделяет всего полтора года. Это очень короткий срок, но за этот короткий срок совершилась масса событий колоссальнейшего значения, произошли огромные перемены как в международных отношениях, так и в жизни и развитии отдельных наших партий... В этой борьбе бывали частичные поражения, бывали и значительные победы. Но и были огромные жертвы. И первое, о чем мы должны сказать, начиная конгресс, это о наших огромных потерях. И первое из первых слов должно быть об утрате величайшего вождя мировой революции — товарища] Ленина».

Пятьсот четыре делегата, представлявших сорок девять коммунистических и рабочих партий, одну народно-революционную партию и организации, направляемые Коминтерном, поднялись со своих мест, чтобы минутой глубокого горестного молчания почтить память того, кто был организатором этого всемирного братства революционеро-

коммунистов и чей могучий светлый ум всегда находил выход из самых, казалось бы, неразрешимых трудностей, возникающих на пути международного коммунистического движения.

Борьба за сплочение рядов рабочего класса, задача большевизации, задача идейно-организационного укрепления коммунистических партий — вот, пожалуй, тот самый стержень, вокруг которого строился весь порядок дня конгресса. А задача эта могла быть решена лишь на основе дальнейшего развития теоретических, программных и тактических выводов марксизма-ленинизма.

По поводу оппозиции в РКП (б) конгресс продемонстрировал единодушие всех коммунистических партий и организаций, принимавших участие в его работе.

26 июня германская, французская, американская и английская делегации направили в президиум конгресса «Предложение по русскому вопросу». В нем говорилось: «Нижеподписавшиеся делегации говорят от имени тех партий, которые с самого начала следили с величайшим вниманием и серьезной тревогой за русской партдискуссией и единодушно высказались за ЦК РКП. Сделали они это потому, что в предложениях оппозиции они видели угрозу прочности пролетарской диктатуры и единству РКП... V конгресс Коминтерна должен подтвердить решение XIII съезда РКП и подчеркнуть, что взгляды оппозиции знаменуют мелкобуржуазный оппортунистический уклон. Мы здесь подчеркиваем, что русский вопрос не есть вопрос национальный, а имеет международное значение».

II конгресс в своем решении подтвердил резолюции XIII партийной конференции и XIII съезда РКП (б), безоговорочно осуждавшие платформу троцкистов.

Принятию такого решения предшествовало одно волнующее событие, оставившее глубокий след в сердцах делегатов конгресса.

18 июня все они собрались на Красной площади, возле Мавзолея Ленина, и возложили венок на гроб Владимира Ильича. Здесь же, на площади, Михаил Иванович Калинин выступил перед ними с докладом «Ленинизм и Коминтерн».

Михаил Иванович сказал: «Товарищи, я думаю, еще задолго до настоящего конгресса каждому из вас было ясно, что первое слово на конгрессе, без сомнения, будет сказано о товарище] Ленине. Это разумелось само собой. Вождь русской революции, вождь большевизма был в то же время и вождем Коммунистического Интернационала. И в этом не было никакой исторической случайности. То, что мы называем

«ленинизмом», включает в себя самый последовательный, самый полный, самый действенный интернационализм».

И хотя V конгресс в своих решениях осудил и тенденции правых, и ошибки «ультралевых», так и не понявших исторического значения лозунга «к массам», Пятницкого, как и его товарищей по поездке на Франкфуртский съезд, тревожила позиция руководства КПГ, как бы игравшего двойную игру — на словах одно, а на деле другое.

Можно произносить самые высокие слова о преданности пролетарской революции, о верности ленинским идеям, об исторической роли первого в мире государства рабочих и крестьян и в то же время вести подрывную деятельность против ленинизма, против Коминтерна и даже... против Советского Союза.

Именно так и поступало сектантское руководство КПГ.

Репарационный план для Германии, принятый в 1924 году на Лондонской конференции представителей держав-победительниц, известный как «план Дауэса», временно смягчил наиболее острые противоречия Германии с державами-победительницами. В стране наметился некоторый экономический подъем, сокращение безработицы и повышение жизненного уровня отдельных слоев трудящихся. Это помогло правым социал-демократам увлечь массовые реформистские рабочие организации на путь сотрудничества с буржуазией.

В этой новой для Германии обстановке «ультралевое» руководство КПГ проявляло растерянность, шарахалось из стороны в сторону и пыталось валить все неудачи с больной головы на здоровую, то есть на Коминтерн и Российскую Коммунистическую партию. Оно стало усиленно распространять слухи, что поворот тактической линии КПГ, на котором настаивает Коминтерн, есть следствие затруднительного международного положения Советского Союза. По Кацу, Шолему и К⁰ выходило, что Советское правительство уступает буржуазному нажиму в вопросе Коминтерна и «новая тактика» не более чем жертва, принесенная немецкими коммунистами в интересах самосохранения СССР.

Критикуя позицию Каца, Д. З. Мануильский остроумно заметил: «Но уже появление в наших собственных рядах такого рода оценок роли Коминтерна как товара, который можно заложить в ломбарде на черный день, весьма симптоматично».

«Ультралевые» обвиняли РКП и в капитуляции перед «крестьянской стихией» (замена продразверстки продналогом) и утверждали, что наметившееся сближение между английским профессиональным движением и советскими профессиональными союзами продиктовано

интересами Советского правительства, пытающегося упрочить свои позиции в Англии.

Все эти чудовищные обвинения несколько позже нашли, как мы знаем, питательную среду в троцкистско-зиновьевском блоке, чьи установки с пеной у рта защищали «ультралевые» из КПГ, тогда уже отстраненные от руководства и потерявшие влияние в массах.

Но на X съезде Компартии Германии, состоявшемся 12–17 июля 1925 года в Берлине, группка Рут Фишер была еще в руководстве и, естественно, встретила в штыки выступление представителя ИККИ Мануильского, заявившего в своей речи: «Этот год оставляет вашей партии, несмотря на достигнутые положительные успехи, не изжитое еще вполне тяжелое наследство капедистских настроений. Основная задача момента — очистить партию железом, если нужно, от этих настроений. А это значит, что борьба с «ультралевым» уклоном должна быть серьезной, глубокой, подобно той, которую русская партия когда-то вела против своих «левых» ребячеств после поражения революции 1905–1906 годов. Это — борьба, а не маленький эпизод, который через день-другой после партийтага закончится круговой амнистией напроказивших товарищей. Это не пустяковое расхождение, которое забудется быстро и легко. Этот уклон принес партии неисчислимый теоретический и практический вред».

Но только на I общепартийной конференции в Берлине — 30 октября 1925 года — удалось произвести радикальную операцию и удалить с тела партии опасную опухоль. «Ультралевые» были отстранены от руководства, и конференция избрала новый состав Центрального Комитета во главе с Тельманом, Пиком, Ульбрихтом, Геккером, Флориным и другими товарищами, верными идеям Ленина и подлинного пролетарского интернационализма.

Первый год без Владимира Ильича Ленина был трудным и для Исполкома Коминтерна, и для всего международного коммунистического движения.

К сожалению, руководящие работники Коминтерна, помогая зарубежным партиям находить свой путь на основе новой тактики и ведя бескомпромиссную борьбу против опаснейших правооппортунистического и левацкого уклонов в компартиях Германии, Италии, Швеции, Югославии, еще не могли предвидеть, что троцкизм, казалось бы, полностью разоблаченный и осужденный V Всемирным конгрессом, вновь и очень скоро возродится в новом качестве, как беспринципный троцкистско-зиновьевский блок, выступивший против Ленина, против единства в созданных им партии русских коммунистов и Коминтерне.

ШТАБ ВСЕМИРНЫЙ

Пятый расширенный пленум Исполкома Коминтерна, работавший в Москве с 21 марта по 6 апреля 1925 года, занимался теоретическими и практическими вопросами коммунистического движения.

Пленум выдвинул перед зарубежными партиями следующие задачи: систематическое и упорное изучение экономики своих стран, с тем, чтобы внимательно отмечать все моменты, осложняющие и задерживающие процесс «оздоровления» капитализма; твердой рукой проводить основную стратегическую и тактическую линию, намеченную V конгрессом, но непременно считаться при этом с конкретными условиями каждой отдельной страны и общим уровнем состояния ее рабочего движения; повсюду выдвигать частные требования рабочего класса, связывая их с конечными целями коммунистического движения; бороться за единство профессионального движения в международном масштабе, не упуская малейшего предоставившегося случая для практического его осуществления в своей стране; воспитывать, то есть *большевизировать* компартии и идущие за ними рабочие массы. Рассматривал пленум и вопросы национально-освободительного движения.

На этом пленуме Пятницкий выступил с коротким докладом о только что проведенном ИККИ организационном совещании. В нем, кроме специально приглашенных представителей ЦК КПГ, берлинской и гамбургской организаций КПГ, ЦК КПФ, парижского и северного округа КПФ, ЦК и туринской организации Компартии Италии, ЦК и пражской организации КИЧ, центральных комитетов компартий Британии, Польши, Швеции и Норвегии, фактически участвовали представители компартий 34 стран, прибывших на расширенный пленум. И что особенно ценно — это присутствие представителей местных организаций, выступивших на совещании с отчетами о своей работе.

Пятницкий был чрезвычайно доволен результатами совещания. Создавалось впечатление, что неразберихе в организационном строении партий приходит конец. Наиболее показательным отрицательным примером была, бесспорно, хаотическая структура в Американской рабочей партии. В ней члены партии объединялись не по ячейкам, а по национальному признаку: литовцы, латыши, финны, шведы, югославы и др. объединялись в районе, городе и масштабе всей страны в самостоятельные организации. Было их семнадцать, причем каждая

собирала членские взносы, имела свои ежедневные и еженедельные газеты, типографии, клубы и т. п. Получалось так, что сам Центральный Комитет и местные комитеты полностью зависели от воли этих национальных организаций, и, следовательно, принцип демократического централизма не соблюдался.

Между тем на тех немногих предприятиях, где существовали партийные ячейки, работа была поставлена интересно и приносила ощутимые результаты. На всех этих предприятиях прошли массовые митинги в защиту Сакко и Ванцетти: ячейки этих предприятий провели кампанию протеста против детского труда, им удалось добиться избрания коммунистов в руководящие органы некоторых местных отделений союза горняков.

Орготдел ИККИ не один раз предлагал американским товарищам изменить структуру рабочей партии, но только на оргсовещании как будто бы удалось сдвинуть этот вопрос с мертвой точки.

В других партиях успех был налицо. За восемь месяцев, прошедших от V конгресса до оргсовещания, в 22 компартиях было уже создано 8822 фабрично-заводские ячейки, а в 18 союзах коммунистической молодежи — 2255 ячеек.

Все выступавшие на совещании отмечали полезность реорганизации по производственному принципу, используя богатейший опыт РКП.

Понятно, инструкция об организации партийных ячеек, разработанная орготделом ИККИ, не должна была приниматься как некая догма. Ведь были же члены партии, которые не работали на предприятиях. Хотя бы те же домохозяйки. Их следовало объединить в уличные ячейки, подчиняя партийным комитетам участка или района.

На том же совещании Пятницкий остро поставил вопрос об активности, а точнее сказать, о пассивности огромного большинства рядовых членов партии, которые не получают конкретных поручений и настолько разобщены, что иногда происходят казусы: на митингах рабочих завода или фабрики коммунисты выступают друг против друга.

Пятницкий вникал во все мелочи, подробно разбирал деятельность какой-нибудь местной партийной организации и на конкретных фактах показывал ее сильные и слабые стороны. «Осип видит сквозь землю», — уважительно шутили участники совещания. А Пятницкий между тем обращал внимание собравшихся на другие вопросы, тщательно изученные орготделом. Так, он решительно высказался против института функционеров, подменявшего во многих организациях компартий Германии и Чехословакии районные и городские партконференции. Ведь,

по существу, именно такая «удобная» форма решения основных вопросов, перенятая компартиями от крепких социал-демократических организаций Германии, Австрии, Чехословакии, обрекает на бездеятельность массу рядовых членов партии, от которых отнято право участвовать в обсуждении кардинальных вопросов партийной жизни!

И несмотря на возражения германских товарищей, совещание признало вредность существования институтов функционеров и рекомендовало собирать «ответственных лиц», то есть секретарей и членов бюро ячеек, от случая к случаю, по каким-то конкретным вопросам, а районные и партийные конференции, напротив, проводить периодически с выбором делегатов на них на предварительных собраниях низовых организаций (ячеек).

С вопросом об «институте функционеров» сливался и вопрос об улучшении всей постановки работы аппарата местных партийных организаций (речь, понятно, шла только о легальных партиях). Дело заключалось в том, что в большинстве городов Чехословакии, Франции и Англии не было хотя бы одного партийного работника, могущего целый день посвящать себя партийным делам. Партийный аппарат сосредоточен главным образом в бецирках (губкомы, областкомы), а в районах... Достаточно вспомнить, что в 39 районах Парижского округа райкомы и их президиумы начинают свою ежедневную деятельность только в вечерние часы, после окончания службы... А если произойдет что-то, требующее немедленного вмешательства, утром или днем? Ну, например, вспыхнет забастовка на одном из предприятий района. Как быть тогда? Терпеливо дожидаться наступления вечерних часов?

«С таким положением, — говорил Пятницкий, — может быть, можно было бы мириться при прежней системе организации, когда члены партии созывались раз в месяц или раз в три месяца и когда функционеры и доверенные лица обсуждали и решали все вопросы за организацию, вместо всех членов партии. Но с этим нельзя мириться при организации партии на основе ячеек по предприятиям, ибо мы тогда укрепимся на фабриках и заводах, когда наши ячейки будут активны, будут вмешиваться во все конфликты между рабочими и предпринимателями, когда они направят недовольство рабочих в правильное русло классовой борьбы, а это возможно, когда райком или участковый комитет будет правильно инструктировать ячейки и будет следить за их работой, что, в свою очередь, требует, чтоб хотя бы один товарищ, скажем — секретарь, занимался постоянно партработой».

Совещание и в этом вопросе полностью поддержало Пятницкого. О

«высокой политике» почти не говорилось — она подразумевалась. Зато практическая партийная работа — скажем, конкретные задачи работы во внепартийных массовых рабочих и крестьянских организациях, расширение сети ячейковых газет, оживление их — обсуждалась всесторонне и придиричливо.

Вот это и была та самая незаметная, каждодневная, сугубо «черновая» работа орготдела ИККИ, возглавляемого Осипом Пятницким.

Слабоват был и теоретический уровень партийных функционеров. Нужны были международные курсы, на которых можно было проводить систематическую подготовку кадровых работников европейских партий, применяя успешный опыт Коммунистического университета трудящихся Востока, где марксистско-ленинской теорией овладевали бы революционеры стран Азии, Латинской Америки. Подготовкой к открытию таких курсов и занимался Пятницкий.

Именно по этим вопросам совещался он с Гуральским — уполномоченным ИККИ, недавно приехавшим из Франции, когда ему позвонил Зиновьев и попросил «отложить все дела и теперь же заглянуть ко мне».

— Сейчас приду, — сказал в трубку Осип и извинился перед Гуральским. — Ты посиди у меня. Долго у него не задержусь. Перед партсъездом он коминтерновскими делами нешибко занимается.

Гуральский раскурил трубочку и взмахнул маленькой, словно детской, рукой — мол, ничего, время терпит.

Зиновьев был один. Зеленая бекеша и высокая шапка из серого каракуля валялись на диване. Их хозяин стоял возле стола, нетерпеливо подрагивая ногой, будто бы собираясь куда-то бежать.

— Я хотел поговорить с вами, — сказал Зиновьев, протягивая для пожатия свою небольшую пухлую руку. — Пока сугубо конфиденциально...

Пятницкий сел в кресло и выжидающе глянул на Зиновьева.

На одутловатых стеариновых щеках Зиновьева отчетливо выступали розовые пятна. Он вертел в пальцах толстый, очиненный с двух сторон красно-синий карандаш.

— Я только что из Питера. — Карандаш своим красным острием уперся в круглый подбородок и оставил на коже красную вмятину. — Там принято решение... Кардинально важное. Выступить на съезде. Питерские товарищи поручили это мне.

Пятницкий молча слушал и смотрел на карандаш, быстро мелькавший в пальцах Зиновьева. Синий... красный... синий... красный и вот уже

опять синий.

— Вы, конечно, с нами, товарищ Пятницкий. Я в этом не сомневаюсь, но все же хотел...

— Я с Лениным, — перебил Пятницкий.

— Ленина больше нет. Остался ленинизм. — Карандаш еще быстрее завертелся в белых холеных пальцах. — Я хочу уберечь чистоту ленинизма.

— От кого? — глухо спросил Пятницкий, всем корпусом поворачиваясь к говорившему. — От партии?

На это Зиновьев ничего не ответил, только зло взглянул на Пятницкого.

— Я читал ванту книгу. Я никакой не теоретик, но и мне ясно, что вы сильно там напутали. Ваша трактовка ленинизма чрезвычайно субъективна, а потому и неверна, — спокойно сказал Пятницкий, продолжая следить за мечущимся карандашом.

— Что с вами, Осип? — вопрос был задан деланно-обеспокоенным тоном, как если бы врач осведомлялся о здоровье своего капризного пациента. — Вы действительно не сильны в теоретических вопросах, но все положения в моем «Ленинизме» предельно ясны и, смею надеяться, изложены достаточно популярно.

— Именно потому я имел возможность разобраться в чепухе, которую вы нагородили, — спокойно отпарировал Пятницкий. Он ждал этого разговора и был готов к нему.

— Ну, ну! — воскликнул Зиновьев. — А не многовато ли вы на себя берете, Осип? — Карандаш острием с силой ткнулся в стекло на столе и поднял фонтанчик красных брызг. — Но я не теряю надежды вас образумить. И во имя этого готов сейчас же изложить вам свое кредо.

«Долго же Гуральскому придется меня ждать», — мельком подумал Пятницкий. Кивнул головой.

— Я слушаю вас.

Зиновьев начал говорить, сидя в кресле, но уже через несколько минут вновь встал и продолжал, все более накаляясь, повышая до дисканта и без того высокий свой голос, мастерски модулируя им и отмахивая сломанным карандашом кварталы и тернии. Стоя говорить было привычнее.

«Все же оратор», — одобрительно подумал Пятницкий, но тут же забыл об этом, потому что пришлось ему выбираться из округлых, скользящих формулировок Зиновьева, и это было как на катке, где гладчайший лед готовит тебе всякие сюрпризы. А в общем-то, ничего нового: якобы намечающийся отказ от перспективы мировой революции, невозможность построения социализма в СССР без прямой

государственной поддержки пролетариата Запада, страх перед середняком. И цитаты из Ленина, произносимые на память, скороговоркой, попросту выкраденные из контекста.

Зиновьев все говорил и все больше и больше распалялся. И так целых полчаса. Да, по настенным часам ровно тридцать две минуты продолжалась речь председателя ИККИ.

На этот раз обращена она была не к очень-то многочисленной аудитории. К одному Пятницкому! Просто курам на смех, как старается...

Но вот Зиновьев опустил плечи, глубоко вздохнул, затем потянулся к графину, плеснул воды в стакан и выпил ее маленькими глотками.

— Помогло? — спросил он, удобно усаживаясь в кресло.

— Угу, — ответил Пятницкий. — Да еще как! Из вашего кредо торчат ослиные уши троцкизма.

Он ждал вспышки гнева, истерики, выкриков, чего угодно, но только не того, что произошло.

Зиновьев явно насмешливо взглянул на него и абсолютно спокойно сказал:

— Что ж, иногда стоит использовать союз с недавним противником против нового и более опасного. Нас этому учит история.

— Значит, с Троцким против всей партии? — сдерживая злость, спросил Пятницкий.

— Слабовато, слабовато, Осип! Ждал от вас не демагогии, а чего-то более серьезного. Не с Троцким, а только используя его. Временно... И не против партии, а против тех, кто хочет свернуть ее с ленинского пути.

— И с Троцким в роли рулевого! — упрямо повторил Пятницкий. — Нет, не выйдет это у вас. Не выйдет! Опять вас куда-то заносит... Как и тогда, в Октябре...

Зиновьев вскочил и, стиснув карандаш в кулаке, направил его, как дуло пистолета, в лицо Пятницкому.

— Значит, вы не с нами! — уже не сдерживаясь, крикнул он.

Пятницкий тоже встал.

— Нет, я с Лениным, — сказал он и чуть нагнув свою круглую, сильно облысевшую голову, точно носорог, кидающийся в атаку.

Они стояли, разделенные большим столом, и шумно дышали. Со стороны могло показаться, что это два борца — невысокие, коренастые, поднявшись из партера, прицеливаются, чтобы половчее поймать противника на прием и грохнуть на ковер.

— Чего вы от меня хотите? — спросил наконец Пятницкий.

Зиновьев вновь заиграл карандашом. Бледный луч солнца,

пробившийся сквозь изморозь оконного стекла, поочередно ронял блик на синие и красные его грани.

— Хотя бы... нейтралитета, — почему-то шепотом сказал Зиновьев.

— То есть чтобы я стоял и смотрел, как вы будете стараться расколоть партию? Вкупе с Троцким! — И, представив себе ненавистное высокомерное лицо постаревшего Мефистофеля, Пятницкий пришел в страшную ярость и, уже не сдерживаясь, пронзительно закричал: — Как же так! Вы же голосовали на конгрессе за резолюцию по русскому вопросу! У меня тоже хорошая память. Я тоже могу цитировать наизусть... V конгресс утвердил резолюцию XIII конференции и XIII съезда партии, «осуждающие платформу оппозиции как платформу с мелкобуржуазным уклоном и ее действия как действия, угрожающие единству партии, а следовательно, и диктатуре пролетариата в СССР!..» Вот! Вы голосовали за каждое слово, за каждую запятую резолюции. Голосовали за единство партии! А что же теперь? Ведь и двух лет еще не прошло после конгресса... Теперь вы сами намереваетесь сколотить новую оппозицию и вновь угрожать единству! И хотите, чтобы я сохранил нейтралитет. А сам будешь опираться на Бордигу и Суварна, на Рут Фишер и Урбанса! — Осип уже не замечал, что обращается к Зиновьеву на «ты», как в эмиграции, чего ни разу не позволил себе за годы работы в Коминтерне. — На кучку болтунов и политических авантюристов! И ты хочешь, чтобы я закрыл глаза и отвернулся. Не выйдет, Григорий, не выйдет!..

Лицо Зиновьева опять покрылось розовыми пятнами. Губы его кривились. С трудом он выговорил:

— Я... я не задерживаю вас, товарищ Пятницкий... У вас... у вас... политический кругозор как у канарейки.

И тут Пятницкий ухмыльнулся. Ярость прошла. Осталось только презрение к человеку, которого он старался уважать, но который сейчас сам, своими руками уничтожил право на это уважение.

Сдерживая свой резкий громкий голос, Пятницкий сказал:

— Вы какой-то... — Он на секунду задумался. Взгляд, наткнувшийся на карандаш, все еще зажатый в белых пухлых пальцах, подсказал нужное: — Вы весь какой-то красно-синий.

И подчеркнуто неторопливо вышел из кабинета председателя ИККИ.

Будь другое время, Зиновьев, не раздумывая, сбросил бы с доски этого «офицера», да нет, обыкновенную пешку, потому что, по его мнению, Пятницкий хотя уже и стал одним из секретарей ИККИ, но настолько погряз в своей «технике», в бухгалтерских расчетах, распределении пайков и прочем, что вовсе не влиял на ту высокую политику, в которой Зиновьев

чувствовал себя как карась во взбаламученном пруду... Но теперь ему не хотелось тратить заряд своей ярости на такое ничтожество, как этот Пятницкий. Пусть себе пощелкает еще немного на счетах, а когда придет время, он его смахнет. А что такое время наступит, Зиновьев нимало не сомневался.

Что же касается Пятницкого, то он продолжал спокойно заниматься своим делом. Был убежден, что прав, тысячу раз прав, заявляя Зиновьеву об отказе занять нейтралистскую позицию по отношению к той нечистоплотной возне, которую затеяли председатель ИККИ и его сторонники. Совсем, кстати, немногочисленные! Недаром же Зиновьева шатнуло в сторону троцкистов, этих господчиков, перманентно заряженных противодействием относительно генеральной линии партии. Прелестных союзников подобрал себе Зиновьев! А что касается его намерения перенести дискуссию на международную арену, с прямым расчетом повести за собой неустойчивые элементы в братских партиях, то и эта карта не туз, а всего лишь жалкая двойка. Ведь ему, Осипу, гораздо чаще, чем Зиновьеву, приходится беседовать с представителями зарубежных партий, и с их лидерами, и с обыкновенными функционерами...

Вот приехал в Москву для участия в VII пленуме Исполкома новый председатель ЦК КПГ Эрнст Тельман. Огромный, широкоплечий детина с могучим, «набатным» голосом и с жестами человека, не привыкшего к тесноте кабинетов. Они долго разговаривали и, как всегда, остались весьма довольны друг другом.

В руководителе Гамбургского восстания Пятницкий нашел человека, чрезвычайно близкого ему по характеру. Тельман говорил и поступал именно так, как говорил, и никогда не ограничивался одним лишь, пусть и звучным, красивым словом. Он сам был человеком действия и собрал вокруг себя таких же людей: Вильгельма Пика, Фрица Геккерта, Вальтера Ульбрихта, Вильгельма Флорина, Эрнста Шнеллера и других.

Еще до Гамбургского восстания Пятницкий слышал имя Эрнста Тельмана, слышал о нем как о революционере ленинского толка, крупном руководителе. Таким показался Эрнст Пятницкому и на Франкфуртском съезде. Сейчас, откровенно, с глазу на глаз беседуя с товарищем Тельманом, он вновь убеждался, что перед ним — подлинный вождь германского пролетариата. Эрнст подробно информировал о положении в Компартии Германии и сказал, что «ультралевые», выведенные из состава партийного руководства, не имеют поддержки в массах. Почти наверняка Рут Фишер, Аркадий Маслов и кучка их единомышленников выскажутся в поддержку Зиновьева. Ведь любая трещинка в Коминтерне им на радость,

так как именно с помощью Коммунистического Интернационала удалось покончить с их авантюристическим и опасным для партии курсом. «Однако нас это не должно тревожить, — прогудел Тельман, — теперь они всего лишь оболочка цветного шарика, из которого выпущен воздух. Мы вынуждены были исключить их из рядов партии, как открытых ее врагов. Таким образом. Зиновьеву достанется только поддержка не членов Компартии Германии, а выброшенных из нее отщепенцев. Что же касается группы Веддингской оппозиции, то я думаю, что мы в конце концов найдем общий язык с ее здоровым, пролетарским ядром».

Они понимающе смотрели друг на друга светлыми пронзительными глазами. И каждый думал о другом: «Верный товарищ! С таким не пропадешь и в разведке».

За годы совместной работы в Коминтерне их взаимная симпатия выросла в настоящую неподкупную дружбу.

Именно через руки Пятницкого прошло письмо Тельмана по поводу убийства Сергея Мироновича Кирова.

«Боль велика, и утрата невозместима... Вперед к новым победам социализма в Вашей великой стране. Ваш революционный друг и товарищ по борьбе Э. Тельман, временно в тюрьме Моабит».

Но это письмо, переданное О. Пятницким 3 марта 1935 года в Политбюро ЦК ВКП(б), — поздняя страница отношений Тельмана и Пятницкого. Сейчас же их обоих занимает подготовка к седьмому расширенному пленуму ИККИ, который должен открыться 22 ноября 1926 года. Исключительно важный пленум! В его повестке был доклад Сталина «Внутрипартийные вопросы ВКП(б)». Осмелятся ли выступить на пленуме лидеры «новой оппозиции», столь стремительно оформившегося после XIV партийного-съезда троцкистско-зиновьевского блока? И попытаются ли они, если решатся все же оппонировать докладчику, сорвать со своих физиономий забрала и ринуться врукопашную или же предпочтут тактику недомолвок и намеков?

Пятницкий говорил почти со всеми представителями зарубежных партий, прибывшими на пленум. И Пьер Сепар, и Эрколи (Пальмиро Тольятти), и Василь Коларов, и Смит не сомневаются, что никакой поддержки русская оппозиция на пленуме не получит.

И не получила! Даром что с огромнейшими речами выступили и Зиновьев, и Каменев, и Троцкий. На этот раз речи их были заранее написаны, насыщены цитатами из Ленина, отглажены. Что и говорить, опытные ораторы! Словесный фейерверк, эрудиция — тут тебе и старик Платон, и господин Устрялов, клятвы: «Мы, конечно, подчинимся любому

решению», весь набор самых совершенных инструментов демагогии, а в результате — полнейший вакуум, в котором они оказались на пленуме. И даже молодежь — боевые кимовские парни — была «великих теоретиков» их же излюбленным оружием — теорией.

Самому Пятницкому, введенному в комиссию по расследованию дела Маслова, Рут Фишер, Урбанса, Шолема и Швана, опротестовавших свое исключение из КПГ, пришлось долго копаться в ворохе грязного белья, оставленного этой группкой за время пребывания в руководстве. Вместе со Стучкой, Семаром, Катаямой, Эрколи и другими он тщательно исследовал каждый шаг «ультралевых» — их еще совсем недавно Зиновьев называл «взбесившимися элементами, из которых кое-кто завтра уже очутится по ту сторону баррикады». А сегодня — такова логика фракционной борьбы — они превратились в союзников и единомышленником «новой оппозиции» в ВКП(б) и нагло заявили: «Мы прибыли сюда не в качестве обвиняемых, а в качестве обвинителей по отношению к политике, которая теперь проводится в КИ и КПГ, которая ведет КИ и КПГ к гибели».

Комиссия приняла единогласно решение, подтверждающее обоснованность исключения «пятерки обвинителей» из рядов КПГ и Коминтерна, и расширенный пленум столь же единогласно утвердил выводы комиссии.

В короткой яркой речи при закрытии пленума Пьер Семар справедливо подчеркнул, что «этот пленум является одним из самых важных в истории Коммунистического Интернационала», ибо он «исчерпывающим образом рассмотрел международное положение и формулировал перспективы и задачи для плодотворной работы секций Коминтерна. Необходимо указать, что все партии принимали большое участие в дискуссии. Это показывает повышение их идеологического уровня и является хорошим предзнаменованием для будущего Коммунистического Интернационала, для развития его отдельных секций и международного революционного движения».

Говоря об оппозиции в ВКП(б), Семар под бурные аплодисменты всех присутствующих заявил: «Исполком единогласно дал им ответ, выразив свое доверие ВКП(б) и ее Центральному Комитету. Все партии решительно стали на сторону ВКП(б), чтобы энергично бороться против социал-демократических уклонов и не допустить фракционной работы. Пленум Исполкома сказал достаточно ясно и энергично, что единство ВКП(б) будет сохранено. Все секции Коминтерна станут на сторону ВКП(б), чтобы сохранить единство большевистской партии и продолжить работу по строительству социализма и достижению окончательной победы

международной революции».

Что же касается личных взаимоотношений между председателем ИККИ Зиновьевым и одним из секретарей Исполкома, Осипом Пятницким — «этой пешки с политическим кругозором канарейки», то они также были решены пленумом, и вовсе не так, как предполагал год ндзад Зиновьев. С шахматной доски истории был сброшен «ферзь» — сам Зиновьев. Пленум принял постановление относительно упразднения института председателей Коминтерна, освободив от этой должности Зиновьева. А «пешка» с неуступчивым характером — Пятницкий — была введена в состав нового руководящего органа Коминтерна, Политического секретариата.

Со всей свойственной ему энергией и целеустремленностью направил теперь Осип Пятницкий свои усилия на решение кардинальнейшей задачи, стоящей перед международным коммунистическим движением: идейно-организационное укрепление партий, их большевизация. Он отлично понимал, что потребуются долгие годы для того, чтобы эта задача оказалась решенной не только в прекрасно написанных резолюциях, но и во всей повседневной практике партий. Конечно, порою и Коминтерн допускал какие-то не вполне продуманные, а потому и ошибочные действия. Но он всегда оставался Коллективным Разумом всемирной партии коммунизма и вовремя приходил на помощь своим секциям, когда обнаруживалось, что собственных внутренних ресурсов для преодоления кризиса в той или другой партии не хватает. И в страстных, иной раз резких дискуссиях на заседаниях Политсекретариата, Президиума и пленума Исполкома в конечном счете рождалась истина — то самое единственно верное решение, которое подсказывало партии ее дальнейший путь.

Пожалуй, самым сложным и противоречивым был вопрос, обсуждаемый почти на всех конгрессах и пленумах Исполкома Коминтерна, — вопрос о создании единого фронта всего борющегося пролетариата и как производное к нему — стратегия и тактика компартий по отношению к социал-демократии.

Сам Пятницкий в поисках правильного решения проблемы взаимоотношений с социал-демократическими партиями всегда старался исходить из ленинских установок. Он не забывал давней своей, состоявшейся еще летом 1912 года, беседы с Владимиром Ильичем, когда тот разделал Пятницкого под орех за его иллюзии по поводу мощи и революционных возможностей германской социал-демократии. Ленин тогда нещадно обрушился на социал-демократическую партию за ее пассивность, за то, что она борется с оппортунистами в своих рядах только на словах, да и то лишь перед съездами, а резолюции, которые съезды

принимают, остаются на бумаге. Ленин уже тогда находил, что немецкая социал-демократия целиком пропитана оппортунизмом и что она вырастает в кайзеровскую Германию.

Империалистическая война показала, что Владимир Ильич в своей оценке был абсолютно прав. Правда, Ленин отмечал неоднородный состав социал-демократической партии, из нее ведь вышли и такие замечательные стойкие революционные борцы, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург, но то было исключение из правила.

В критические летние дни 1932 года, на XII расширенном пленуме ИККИ О. В. Куусинен в своем докладе «О международном положении и задачах секций Коммунистического Интернационала» все еще указывал: «Необходимо строить нашу борьбу так, чтобы стратегически направлять главный удар по социал-демократии, но в такой форме, чтобы при этом одновременно со всей ожесточенностью обрушиться на фашизм и крупную буржуазию. Все тактические ошибки, которые мы в этом отношении допустили, мстят за себя тем, что широкие массы держатся вдали от нас».

Итак, слова эти были произнесены вечером 23 августа 1932 года.

Немецких коммунистов призывали к тому, чтобы нанести главный удар по социал-демократии. Между тем всего пять месяцев спустя — 30 января 1933 года — Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером; в феврале 1933 года запылал рейхстаг, подожженный нацистами; в марте был арестован Эрнст Тельман и КПГ ушла в глубокое подполье, а в июне — июле того же года все остальные политические партии Германии были запрещены, распущены или самораспустились, и отныне против всех «инакомыслящих» (в том числе и социал-демократов) применялось единственно «перевоспитывающее средство» — чудовищные изоциренные пытки в гестапо — самом страшном застенке в многотысячелетней истории человечества.

Надо отдать справедливость Пятницкому. В развернутом своем выступлении на XII пленуме ИККИ, посвященном в основном тщательнейшему анализу состояния двух крупнейших зарубежных секций Коминтерна, компартий Франции и Германии, он пытался найти верный подход к вопросу о едином фронте.

Так, критикуя некоторые недостатки в работе КПФ, он напоминал: «В решениях от мая — июня 1930 года затрагивались следующие вопросы: о непосредственных требованиях пролетариата против так называемых «левых», считающих, что «борьба за бифштекс» представляет уже пройденный этап; за правильное ведение массовой работы; за быстрое преодоление отрыва партии от масс; за правильное применение тактики

единого фронта и правильный подход к социалистическим рабочим (против формулировок: «Все члены социалистической партии — включая низовых рабочих — являются кровавыми собаками буржуазии»), против командования со стороны партии профсоюзами; о работе среди иностранных рабочих...»

Именно этот экстремистский лозунг насчет кровавых псов буржуазии, пропагандируемый сектантской группой Барбэ, Селора и К°, сильно затормозил путь КПФ к подлинно массовой партии пролетариата.

Перейдя к рассмотрению положения в Компартии Германии, Пятницкий с горечью говорил о «забывчивости», иной раз проявляемой ее руководством: «...При проведении кампании против фашистов совершенно забыли о существовании социал-демократов. А после пленума социал-демократия в документах Германской компартии правильно характеризовалась как главная социальная опора буржуазии, но тогда забыли о фашистах. Вы не должны этого понять буквально, но кампанию против фашистов не вели в такой мере, в какой должны были вести. Социал-демократия этим воспользовалась и делала вид, что только она одна борется с фашизмом и что мы предпочитаем Гитлера. Этим отчасти можно объяснить результаты как президентских выборов, так и выборов 1932 года в прусский ландтаг. Партия и рабочий класс были дезинформированы».

Это выступление Пятницкого, занявшее почти целиком утреннее и вечернее заседания пленума, поражало глубочайшей его осведомленностью, знанием деталей, вниманием к, казалось бы, незначительным частностям практической работы партий. Он говорил об успехах горняков Па-де-Кале или о положении партийной ячейки на предприятии Цейса в Иене столь подробно, точно сам только что приехал оттуда. Никакой риторики. Множество цифр. Поток фактов... Поэтому оспаривать его выводы, возражать, спорить с ним было чрезвычайно трудно. И выступивший с заключительным словом Тельман заявил: «Товарищ Пятницкий совершенно правильно сказал: если мы уже руководим массами, то мы им должны подчеркнуть — это мы, коммунисты, во главе вас ведем борьбу за хлеб и зарплату. Это совершенно правильно».

Столь же открыто и принципиально критиковал недостатки в деятельности некоторых зарубежных партий Пятницкий и на XIII пленуме ИККИ, состоявшемся уже в декабре 1933 года.

Тяжело было на душе у делегатов пленума, когда, открывая его, Вильгельм Пик призвал их почтить память героев, которых смерть вырвала из коммунистических рядов, причем многие из них погибли от руки

фашистских палачей и убийц... Членов ЦК Компартии Германии товарищей Шютца и Штенцера; члена Центрального Комитета Компартии Польши товарища Редыко; члена ЦК Компартии Югославии товарища Божо Видас-Вука; членов ЦК Компартии Румынии товарищей Енчеля и Велико-Маринова; десятков и сотен рядовых партийных бойцов, погибших в Германии, Италии, Китае...

Потом Пик с горечью напомнил, что среди присутствующих нет сегодня популярнейшего вождя германского рабочего движения Эрнста Тельмана, выслеженного гестаповцами и брошенного в Моабитскую тюрьму, и что под угрозой каторги и смерти находится стойкий революционер Георгий Димитров и его молодые товарищи Попов и Танев...

Под бурные аплодисменты товарищи Тельман и Димитров были избраны в президиум.

В основном докладе «Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий», сделанном О. В. Куусиненом, говорилось: «Факт победы фашизма в такой стране могущественного рабочего движения, как Германия, требует, чтобы все секции Коммунистического Интернационала еще больше, чем раньше, сосредоточили свое внимание на фашистском движении и на борьбе с ним».

Речь Осипа Пятницкого была посвящена важнейшей проблеме — «Компартия в борьбе за массы». Так определил он тему своего выступления. Он напомнил собравшимся один из параграфов резолюции II конгресса об основных задачах Коммунистического Интернационала, гласивший: «Только коммунистическая партия, если одна действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых, и внушить этому классу и этой массе полное доверие, — только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной и последней борьбе против всех сил капитализма».

Вот исходя из этих ленинских положений, Пятницкий и подверг деятельность ряда партий: китайской, французской, норвежской, чехословацкой, германской и некоторых других — тщательнейшему анализу.

С напряженным вниманием слушали участники пленума ту часть речи Пятницкого, в которой старый большевик, конспиратор говорил о

подготовке компартий к переходу на нелегальное положение. Ведь из 61 партии, входившей тогда в Коммунистический Интернационал, 38 — полностью нелегальны. И среди них Компартия Германии, еще совсем недавно самая мощная и массовая зарубежная секция Коминтерна.

«В Германии недавно был случай, — рассказывал Пятницкий, — когда какая-то сволочь, которая была раньше связана с руководством, теперь рыщет вместе с фашистами по улицам разных городов Германии, ловя лучших коммунистов, которых арестовывают и истребляют. Чем шире будет проведена децентрализация, тем меньше пробравшиеся в партию предатели будут иметь возможность вредить ей... Требуется применять максимум предосторожности, чтоб избежать провалов. Возьмем снова пример из Германии. Один бывший функционер, перешедший к фашистам, пришел на явку. На этой явке без всякой проверки (хотя незадолго до этого в этой местности, откуда прибыл пришедший, произошли аресты) ему дают явку прямо к секретарю ЦК, к нелегальному секретарю, которого разыскивали фашисты. Хорошо еще, что он случайно не встретил на данной ему явке секретаря, а встретил другого товарища, который был сейчас же арестован. Совершенно недопустимо давать непроверенным лицам явку непосредственно к секретарю партии. Следует давать связи через промежуточные звенья, таким образом максимально предохраняя от возможностей арестов. В данном случае нарушение элементарных правил конспирации было тем более недопустимо, что на явке было известно о крупных арестах в том месте, откуда этот функционер явился».

Столь же конкретно, опираясь на факты и анализируя их, Пятницкий говорил и о поведении арестованных коммунистов на допросах, напоминал об опыте русских большевиков, о групповой и устной агитации, организации протестов и т. д. Его речь была особенно ценна тем, что в ней меньше говорилось о том, *что* надо сделать, а гораздо больше — *как* это сделать.

И, словно иллюстрируя слова предупреждения секретаря Исполкома Коминтерна, сразу же вслед за ним выступил представитель КПГ товарищ Гроссе и сообщил пленуму о новых утратах, понесенных Компартией Германии. В Кёльне фашисты казнили шесть активных комсомольцев, товарищей Гамафера, Везера, Вильямса, Хорта, Морица и Энгеля; убит в тюрьме член ЦК КПГ товарищ Люкс; новые смертные приговоры в Бреславле и Дессау...

Да, фашистский топор навис над каждым честным антифашистом Германии. Надо было так законспирировать партию, чтобы в предстоящей длительной и тяжелой борьбе с гитлеровской диктатурой понести как можно

меньше жертв и особенно случайных, ничем не оправданных.

В конце работы XIII пленума Пятницкий выступил еще раз с коротким сообщением о созыве VII Всемирного конгресса Коминтерна.

Всемирный штаб напряженно работал. И несмотря на тяжелые удары, полученные от врага рядом коммунистических партий, унынию не было места среди собравшихся революционных борцов.

Выступая на пленуме с заключительным словом, Вильгельм Пик так оценил роль этого всемирного штаба коммунистов:

«Гигантская мощь Коммунистического Интернационала, идущих под его знаменем миллионов пролетариев и трудящихся крестьян, торжество коммунизма в СССР — будут крепкой и надежной опорой нашей партии и всего германского пролетариата».

А Пальмиро Тольятти сказал:

«Мы знаем, что нам предстоит нелегкий путь. Мы знаем, что большие трудности нас ожидают, что нам удастся преодолеть эти трудности лишь в процессе самых ожесточенных боев. Но мы знаем также, что теперь, после 15 лет существования и борьбы Коммунистического Интернационала, после 16 лет грандиозных побед Советской власти на одной шестой земного шара, что некоторые из основных условий нашей победы нам уже обеспечены».

И в этом штабе всемирном рука об руку со своими ближайшими друзьями: Эрнстом Тельманом, Марселем Кашеном, Бела Куном, Вильгельмом Кнориным, Гарри Поллитом, Сен-Катаямой, Кларой Цеткин, Еленой Стасовой, Виндасом Капсукасом и другими — трудился долгие четырнадцать лет, трудился, не жалея себя, требовательный, суровый, непоклонный и кристально чистый большевик Осип Пятницкий.

СЕКРЕТАРЬ КОМИНТЕРНА

Страницы биографии О. Пятницкого, относящиеся к его деятельности в Коминтерне, трудно заполнить.

Дело в том, что он проработал в Исполкоме Коминтерна с начала 1921 по 1935 год включительно. А за эти четырнадцать лет в мире произошло столько событий, к которым Коммунистический Интернационал имел прямое — как их организатор — или хотя бы косвенное, касательное отношение, так усложнились, обострились, развиваясь и вширь и вглубь, процессы классовой борьбы на всепланетной арене, что история жизни и деятельности одного из руководителей Коминтерна, Осипа Пятницкого, в эти годы неизбежно переросла бы в историю всего международного коммунистического движения и его прославленного штаба — III Коммунистического Интернационала. И написать историю эту, конечно, не по силам одному человеку, да и выпадает она из жанра художественной биографии.

Тут я не могу не привести слова из письма «К 50-летию тов. Пятницкого», подписанного виднейшими деятелями Коминтерна: Пиком, Мануильским, Ван-Мином, Куусиненом, Торезом, Кнориным, Лозовским, Бела Куном, Сен-Катаямой, Коларовым, Мицкевичем, Варгой.

«Охарактеризовать деятельность тов. Пятницкого в Коммунистическом Интернационале нелегко, — писали они. — Даже сотая доля того, что он сделал и делает по линии руководящей работы в мировой партии коммунизма, не получает огласки. Учеба профессионального революционера под руководством Ленина сказывается в каждой детали его работы — работы профессионального революционера, который, подавляя даже видимость всего личного, всегда с крайней скромностью обслуживает товарищей и организации, которыми он с величайшей осмотрительностью, с учетом всех обстоятельств твердой и уверенной рукой руководит и сплачивает»^[17].

Строки эти с признанием того, что даже *сотая доля* сделанного Осипом Пятницким для мировой партии коммунизма не получает огласки, написаны 40 лет назад, как говорится, по самым горячим следам всей многогранной деятельности секретаря Исполкома Коминтерна, достигшего своего пятидесятилетия. Но даже и тогда — не только в силу специфики его работы, но и по причинам особенностей характера Пятницкого — природной скромности, усугубленной привычкой человека, долгие годы

работавшего в глубочайшем подполье, как можно меньше говорить о себе, — громадная часть его политической работы была скрыта, как корпус корабля до ватерлинии.

Близкий его друг и сотоварищ по работе Бела Кун так охарактеризовал Пятницкого.

«...О. Пятницкий — один из выдающихся знатоков международного рабочего движения и, без сомнения, самый основательный знаток коммунистических партий.

Основные свойства истинного организатора — великолепно знать боевые силы, которые ему нужно организовать и направить, изучить боевую обстановку, к которой нужно приспособить организацию сил. Из всех руководителей Коммунистического Интернационала свойства эти ни в чьей деятельности не выражаются в такой высокой степени, как у Пятницкого.

Пятницкий передает коммунистическим партиям капиталистических стран огромный организационный опыт всей истории большевизма, всей его борьбы именно потому, что его советы по применению большевистского опыта они получают с учетом их собственных конкретных условий.

Большевистский принцип соединения твердости и чувства действительности, основанного на конкретных знаниях, — в этом сила руководящей и организаторской работы О. Пятницкого».

Характеристика лестная и, по существу, очень точная. Но она только стальной каркас, нуждающийся в «одежде». Эта одежда — воспоминания самого Пятницкого, его друзей и просто людей, встречавшихся с ним.

Начну с собственных, сохранных памятью.

Так вот, оказавшись по воле ЦК ВЛКСМ весной 1928 года на четвертом этаже дома на Моховой, где в многочисленных тесных комнатках размещался Исполком КИМа — Коммунистического Интернационала Молодежи, я впервые услышал имя Пятницкого. Нет, это не совсем точно! Я уже читал его книгу «Записки большевика», вышедшую в 1925 году в ленинградском издательстве «Прибой», восхищался ее героем-автором, конечно, мечтал стать чем-то на него похожим, но имя Пятницкого — автора «Записок большевика» — почему-то не ассоциировалось в моем сознании с Пятницким, чье факсимиле оттиснуто было на моем удостоверении. Ведь «тот» Пятницкий казался мне человеком из прекрасной легенды и по праву стоял в одном ряду с моими любимыми литературными героями: Спартаком, Оводом, Рахметовым; этот же находился в одном доме со мной, где-то на третьем этаже был его

кабинет, и я мог запросто встретить его в нашем буфете или в одном из длинных полутемных коридоров. Но, работая референтом агитпроп-отдела ПК КИМа и присутствуя на заседаниях русской делегации, я постоянно слышал его имя. «Об этом надо поговорить с товарищем Пятницким». — «А как к нашему предложению отнесется Пятницкий?» — «Будем просить помощи у Пятницкого». — «Я сегодня был у товарища Пятницкого, и он сказал...» Вот я и рискнул спросить Рафаэля Хитарова — нашего генерального секретаря, — имеет ли какое-нибудь отношение этот, обретающийся теперь в реальном моем мире человек с фамилией Пятницкий к тому, неустанно призывавшему меня к осуществлению мечты Пятницкому из «Записок большевика».

— Вот чудак человек! Пятницкий и есть Пятницкий. Другого я не знаю.

Через несколько дней я его увидел. На собрании партийной ячейки Коминтерна. Увидел... и почувствовал разочарование. Не было во внешности Пятницкого ничего такого, что я считал обязательным для героя-революционера. Невысокого роста, довольно грузный, сидел он за столом президиума, подперев свою сильно облысевшую, бронзовую от загара голову руками, широко расставленными в локтях. И когда он, попросив слова, встал из-за стола и резким до пронзительности голосом говорил несколько минут, почти избегая жестикующий, я еще больше огорчился. Где же они, пламенные, страстные слова? Где убивающие противника наповал, как меткая пуля, остроты? Где льющаяся, то звенящая металлом, то переходящая на волнующий шепот, то взрывающаяся близкими ударами грома речь профессионального оратора? Не понял, недооценил я тогда умения Пятницкого коротко и просто сказать в самом главном, сразу же раздавить скорлупу и вытянуть из нее ядрышко ореха. И был несколько удивлен той абсолютной тишиной — признаком напряженнейшего внимания и полного согласия с говорившим, — которая воцарилась в зале при первых словах Пятницкого.

Я видел довольно потертый, облежавший его полные покатые плечи серенький пиджак, но не заметил еще светлого, словно плавящееся серебро, и быстрого, как мысль, взгляда его больших, почти не мигающих глаз, зорких как у орла.

Да, я многое тогда не понял и не заметил. Конечно, по молодости — впечатлительной, но непроницательной, — ибо шел мне тогда двадцатый год... Позже меня позвали к нему для беседы, и от ее исхода зависела моя судьба. Я вошел в его небольшой, скупо обставленный кабинет, сказал «здравствуйте» и застыл у порога. Пятницкий читал какую-то бумагу, низко

опустив голову, и она показалась мне огромной и совсем круглой. Предполагалось, что меня пошлют в Бельгию, чтобы лучше познакомиться с работой тамошнего Коммунистического союза молодежи. И последнее слово должен был сказать именно он, товарищ Пятницкий — секретарь Исполкома Коминтерна.

Не поднимая головы, он назвал мою фамилию.

— Так это ты должен ехать за рубеж? Ну, давай познакомимся. — Он приподнялся и посмотрел на меня в упор. — Почему ты прилип к двери? Иди сюда и садись.

Расстояние от двери до его стола — несколько метров, но мне представилось, что это долгая дорога из Москвы до Брюсселя.

— Болит нога? Ушибся? — заботливо спросил Пятницкий.

— Совсем не болит. Это у меня от рождения, товарищ Пятницкий. Укорочение на четырнадцать сантиметров.

— Садись, товарищ Дмитревский, — повторил Пятницкий и все смотрел на меня немигающими светлыми глазами. Молчание затягивалось. Помню, что я почему-то покраснел и торопливо вытер о колени ладони рук, повлажневшие от пота.

— Тебе известно, что полиция тебя не приглашала? — спросил он наконец, совершенно притушив резкость своего голоса.

— Да.

— Так не кажется ли тебе странным, если поедет человек с особой, бросающейся в глаза приметой... скажем, с таким красным наростом на лице, кажется, он называется ангиомой?

Я уже все понял, но все же пробормотал:

— Нога не мешает мне быстро бегать. Я много лет занимаюсь спортом.

Он улыбнулся.

— Я вижу, что ты здоровый и сильный парень. Дело не в этом. Ты же при всем желании не сможешь не хромать. Ведь так?

Я опустил голову. Вот он, приговор, которого я так боялся.

— О чем они думали, когда решили послать тебя? — Тон был не рассерженный, не раздраженный, но только очень огорченный. — А ты не расстраивайся, молодой товарищ. Поедешь в любую страну, когда там не будет шпионов и полицейских. И работы у тебя будет вот столько! — И Пятницкий коротко резанул по горлу ребром своей небольшой руки. — А пока не теряй времени даром и готовься. КИМ — хорошая школа.

Я ушел от него безмерно огорченным и окрыленным в одно и то же время.

Позже, работая уже в Исполбюро Профинтерна, я несколько раз встречался с Пятницким на квартире С. А. Лозовского, помощником которого я тогда был.

С. А. Лозовский справедливо считался крупнейшим знатоком международного профсоюзного движения.

Помню первую встречу. Лозовский прихворнул, и обсуждение одного важного вопроса, связанного с деятельностью Профинтерна, проходило у него на квартире. Первым пришел Аболин — секретарь ВЦСПС, а через несколько минут и Пятницкий, живший в этом же доме.

Я, приготовив бумагу и карандаши, чтобы записать принятые решения, находился в кабинете Лозовского и, когда Пятницкий и Аболин, сопровождаемые хозяином, вошли в кабинет, поднялся со стула, чтобы поздороваться с ними. И вот что меня поразило: протягивая мне свою маленькую, но все еще крепкую руку, Пятницкий усмехнулся и негромко сказал:

— Ну, так когда же ты собираешься в Бельгию, Дмитревский? Или, может, тебя теперь больше интересует Никарагуа? — И коротко, в шуточной форме, но очень точно рассказал Лозовскому и Аболину о том, как приглашал меня «на исповедь».

С той памятной для меня встречи прошло что-то около четырех лет. А удивительно цепкая память Пятницкого и на лица и на имена, память, о которой в Коминтерне складывались притчи и легенды, сработала и на этот раз как безупречно действующий часовой механизм.

Во время совещания Пятницкий сидел в кресле с высокой спинкой — я видел только макушку его голой, как колено, головы — и до поры до времени помалкивал. Лозовский, вороша пальцами свою вьющуюся красновато-сероватую бороду и поглядывая на Аболина и Пятницкого поверх очков, съехавших на самый кончик носа, подробно излагал суть вопроса. Здание, которое он воздвигал, казалось стройным и прочным — генеральный секретарь Профинтерна отлично владел диалектической логикой, да и был незаурядным оратором. Аболин согласно кивал головой. И вдруг из кресла с высокой спинкой под аккомпанемент стона пружин вылетела, как оса, короткая ироническая реплика. Лозовский отмахнулся от осы, возразил и как ни в чем не бывало продолжал возводить следующий этаж своей логической постройки. Но последовала вторая, затем третья реплика, и кирпичи вдруг начали вываливаться из-под рук мастера и рассыпаться.

И так случалось не один раз. Пятницкий, как оказалось, знал проблемы международного профсоюзного движения ничуть не хуже, чем

признанный знаток их, секретарь Профинтерна Лозовский.

Вот, собственно, и все, что я могу рассказать о своих личных впечатлениях о человеке, по поводу которого Елена Дмитриевна Стасова писала:

«Осип Пятницкий — мой ровесник по партии и как в течение 20 лет жизни и борьбы в подполье, так и в годы Советской власти он всегда был близок мне по духу и практическим делам. Крупнейший организатор и пропагандист, постоянно рисковавший своей жизнью ради интересов партии, когда он ведал транспортировкой партийной литературы и партийных товарищей, невероятно много сделавший для организации и укрепления рядов нашей партии, товарищ Фрейтаг снискал беспредельное доверие и уважение со стороны всех знавших его по подполью товарищей. Его любил и высоко ценил Ильич».

Чем же можно было завоевать не только высокую оценку, но и любовь Владимира Ильича?

Прежде всего, конечно, преданностью тому великому делу, которому отдал всю свою жизнь и сам Ленин, и его единомышленники по большевистской партии. Но это, так сказать, качество непереносимое и обязательное для каждого коммуниста. Обладая им в полной мере, Пятницкий нес в себе нечто, свойственное именно ему и позволившее Вильгельму Пикку столь высоко оценить его роль как одного из руководителей Коминтерна.

«Нужно прочесть только одну из его речей на заседаниях исполнительных органов Коминтерна, — писал Пик, — чтобы увидеть, какую массу практических предложений вносит он для улучшения работы. Но еще настойчивее действует он в тесном кругу руководства Коминтерна. При этом он действует не только как организатор; он хорошо изучил теорию ленинизма и прекрасно умеет применять ее во всех областях практической работы наглядным большевистским путем. Решения больших международных политических вопросов в Коминтерне и поставленные перед отдельными секциями проблемы отражают то огромное влияние, которое оказывал тов. Пятницкий на решение всех этих вопросов».

Был ли при этом Осип Пятницкий важен, малодоступен и заражен опасным вирусом убежденности в своей исключительности как руководителя? Ни в коем случае! У Пятницкого был нелегкий характер. Прямота и резкость в суждениях — никаких компромиссов, никакой оглядки на личные отношения: если мне кажется, что ты не прав, я скажу тебе это в лицо, и мне наплевать, если тебе это не понравится, — полное пренебрежение личными удобствами и собственным душевным покоем

создавали сложные, а порой и просто очень трудные отношения и в его семье, и с его ближайшими друзьями.

Мне представляется, что академик А. Варга очень верно назвал тот главный признак, который определял симпатии и антипатии Пятницкого. «Надо сказать, что он оценивал каждого товарища только с точки зрения, что тот дает коммунистическому движению. У него не было ни личных симпатий, ни антипатий. Это был исключительно объективный человек, он жил только своим делом и с такой точки зрения оценивал всех. Я был очень доволен, что Пятницкий стал относиться ко мне как к настоящему товарищу-коммунисту».

Но значит ли это, что Пятницкий был, что называется, «сухарем», не допускавшим перепадов своих чувств, всегда суровым, ровным и бесстрастным к окружающим его людям?

Жак Дюкло в письме к младшему сыну Пятницкого — Владимиру следующим образом характеризует свои впечатления об Осипе: «О вашем отце я сохранил воспоминания как о человеке, который при первом знакомстве казался очень суровым, но по мере общения показывал себя чутким и понимающим. Он всегда с открытым сердцем воспринимал аргументы, которые ему представлялись». Вспоминая далее о своих встречах и беседах с Пятницким и по поводу положения во Франции и в Испании (Дюкло посещал ее в годы гражданской войны), и в связи с борьбой, развернувшейся во Французской компартии против оппортунизма и ренегатства Жака Дорио, он заканчивает письмо такими прекрасными словами: «Я очень хочу сказать вам в заключение, что вы можете гордиться своим отцом, который был преданным борцом революции, верным сыном Советского Союза и братом всем угнетенным и сражающимся во многих странах мира. Воспоминания о нем продолжают жить в сердцах тех, с кем он встречался».

Почти аналогична оценка, данная Рихардом Гюптнером, бывшим секретарем Исполкома КИМа по организационным вопросам, то есть человеком, часто и близко встречавшимся с Пятницким по работе.

«Он был большим специалистом в области организации, и я многому научился у него, особенно по части конспирации. В Коммунистическом Интернационале Пятницкий пользовался большим уважением. Прежде всего хвалили его за объективность и справедливость. Его рассматривали как настоящего «шефа» аппарата Коминтерна и с уважением называли его — «Старик».

...О. Пятницкий всегда был очень немногословен, говорил мало. Он был немного ворчлив и поэтому казался поначалу несколько грубоватым и

неприступным. Но нужно было познакомиться с ним поближе. Это был, как говорят немцы, «золотой парень под грубой кожурой».

Хочу добавить, что Рихард Гюптнер был тесно связан с Пятницким не только в 1924–1928 годах, когда работал в качестве секретаря ИК КИМа. В 1929–1933 годах Гюптнер, перейдя на партийную работу, находился в Берлине и выполнял обязанности секретаря Западноевропейского бюро Коминтерна (под непосредственным руководством Георгия Димитрова). Работа эта в связи с ростом влияния нацистов в Германии, а затем и прихода к власти Гитлера сопряжена была с громаднейшими опасностями и требовала тончайшего соблюдения конспирации. Естественно поэтому, что, приезжая несколько раз в Москву, Гюптнер обязательно обращался к Пятницкому — признанному знатоку конспирации, получая от него советы и указания.

Итак, суровый, несколько даже грубоватый человек... Но это лишь самое первое впечатление, неглубокое, чисто внешнее восприятие облика Пятницкого. А у него — большое нежное сердце, открытое навстречу горю и радости всех своих товарищей по духу и по действию.

С. И. Гопнер приводит такие примеры:

«В 1932 году происходила чистка партии. Проверяли одного товарища, который уже не работал: он был контужен, это повлияло на него, и мучительные боли головы мешали ему работать. Но он продолжал быть членом организации. И вот Пятницкий председательствовал на этом собрании. Тот товарищ не выдержал и говорит: «К сожалению, я из-за моей головы ничего не могу делать!» И тогда Пятницкий вдруг превратился в самую нежную мать. Да, самая любящая мать не могла бы с большей лаской говорить и так согреть этого человека, как сумел сделать Пятницкий».

Гопнер вспоминала и такой трагический случай.

В дни XIII пленума ИККИ один из польских коммунистов, долгое время находившийся на сугубо конспиративной работе, приехал в Москву. Нервы у него были истрепаны до предела, вплоть до галлюцинаций, и ему вдруг показалось, что в аппарате ИККИ к нему стали относиться с предвзятостью, без достаточного доверия. А надо сказать, что это вообще было тяжелое время: фашисты громили Компартию Германии, и жертв среди коммунистов было множество. И вот еще одна непредвиденная потеря: приехавший товарищ, попавший в обстановку страшной суеты, царившей во всех отделах Исполкома — ведь на завтра открывался пленум, — заподозрил что-то неладное по отношению к себе и уже в разгар пленума вошел в кабину лифта и застрелился, оставив письмо, тягостное

потому, что смерть его не давала возможности что-либо изменить и исправить. Спустя некоторое время Гопнер разговаривала с Пятницким на эту тему, и он не выдержал — разрыдался, хотя лично знал погибшего товарища весьма мало.

Характерной чертой Пятницкого была его нетерпимость к любым попыткам заменить точные убедительные факты общими уклончивыми фразами.

«Много раз мне приходилось слушать, — вспоминает ветеран Английской компартии Эндрю Ротштейн, — как он «выжимал», подобно лимону, какого-либо товарища, пытавшегося отделаться общими фразами, которые могут значить или все, или ничего. О. Пятницкий заставлял такого товарища признать бессмысленность того, что он говорил, убеждал его вникнуть в точные факты, ибо только факты, вначале выглядевшие гораздо менее привлекательно, нежели хотелось, на самом деле были значительно полезнее в оценке того, что делала или могла сделать данная партия».

И сам Пятницкий в своих докладах, выступлениях и статьях строго придерживался правила: фактографичность, точность, ясность и лаконичность.

«Впоследствии за время работы в Балканском секретариате Коминтерна, — вспоминает старый югославский коммунист Димитрие Станисавлевич, — я не имел с ним непосредственного контакта, но часто видел его на заседаниях, конференциях и собраниях по многим вопросам различных партий. Он выступал не часто, но речи его всегда были конкретны и определены. Говорил он четко, без высокопарных фраз, открыто критикуя все то, что считал неправильным в деятельности той или иной партии. Вследствие этого все слушали его с огромным вниманием, так как уже заранее были уверены в том, что его выступление будет очень полезным и поучительным для дальнейшей работы партии».

За годы работы в Коминтерне О. Пятницкий из несколько узкого знатока вопросов строительства зарубежных партий вырос в одного из политических руководителей. Если на VI конгрессе он выступал с докладами мандатной комиссии и об Уставе Коммунистического Интернационала, то есть с вопросами чисто организационного характера, то позже речи его на расширенных пленумах ИККИ становятся политически направляющими, вбирают в себя основные проблемы международного коммунистического движения.

Все чаще выходят и появляются в партийной печати большие статьи Пятницкого, а на полках книжных магазинов — изданные Партиздатом его брошюры. Одна из них — «Мировой экономический кризис,

революционный подъем и задачи секций Коммунистического Интернационала» — свидетельствует о глубоком интересе Пятницкого к проблемам капиталистической экономики, чреватой периодическими кризисами и внезапными бумами. «Я не собираюсь подставлять ногу Варге, — смеясь, говорил Пятницкий, — но без фундаментального изучения современной экономики политик неизбежно теряет остроту зрения».

Годы, легшие между VI и VII конгрессами, были самыми плодотворными в деятельности Пятницкого в Коминтерне. К огромному опыту многолетней партийной работы как в условиях глубокого подполья, так и в годы, когда партия не только легализовалась, но и стала первой коммунистической партией, взявшей в свои руки государственную власть, присоединился опыт по руководству международным рабочим движением. К присущим ему качествам талантливого организатора пришло наконец и то, чего не хватало ему в ранние годы, — широта политических обобщений и теоретическая зрелость.

В Москве я встретился с несколькими бывшими сотрудниками аппарата ИККИ, причем один из них, Юлиус Петрович Бредис, работал под прямым руководством Пятницкого, а Анна Лазаревна Разумова и Александр Петрович Гринберг, хотя и не соприкасались с Пятницким так тесно, как Бредис, все же часто бывали у него и, следовательно, имели возможность наблюдать его в работе.

И каждый из них сохранил в своей памяти какие-то отдельные черточки характера секретаря Исполкома, делающие образ его более многогранным и законченным.

Я уже несколько раз должен был подчеркнуть удивительную неприязнательность Осипа Пятницкого во всем, что имело касательство к его личным запросам и потребностям. Начиная от простейшей — только абсолютно необходимой — обстановки в его рабочем кабинете, довольно просторной угловой комнаты на третьем этаже дома на Моховой и кончая одеждой, питанием.

Когда в Кунцеве для работников Исполкома Коминтерна оборудовали несколько маленьких домиков, Пятницкий категорически отказался от отдельной дачи и только раз, летом 1933 года, попросил у Бредиса для себя и всей своей семьи две комнаты на большой даче, представлявшей что-то вроде дома отдыха для всех сотрудников ИККИ. И конечно, сразу же потребовал счет, чтобы оплатить пребывание на даче жены и сыновей.

Когда для него в мастерских ИККИ был сшит новый костюм, Бредису стоило огромного труда уговорить Пятницкого заехать в «Люкс» и взять этот костюм. «Что вы чепухой занимаетесь? — раздраженно выговаривал

он Бредису. — Эти мастерские созданы для того, чтобы одевать иностранных товарищей, а никак не для «начальства». Я, слава богу, имею костюм, и он меня вполне устраивает...»

А брюки-то, как вспоминает Бредис, были уже изрядно латанные.

Но когда в Москву приехала Долорес Ибаррури, Пятницкий вызвал Бредиса и поручил ему одеть Долорес с ног до головы и как можно лучше.

«И учтите, Брандт (так звали Бредиса в Коминтерне), я сам в прошлом дамский портной и кое-что понимаю в женских тряпках. Так что не вздумайте хитрить!»

Так бывало всякий раз, когда в Москву приезжали иностранные товарищи, в особенности из таких мест, где коммунисты находились в тяжелых условиях. Его «скупость» (о «прижимистости» Пятницкого в ИККИ складывались легенды) мгновенно куда-то испарялась, и он требовал от управления делами «хорошо, по всем правилам обмундировать иностранного товарища и создать ему возможно лучшие бытовые условия».

Вспоминая свою первую встречу с Пятницким в день, когда по решению бюро Московского комитета Бредиса направили для работы в ИККИ, Юлиус Петрович рассказывал:

«Первым человеком, с кем мне пришлось разговаривать, был товарищ Пятницкий. Это и понятно, ведь меня направляли на должность управляющего делами, а управление делами находилось в его подчинении. Пронзительно взглянув на меня, он сказал: «Нам нужны честные, деловые люди. Надеюсь, что вы, товарищ Бредис, из таких. Кстати, какую фамилию вы хотите принять для работы в Коминтерне? — Так как я не ожидал такого вопроса и задумался, Пятницкий мгновенно предложил: — Будете Брандтом. Вам эта кличка к лицу. Не возражаете? — И, не дожидаясь моего согласия: — Так вот, товарищ Брандт, прежде всего усвойте такой принцип: Коминтерн — это не мы с вами, а братские коммунистические партии. Им и руководствуйтесь во всей своей работе. Тогда и ругаться мне с вами не придется».

Утром 27 февраля 1934 года Пятницкий вызвал к себе Брандта:

— Подготовлена ли квартира для товарища Димитрова?

— Да, товарищ Пятницкий. Номер пять в «Люксе». Как раз напротив турецкой гостиной, где наш красный уголок.

— Значит, — улыбаясь, сказал Пятницкий, — дело за малым — доставить дорогого гостя на квартиру. Вот вы и сделаете это сегодня. Возьмите в гараже машину и отправляйтесь на аэродром.

Уже вечерет... Тяжелыми хлопьями падает мокрый снег. Машины встречающих останавливаются на обочине аэродрома как раз тогда, когда

«юнкере» с прерывистым ревом, сделав круг, устремляется к посадочной полосе.

На аэродроме только небольшая группа московских рабочих. Дело в том, что до самой последней минуты было неясно, не выкинут ли какой-нибудь подлый трюк фашистские правители Германии. Наконец долгожданный самолет приземлился. На трапе появились Димитров, Попов и Танев. Они тотчас попали в жаркие объятия встречающих.

Лишь когда машины остановились возле «Люкса», Бредис облегченно вздохнул — теперь-то Димитров находился в полнейшей безопасности.

В красном уголке его уже ждали руководители Коминтерна: Мануильский, Пятницкий, Куусинен и другие. У всех было приподнятое, радостное настроение: ведь благодаря энергичным усилиям Советского правительства и Исполкома КИ в ряды Коминтерна вернулся мужественный, стойкий боец, которому предстояло сыграть выдающуюся роль в дни крутого поворота, когда международное коммунистическое движение выковывало новое действенное оружие — народный антифашистский фронт.

А. П. Гринберг (Ал. Грин, Ал. Грюн), работая в редакции журнала «Коммунистический Интернационал» и будучи еще неискушенным в ряде вопросов, постоянно пользовался поддержкой Пятницкого, который охотно принимал Гринберга, обсуждал с ним планы журнала и сам часто выступал в качестве автора.

Когда в Германии к власти пришли нацисты и встал вопрос о нелегальном немецком издании «КИ», Гринберг первым делом отправился к Пятницкому, чтобы выслушать его рекомендации.

Прежде всего Пятницкий посоветовал издавать журнал в виде маленькой тетрадки из тонкой сероватой бумаги. Такая тетрадка не привлекала внимания, и ее легко было куда угодно припрятать. Тут же был тщательно продуман путь и способы транспортировки нелегального журнала в Германию. Его должен был издавать в Швейцарии Альпари Дьюла, отвечавший за редакционно-издательскую работу ИККИ в Западной Европе, и через швейцарско-германскую границу отправлять куда следует.

Гринберга поразила тогда мгновенная реакция Пятницкого — старый агент «Искры» точно представлял себе всю конструкцию издания и распространения теперь уже нелегального журнала.

Вообще надо сказать, что во всей деятельности Коминтерна, направленной на то, чтобы подготовить зарубежные партии к возможному переходу на нелегальное положение, личный опыт и кипучая энергия Пятницкого сыграли большую роль.

Ведь уже при фашистской диктатуре, несмотря на чудовищный террор и демагогические социальные маневры нацистов, в Коммунистической партии Германии, ушедшей в глубочайшее подполье, насчитывалось еще более 100 тысяч членов, а центральный орган партии газета «Роте фане» выходила регулярно три раза в месяц тиражом в 60 тысяч экземпляров. «Организационная структура нашей партии в легальный период облегчила ее переключение на нелегальную обстановку. Но эта структура не вполне соответствовала условиям подполья. В новых условиях понадобилось поэтому в значительной мере перестроить партию. Прежде всего выявилась необходимость ликвидировать созданный партией аппарат инструкторов, оказавший ей ценнейшие услуги при переходе в подполье. Кроме того, пришлось так разукрупнить ячейки, чтобы они как единое целое без разделения на пятерки были работоспособны и не ставили под угрозу существование организации. На предприятиях пришлось в большей степени, чем в легальные времена, перенести центр тяжести на создание цехячеек»^[18].

Неустанная многолетняя работа Пятницкого, главным образом направленная на то, чтобы заменить территориальный принцип построения компартии производственным, то есть создавать партийные организации непосредственно там, где работают коммунисты и где они могут сразу же и непосредственно влиять на характер борьбы рабочих за их экономические и политические требования, приносила свои плоды: новая организационная структура облегчала работу партий как в легальных условиях, так и в глубоком подполье.

Не пристрастие «Старика» к романтике, как полагали некоторые товарищи, а железная необходимость, вытекающая из самой природы классовой борьбы, заставляла Осипа Пятницкого ориентировать все легальные зарубежные партии на постижение законов и правил конспирации.

Последний раз я видел Пятницкого в начале августа 1935 года. Он сидел в президиуме VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала рядом с Георгием Димитровым. Мне казалось, что с того времени, когда я встречался с ним на квартире Лозовского, он порядком постарел. Сидел он, опустив плечи, чуть сгорбившись, и черные наушники, седлавшие его большую, совершенно лысую голову, придавали его резкому профилю какую-то особую законченность.

Но вот Пятницкому было предоставлено слово по докладу Димитрова. Он неторопливо поднялся со стула и пошел к трибуне.

«Бурными овациями встречает его конгресс. Делегаты горячо приветствуют стойкого, мужественного большевика. Товарищ Пятницкий останавливается в своем исключительно содержательном выступлении на одном вопросе — работе коммунистов среди безработных... т. Пятницкий кончает свою речь под бурные овации всего конгресса. Делегаты приветствуют т. Пятницкого трехкратным «Рот Фронт!», возгласами «Ура!!!»^[19].

Речь Пятницкого «Принудительный труд, фашизм и организация безработных на основе единого фронта» была глубокой, блестящей и, как всегда, опиралась на гору фактического материала.

Пятницкий последний раз говорил с высокой трибуны Коминтерна.

К 1934–1935 годам международная обстановка определялась двумя противоборствующими линиями развития. С одной стороны, всемирно-историческими успехами страны социализма и с другой — яростным наступлением фашизма и империалистической реакции во многих капиталистических странах. Соответственно этой сложившейся обстановке Коммунистический Интернационал искал более совершенные средства воздействия на широчайшие массы трудящихся всего земного шара, разрабатывал стратегию и тактику деятельности коммунистических партий в новых условиях. В руководящих органах Коминтерна проходил постепенный пересмотр некоторых устаревших или неправильных установок, мешавших объединению всего рабочего класса против фашизма.

Исключительно большую и плодотворную работу проделала комиссия по подготовке основных пунктов порядка дня VII Всемирного конгресса. В комиссию вошли: Г. Димитров, О. Куусинен, Д. Мануильский, В. Пик, П. Тольятти, Б. Кун, Б. Шмераль, Ф. Геккерт, О. Пятницкий, В. Кнорин, Е. Варга, С. Лозовский, Б. Бронков-ский (Б. Бортновский), М. Маддалева, Ван Мин и другие.

Комиссия тщательнейшим образом проанализировала состояние и деятельность каждой из зарубежных коммунистических партий, идущих к своему VII Всемирному конгрессу.

Было ясно, что длительный процесс большевизации компартий принес несомненные результаты. Протекал он в сложнейших условиях непримиримой борьбы на два фронта: против правой опасности и одновременно против «лево»-сектантских уклонов и примиренчества по отношению к тем и другим.

Борьба эта была начата с первых дней возникновения III Интернационала, начата его создателем Владимиром Ильичем Лениным и

оставалась во все годы существования Коминтерна основной предпосылкой для выковывания революционных партий нового типа. Борьба за большевистскую, подлинно ленинскую линию осложнялась неповторимыми особенностями условий, в которых проходила деятельность каждой из коммунистических партий Европы, Азии, Африки, Северной и Латинской Америки.

ИККИ неустанно руководил борьбой за большевистскую линию во всех компартиях. Руководство осуществлялось и путем подготовки вопроса на очередном пленуме, сопровождавшемся широкой дискуссией, и с помощью открытых писем компартиям, которые рано или поздно доводились до каждого рядового члена партии и давали возможность ему правильно разобраться в обстановке, и благодаря институту уполномоченных и инструкторов Исполкома, приезжавших в страны, чтобы прямо на месте в общении с руководством и рядовыми коммунистами отстаивать позицию Коминтерна.

Перед лицом постоянной опасности новых империалистических войн, особо обострившейся в связи с фашизацией буржуазного государственного аппарата в ряде стран, и непосредственной задачи борьбы с фашизмом полностью оправдала себя тактика пролетарского единого фронта как основного средства классовой мобилизации и боевого сплочения, определенная программой Коммунистического Интернационала, принятой на VI конгрессе.

Самыми значительными и по массовости и по результатам были выступления в защиту жизни Георгия Димитрова и его товарищей, представших перед фашистским судилищем в Лейпциге; февральские вооруженные бои австрийских рабочих в Линце, Граце, Вене и других городах против полиции и солдат Дольфуса и фашистских организаций; мощнейшие демонстрации и всеобщая стачка во Франции, отбившие наступление фашистских и профашистских организаций в феврале 1934 года; стачки и демонстрации в Мадриде, Астурии, Сарагосе в знак солидарности с австрийскими рабочими, против фашистского слета.

Намечался решительный поворот во всей деятельности зарубежных секций Коммунистического Интернационала. И партии, работавшие как в легальных, так и в нелегальных условиях, партии, уже имевшие за своими плечами многолетний опыт революционной борьбы, были готовы к этому повороту.

Наступали новые времена, настоятельно требующие от Исполкома Коммунистического Интернационала изменения форм и методов руководства своими секциями. Они, эти секции, вполне уже созрели для

принятия верных самостоятельных решений и не нуждались более в постоянной опеке со стороны ИККИ.

Предполагалось, что сразу же после VII конгресса начнется реорганизация аппарата Исполкома. Оперативное руководство партиями переходило непосредственно в руки самих партий. В силу этого так называемые лендер-секретариаты распускались. Упразднялся и институт уполномоченных представителей ИККИ при партиях, а количество отделов Исполкома резко сокращалось (оставалось лишь два: отдел кадров и отдел пропаганды и массовых организаций).

Значительную роль в подготовке поворота, осуществленного на VII конгрессе, сыграл О. Пятницкий за четырнадцать лет работы в Исполкоме Коминтерна. Но новый этап в развитии взаимоотношений в международном коммунистическом движении требовал выработки и нового стиля руководства. Пятницкий отлично понимал закономерность такого процесса.

По окончании VII конгресса его, члена ЦК ВКП(б), избираемого на XV, XVI и XVII съездах, ждала руководящая работа в Центральном Комитете.

Жизненным принципом Пятницкого было: «Если так нужно партии, значит так нужно и мне». И за все сорок лет пребывания в рядах партии Осип Пятницкий не изменил этому принципу. Жизнь его трагически оборвалась в 1939 году из-за необоснованных обвинений, выдвинутых против него, но до последнего дыхания он оставался коммунистом-ленинцем.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ О. А. ПЯТНИЦКОГО

1882, 17 января^[20] — В городе Вилькомире (ныне город Укмерге Литовской ССР) в семье рабочего-столяра родился Иосиф Аронович Таршис — Осип Пятницкий.

1895, лето — Начало трудовой деятельности в качестве ученика в портновской мастерской в городе Вилькомире.

1896–1897 годы — Работа дамским портным в портняжных мастерских в городах Паневеже (город Паневежис) и Ковно (город Каунас).

1898, лето — Начало революционной деятельности, фактическое вступление в РСДРП.

1899, весна — Переезд в город Вильно (ныне город Вильнюс), работа в портняжных мастерских и нелегальная деятельность в профсоюзе дамских портных.

12 апреля — Первое самостоятельное выступление на собрании членов профсоюза с разъяснением значения 1 Мая как праздника международной солидарности рабочих и призывом к первомайской демонстрации на улицах города Вильно.

18 апреля — Участие в организации и проведении первомайской демонстрации рабочих в городе Вильно (в городах Западного края 1 Мая праздновали 18 апреля по старому стилю).

1900, июль — Участие в разгроме полицейского участка и освобождении арестованных рабочих. Первый самостоятельный нелегальный перевод через границу освобожденных из полиции активистов профсоюзного движения.

Осень — Установление связи с «Искрой». Выполнение отдельных поручений организации «Искры» по транспортировке партийной литературы и людей через германскую границу. Фактическое начало деятельности как агента «Искры».

1901, август — Получение первого транспорта с искровской литературой из Германии в местечке Кибарты.

1902, 14 марта — Первый арест.

18 августа — Побег из киевской (Лукияновской) тюрьмы в числе

десяти искровцев.

Осень — Прибытие в Берлин. Организация по поручению редакции «Искры» Берлинской транспортной группы для транспортировки людей и партийной литературы в Россию.

О. Пятницкий руководил работой этой группы до апреля 1905 года.

1903, март — Поездка в Лондон. Первая встреча с В. И. Лениным, Н. К. Крупской и другими членами редакции «Искры». Май — август — Участие в подготовке II съезда партии. О. Пятницкий подготавливает явки и конспиративные квартиры, организует нелегальный переход делегатов II съезда РСДРП через границу.

26–28 октября (7–9 ноября) — На съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии О. Пятницкий твердо и окончательно стал на сторону большевиков и покинул съезд вместе с другими сторонниками большинства.

1905, 12–27 апреля — III съезд РСДРП. О. Пятницкий подготавливает явки и конспиративные квартиры для делегатов съезда, переправляет их через границу.

Июль — По заданию ЦК РСДРП и лично В. И. Ленина направляется в революционную Одессу, кооптирован в состав комитета и назначен организатором Городского района.

1906, 2 января — Второй арест. Выпущен через 6 месяцев под денежный залог.

Сентябрь — Переезд в Москву, руководство конспиративно-техническим аппаратом Московского комитета партии.

1907, апрель — Разгром полицией организованной О. Пятницким подпольной типографии МК.

1908, март — Выезд за границу по вызову Заграничного бюро ЦК РСДРП.

Май — Третий арест О. Пятницкого в городе Вилькомире по дороге за границу. Выпущен под денежный залог.

Ноябрь — Обследование по заданию Заграничного бюро ЦК состояния и организации Львовской транспортной группы, затем выезд по вызову В. И. Ленина в Женеву. Декабрь — Обследование русско-германской границы с целью восстановления связей на обе стороны границы.

1909, лето — Поездка в Париж по вызову В. И. Ленина для участия в неофициальном заседании расширенной редакции «Пролетария».

1911, ноябрь — Выезд в Прагу согласно письменному указанию В. И. Ленина для подготовки VI Всероссийской (Пражской) конференции

РСДРП.

1912, 12 апреля — Участие в работе Пражской конференции в качестве делегата от Заграничного центра партии. Назначение главным транспортером партии.

Лето — Встреча О. Пятницкого с В. И. Лениным и Н. К. Крупской в Лейпциге.

Ноябрь — Переезд в Париж. Учеба в Парижской школе электромонтеров «Рашель». Одновременно активная работа в парижской группе большевиков. Кооптирован в комитет заграничных организаций партии, назначен агентом «Правды» в Париже.

1913, 14 июля — Выезд в Поронино по телеграфному вызову В. И. Ленина.

Июль — Возвращение в Россию.

Август — Переезд в город Вольск Саратовской губернии. Работа на монтаже цементного завода «Ассерни» от фирмы «Сименс-Шуккерт». Установление регулярной связи с Заграничным бюро ЦК РСДРП и В. И. Лениным через Н. К. Крупскую.

1914, март — Переезд в город Самару. О. Пятницкий возглавляет работу по восстановлению Самарской партийной организации, одновременно работает электромонтером на электростанции.

Май — О. Пятницкий проводит учредительное собрание большевиков Самары, на котором делает доклад о положении в партии; избран в состав Самарского комитета. Июнь — Проводит по поручению Заграничного бюро ЦК организационную подготовку к проведению Поволжской партийной конференции и выборам делегатов на очередной съезд партии и международный Венский социалистический конгресс.

28 июня (И июля) — Проводит собрание представителей партийных организаций Самары для определения направления рабочей газеты «Заря Поволжья». В результате перевыборов редакции газета полностью перешла в руки большевиков.

29 июня (12 июля) — Четвертый арест. После шестимесячного заключения в самарской тюрьме сослан на 3 года в Сибирь, в деревню Федино Енисейского уезда.

1917, 10 марта — Выезд с места ссылки в Москву после амнистии.

23 марта — Прибытие в Москву. О. Пятницкий направлен Московским комитетом партии и Моссоветом на работу среди железнодорожников.

3—4 апреля — На Московской общегородской партийной конференции избирается в состав МК РСДРП, несколько позже — в состав Исполкома Московского Совета.

26 июля — 3 августа — Участие в качестве делегата от Московской организации в работе VI съезда РСДРП. 22 августа — Избрание в состав исполнительной комиссии (бюро) МК РСДРП.

Сентябрь — О. Пятницкий избран секретарем МК РСДРП (б).

11–16 октября — В связи с подготовкой вооруженного восстания по поручению МК РСДРП О. Пятницкий делегируется в Петроград, в ЦК партии.

17 октября — Выступление с докладом о поездке в Петроград на собрании партийного актива Москвы.

20 октября — О. Пятницкий вторично избран в состав секретариата МК РСДРП (б).

22 октября — Избрание в состав Боевого партийного центра для руководства Октябрьским вооруженным восстанием в Москве и Московской области.

25 октября — Начало вооруженного восстания в Москве после соответствующей телефонограммы Боевого партийного центра.

4 ноября — О. Пятницкий выступает с докладом о деятельности Боевого партийного центра на совместном заседании МК, областного бюро и окружного комитета РСДРП (б).

1918, январь — Участие в подготовке и созыве Чрезвычайного съезда железнодорожников, которым завершилась большая организационная работа О. Пятницкого по ликвидации Викжеля. Избрание членом Исполкома Московского Совета.

23—31 января — Участие в работе III Всероссийского съезда Советов и избрание членом ВЦИКа.

1919, февраль — Участие в подготовке и организации I съезда профсоюзов железнодорожников, на котором была создана единая профсоюзная организация железнодорожников России. О. Пятницкий избирается председателем ЦК профсоюза.

18—23 марта — Участие в работе VIII съезда РКП (б).

1921, март — В. И. Ленин направляет Пятницкого на работу в Исполком Коминтерна. Ему поручается организация технического аппарата Коминтерна, руководство орготделом и отделом международных связей Коммунистического Интернационала.

1922, 5 ноября — 5 декабря — Участие в работе IV конгресса Коминтерна.

6 декабря — Избрание на заседании ИККИ в состав Секретариата и Оргбюро Исполкома Коминтерна.

1923, 28 июня — Избрание на III расширенном пленуме ИККИ

секретарем Исполкома Коминтерна.

Осень — Последняя встреча с В. И. Лениным в Горках.

1924, 23–31 мая — Участие в работе XIII съезда РКП (б), избрание членом ЦКК РКП (б).

28 июля — Избрание в состав Секретариата и Оргбюро ИККИ.

17 июня — 18 июля — Выступление на V конгрессе Коминтерна с докладом по организационному вопросу. О. Пятницкий избирается кандидатом в члены Исполкома Коминтерна.

1925 — Выход в свет воспоминаний О. Пятницкого «Записка большевика».

18–31 декабря — Участие в работе XIV съезда ВКП(б). Избрание членом ЦКК ВКП(б).

1926, 17 декабря — Избрание на VII пленуме ИККИ кандидатом в члены Президиума Исполкома Коминтерна.

20 декабря — Избрание в члены Политсекретариата Исполкома Коминтерна.

1927, 2–19 декабря — Участие в работе XV съезда ВКП(б). Избрание членом ЦК ВКП(б).

1928, 17 июня — 1 сентября — Участие в VI конгрессе Коминтерна. Выступление с докладами мандатной и уставной комиссий. Избрание членом Исполкома Коминтерна. 3 сентября — Избрание в состав Президиума и Политсекретариата Исполкома Коминтерна.

1929, 6 июля — Выступление на X пленуме ИККИ.

1930, 26 июня — 13 июля — Участие в работе XVI съезда ВКП(б). Избрание членом ЦК ВКП(б).

1933, декабрь — Выступление на XIII пленуме ИККИ с речью «Компартии в борьбе за массы».

1934, 26 января — 10 февраля — Участие в работе XVII съезда ВКП(б). Избрание членом ЦК ВКП(б).

1935, 25 июля — 20 августа — Участие в работе VII конгресса Коминтерна. Выступление с речью «Принудительный труд, фашизм и организация безработных на основе единого фронта».

Сентябрь — Переход по решению ЦК партии на работу в аппарат Центрального Комитета.

1939, октябрь — Трагическая гибель О. Пятницкого.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Владимир Ильич Ленин.

Февраль 1900 года. Москва.

Осип Пятницкий, руководитель берлинской технической группы.

Начало 900-х годов.

И. В. Бабушкин.

Надежда Константиновна Крупская.

Н. Э. Бауман.

Е. Д. Стасова.

М. М. Литвинов.

А. А. Солъц.

С. И. Гусев.

№	Наименование	Сумма	Примечание
47	Транспортный пункт	320	
48	Числа № 48	1375	325 + 925
49	№ 49	1260	3150 + 1260
50	№ 50	1160	2900 + 1160
51	№ 51	1120	2820 + 904
52	№ 52	160	416 + 1596 + 1190
53	№ 53	252	2993
54	№ 54	250	2212
55	№ 55	260	659
56	№ 56	242	622
57	№ 57	172	250
58	№ 58	225	294 + 170
59	№ 59	251	500
60	№ 60	224	570
61	№ 61	219	
	Зел. Почта	194	221
	Книжки	286	
	Материалы	269 + 1180	
	Организация	93	
	Книжки с выписками	3750	
	Книжки с выписками	515	
	Книжки с выписками	20	
	Книжки с выписками	257	
	Книжки с выписками	520	
	Книжки с выписками	72	
	Книжки с выписками	339	
	Книжки с выписками	50	
	Книжки с выписками	50	
	Книжки с выписками	19 + 50	
	Книжки с выписками	49	
	Книжки с выписками	5	
	Книжки с выписками	10	
	Книжки с выписками	10	
	Книжки с выписками	5	

Листки из записной книжки Осипа Пятницкого. Перечень поступлений партийной литературы на берлинский транспортный пункт и отправки ее в Россию. (Печатается впервые.)

1. X. 04

Дорогие товарищи
Ваши письма от 22. IX
21. IX и 26. IX я получил
отвечать я не могу так
как для меня не ясна
была политика Ц. К. и
меня жительство райнше
разобраться в его политике
а потом написать.
Да она теперь пока для меня
и я жалею яры противники
такого мира и я признаю
твердые товарищи
на языке капишу подробное
письмо об этом. Пишите
что нового?
Прилагается адрес ~~на~~ никто
^{его} не назывался или
Всем лучше
Пятница
примите мои Адр.
Наши

Письмо Осипа Пятницкого В. И. Ленину. 1 октября 1904 года.

(Печатается впервые.)

Parti Ouvrier
Démocrate-Socialiste
de Russie.

Genève, le 13 juin 1905

—
RÉDACTION

—
ADRESSE

V. OULIANOFF

1, Rue de la Colline, 3

GENÈVE (Suisse)

Kommitt bevollmächtigen wir
als Vertrauensmann des Centralkomitees
der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei
Ruplands Genossen Freitag und bitten
andere Organisations- und Partisanen
sich mit Rath und That helfen.

Im Namen des Centralkomitees
der Sozialdemokratischen Arbeiter-
partei Ruplands N. Lenin
(V. Oulianoff).

Мандат Осипа Пятницкого, написанный В. И. Лениным. 13 июня 1905 года.

Осип Пятницкий. 1906 год.

Группа политических ссыльных в деревне Федино Енисейского уезда. В центре (отмечен «+») — О. Пятницкий.

С. Б. Бричкина.

М. К. Муранов.

С. И. Петриковский.

М. Ф. Владимирский.

Осип Пятницкий.

Железнодорожный райком Московской организации РСДРП(б). 1917 год. В первом ряду четвертый слева — Осип Пятницкий.

Юлия Пятницкая. 1920 год.

Осип Пятницкий. 1920 год.

Председатель Исполкома!
 Мне очень хотелось бы с Вами
 поговорить о ряде международных отношений,
 но особенно о тех, которые касаются
 тех, кто в Европе и Азии и особенно
 в отношении Колумбии.

Если мы хотим достигнуть, то я очень
 хотел бы поговорить с Вами, а не с кем
 либо из ваших ЦК.

Очень прошу отвести мне на полчаса
 на 10-е января или 11-го.

№ 1. описан пункт в каком-то из ваших изданий
 под № 11.

Я. Пятницкий (Очень
 прошу
 кинуть)

Я. Пятницкий о вашем отделе
 у товарища Гусева

Ответьте мне, 7. 10
 почему у вас не (как
 было бы). Чем от.
 слышно, что вы не
 поговорили

Записка О. Пятницкого В. И. Ленину с пометкой Ленина.

3 января 1921 года. (Печатается впервые.)

В. И. Ленин в группе делегатов IX съезда РКП(б). 1920 год. Фрагмент. Вверху второй слева — О. Пятницкий, внизу первый слева — И. Циквадзе.

О. Пятницкий в группе делегатов IX съезда партии.

Участники и наследники Парижской коммуны у Стены коммунаров. Слева направо: Марсель Кашен, Жак Садуль, Поль Вайян-Кутюрье, Морис Торез. 1926 год.

Осип Пятницкий выступает на XIII пленуме ИКНИ.

(Печатается впервые.)

Клара Цеткин.

Отто Куусинен.

Осип Пятницкий осматривает выставку Коминтерна в Доме союзов. (Печатается впервые.)

Георгий Димитров, Морис Торез и Вильгельм Пик на VII конгрессе Коминтерна. Август 1935 года.

Н. К. Крупская и Вильгельм Кнорин.

Бела Кун.

Эрнст Тельман

Сен-Катаяма.

Пальмиро Тольятти.

Винцас Мицкявичюс-Капсукас.

Адамас Мескунас.

Осип Пятницкий на даче среди детей. 1937 год.

(Печатается впервые.)

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, тт. 15, 34, 35, 39, 44, 45, 47.
«История Коммунистической партии Советского Союза». В шести томах. М., Политиздат, 1964–1968, тт. 1–3.
- О. Пятницкий, Избранные воспоминания и статьи. М., Политиздат, 1969.
- О. Пятницкий, Записки большевика. М., Политиздат, 1956.
- О. Пятницкий, Из моей работы в Московском комитете. (В кн.: «Великая Октябрьская социалистическая революция».) М., Политиздат, 1967.
- О. Пятницкий, У Ленина в Горках. (В книге воспоминаний о В. И. Ленине, том 2.) М., Политиздат, 1957.
- «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., Политиздат, 1969.
- «VI Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1928.
- «Седьмой расширенный пленум ИККИ. Стенографический отчет». М., 1927.
- «XII пленум ИККИ. Стенографический отчет». М., 1933.
- «XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет». М., 1934.
- «10 лет Коминтерна в решениях и цифрах». М.—Л., Госиздат, 1929.
- «Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом». М., Партиздат, 1935.
- Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1968.
- «Некоторые вопросы стратегии и тактики партии большевиков в Октябрьской революции». М., изд-во «Мысль», 1968.
- «Очерки истории Коммунистической партии Литвы». Журнал ЦК КП Литвы «Коммунист», № 1–6, 10–12 за 1967 год.
- «Всегда с партией (К 80-летию со дня рождения О. Пятницкого)». «Правда», 30 января 1962 года.
- «Осип Пятницкий (Борцы за великое дело)». «Известия», 31 января 1962 года.
- А. А. Алов, По мандату Ленина. «Прометей» № 5. М., «Молодая гвардия», 1968.
- «Герои Октября» (Книга об участниках Великой Октябрьской социалистической революции в Москве). М., изд-во «Московский

рабочий», 1967.

А. Б. Мельников, По маршрутам «Искры». В сб.: «У истоков партии». М., Политиздат, 1963 и 1969.

«Октябрь в Москве». М., изд-во «Московский рабочий», 1967.

Материалы из личного архива И. и В. Пятницких.

INFO

Дмитревский Владимир Иванович
ПЯТНИЦКИЙ. М., «Молодая гвардия», 1971.
272 с., с илл. («Жизнь замечательных людей».
Серия биографий.) Вып. 15 (503).

ЗКП(092)

Редактор *Е. Любушкина*
Серийная обложка *Ю. Арндта*
Художественный редактор *А. Степанова*
Технический редактор *Е. Брауде*
Корректоры *З. Харитонова, Т. Пескова*

Сдано в набор 4/V 1971 г. Подписано к печ. 19/X 1971 г.
А00376. Формат 84x108 1/32. Бумага № 2.
Печ. л. 8,5 (усл. 14,28) + 13 вкл. Уч. — изд. л. 15,6.
Тираж 65 000 экз. Цена 67 коп. Т. П. 1971 г., № 382. Заказ
985.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

---

notes

Примечания

1

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 2.

Спица — В. И. Невский.

Берг — А. В. Шотман.

С. И. Гусев.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, стр. 188.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 341.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 390.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 393.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр 333.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 43.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 18–19.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 19, 21.

Там же, стр. 30.

«10 лет Коминтерна в решениях и цифрах». М., Госиздат, 1929, стр. 68.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 294.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 293.

«Правда», 30 января 1932 года.

«Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом». М., Партиздат, 1935, стр. 118.

«Правда», 5 августа 1935 года.

До 1918 года даты даются по старому стилю.